НАСТОЯЩАЯ
ФАНТАСТИКА
АЛЕКСАНДР ТЮРИН
ФЛОТ
СУДНОГО ДНЯ
Человечность против совершенства

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Середина XXI века. Группой корпораций «Три Горгоны» созданы технологии, которые могут обеспечить бессмертие человека. Но лишь такого человека, который способен за это заплатить. Бессмертные размещаются на четырёх супер-кораблях проекта «Мировой змей», практически ковчегах, также принадлежащих «Трём Горгонам». Ведь их пассажиры способны пережить любые катастрофы, которые могут обрушиться на планету. Однако с одним из кораблей «Мирового змея» происходит странная авария. Главный герой, простой смертный, должен обеспечить ремонт корабля в кратчайший срок, причём в условиях, когда ни одному ремонтнику не позволено находиться непосредственно на борту… Новый роман «отца-основателя» русского киберпанка Александра Тюрина – это гремучая смесь не только киберпанка, но и «твёрдой», социальной и просто приключенческой НФ!

- Александр Тюрин
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Эпилог

Александр Тюрин
Флот Судного дня

Глава I

Технонезия. Дождь

Закрываешь глаза, и шум дождя заполняет тебя, вливается, как в бутылку. Сезон муссонов, набирает мускулатуру ураган «Мозес». Среда, что внутри меня, что снаружи, становится почти одинаковой, как у какого-нибудь моллюска. Душно, словно на кухне, где закрыты окна и вовсю фурычит плита, пот ползет по лбу и спине. Запах пережаренного пальмового масла подкрашен ароматами гниения из ближайшего бака для отходов. Вдобавок тихий, но емкий, грозный гул; в стенки искусственных островов бьется пучина. А бубнеж новостного сервера через динамички, встроенные в височные кости, сливается с бульканьем кальмаров, безвинно страдающих на сковороде. В этой липкой влажной среде растворяется все, даже свои имя и фамилию вспоминаешь с усилием.

Открываешь глаза – тоже с трудом, будто веки слиплись от маслянистой сырости – и видишь темное на темном, тоху ва-воху, тьму над бездной; только еле уловимая полоска отделяет струи друг от друга. Кажется, еще немного, и эти полоски сольются, вода объединится с водой.

Конечно, в свое время Господь отделил воду от воды и сказал: «Да явится суша». И возникла худо-бедно жизнь, заползала, забегала, запрыгала посуху. Но однажды Господь передумал. И опять получилось, что кругом вода, одна вода, и снизу, и сверху. «И что над нами километры воды, И что над нами бьют хвостами киты», как пел один добрый малый, когда я был совсем крошкой. Крошкой был, но уже подпевал. Разверзлись источники великой бездны, и окна небесные отворились. И все живое, вероятно, кроме того, что умеет дышать под водой, захлебнулось, откинуло копыта, отбросило коньки, не допев, не домычав, не доржав до конца. Что является весьма неприятным процессом – скажу по собственным впечатлениям.

Было лишь небольшое исключение в виде Ноя и К°, когда «от каждой твари по паре». Как делегировались представители от каждого вида животных, по какому принципу отбирались эти аристократы животного мира – Писание умалчивает. Мы не знаем и то, в каком виде они находились на ковчеге, замороженном, эмбриональном, сублимированном или оцифрованном. Однако не рекомендую прикрывать незнание усмешками и плоскими шутками, ибо «смех глупцов – словно треск горящего хвороста под котлом».

Стали мы лучше со времен Ноя Ламеховича? Сомневаюсь.

Можно сказать, большая часть того, что называется обычным бизнесом, стоит на грехе и грехом погоняет. Единственный практический вывод из этой истории – учитесь дышать в воде.

Психоаналитик скажет, что если я заморачиваюсь каким-то потопом, то у меня проблемы с либидо в предпенсионном возрасте, ибо так сказал Фрейд. Извините, может, у Зигмунда других проблем не было в моем возрасте, а если меня уволит господин Чу, то я окажусь под забором в компании с мокрицами и другими беспозвоночными…

Я с трудом сфокусировался на том, что выглядело сперва, как сильно подгоревший блин. Лицо уличного повара. Надо было еще разогнать рукой рекламные пузыри, которые дождь сгоняет под любой навес, чтоб они лезли тебе в глаза своими неоновыми надписями. Раздавались квакающие звуки, на которых тоже надо было фокусироваться, шевеля ушами, чтобы различить хотя бы самые нужные слова.

Макананму туан. Денган анда дуа рибу рупи. Ваша еда, господин. С вас четыре тысячи местных рупий.

Завысил шельма цену раза в полтора, но все равно это гроши́. Дешевое место, дешевая еда, дешевый труд, грошовая жизнь. Все шестерят, мельтешат, скачут, проявляют инициативу, трясут задом, лезут в глаза, но все очень бедные, за исключением тех, кто очень богатый. Рыночный ад, в котором, чтобы заработать монетку, надо потратить в десять раз больше усилий, телодвижений, приседаний, отжиманий, чем в рыночном раю.

А что, вкусно ведь: ми горенг, жареная лапша с креветками и всякой хренью. Только остро. Специи убивают бацилл и прочих назойливых одноклеточных, но усиленно карябают мой изношенный желудок. Когда-то белые господа приплыли в южные моря, первым делом, именно за специями и сказали цветным людям: «Ты мне нравишься, мелкий, не боишься жары и москитов. Будешь делать то, что я тебе велю. Иначе тебе не помогут ни твои боги и духи, ни твои ужимки и прыжки, ни твои луки и стрелы, я, по-любому, оторву тебе яички. Я теперь твой бог и твой дух, потому только бог и дух может делать прибыль в тысячу процентов». Как того парня звали, который здесь первый навел порядок, побив зараз арабов, индусов, персов, малайцев в битве при Диу и, что характерно, повесив затем всех пленных? Вроде Алмейда. Или Албукерки. Мало кто помнит, как его зовут, но дело его живет.

Месяц назад в двух шагах отсюда, при таком же дожде, возле такого же прилавка, на котором, правда, стояла не миска с ми горенг, а сладковатое гадо-гадо в одноразовой тарелочке с натужно мигающей рекламой на ободке, я познакомился с

девушкой. У нее было красивое санскритское имя Путри – «царевна», влажная кожа цвета окружающих неоновых огней и почти что ненастоящее личико фарфоровой куклы.

Если бы она подвалила ко мне в баре, я был бы уверен в том, что она, сто процентов, местная жрица любви. В этих краях даже малолетки, едва закончив начальную школу, вертятся в барах и возле отелей, выискивая какого-нибудь мистера и предлагая единственное ценное, что у них есть, и то, что постоянно дешевеет в конкуренции с биомехами. Ведь на деньги, которые они зарабатывают, живет гурьба их меньших братьев и сестер. И их услуги должны быть дешевле, чем у «девушек, сработанных по науке», то есть секс-кукол Долли с пластиковыми гениталиями, с десятью позами так и пятью позами сяк. Да и то половину того, что они заработают телом, отнимет сутенер.

Короче, в баре я бы встал и отвалил. Но это случилось, увы, не в баре. Я тогда пялился точно так же, как сейчас, сквозь пелену дождя в ворочающийся живой мрак, и мне казалось, что в нем прячется, помимо множества непроявленных жизней, и какая-то забытая мной, но моя собственная жизнь. А затем из влажного мрака неслышно вышла Путри с каплями дождя на словно бы восковом лбу.

Она продавала безделушки в виде демонов, вырезанные из вулканического камня, и ее тонкие почти просвечивающиеся руки двигались так, будто она танцует балийский танец тари-пендет. Когда она оказалась совсем близко от меня, шепча что-то неразличимое голубоватыми губами, я предложил ей выпить и поесть, она не отказалась.

Если б я тогда подумал, а что, собственно, дальше? Что угостить эту Путри совсем не то же самое, что бросить хавчик уличной кошке или бродячей собаке… Очень скоро я сделал ей и другое предложение.

Ну а что такого особенного, я ведь состоял в браке, кажется, в мезозойскую эру – с тираннозавром женского пола. Подружки никакой нет, ни одну приличную даму не прельщают мои достоинства, каковые при ближайшем рассмотрении оказываются моими недостатками. И, между прочим, длительное воздержание вредно, а невоздержание полезно. Вон все издатели журнала «Плейбой» живут по сто лет, а режиссеры, которые выступают у актрисок в роли Зевса, то есть быка-производителя – по девяносто, как минимум. Такая была нехитрая мысль. Я и решился. А у местных женщин, которые работают на улице, не принято отказываться.

Еще раз отмечу, что у себя на родине я, конечно, никогда б не намекнул на что-то такое незнакомке, да к тому же втрое моложе.

На родине я вообще муму в присутствии дам, не считая, конечно, тех, кому за семьдесят. А здесь – темная фигурка Путри, выступившая из уличной сырой мглы, мало отличалась от демонов, которых она продавала. То ли человек, то ли дух, суккуб какой-нибудь. Колебания атомов, вихрь-ревербератор, поток дхарм. Так что и никакого морального барьера не почувствовалось. Сперва.

Путри появлялась из ничего, как тень в индонезийском театре ваянг, обвивала меня, как лиана обвивает какой-нибудь неподвижный столб, проникала в разные потаенные места, насыщая их сладостью, давая на время полное умиротворение. И исчезала в никуда. Снова возникала из уличной сырости и опять пропадала. И с каждым разом я все более проклинал себя за то, что поддался этому инкубу. Вполне себе рыночному.

Ведь победить дешевую машину в конкурентной борьбе может только самое дешевое человеческое тело – и с каждым годом его услуги лишь дешевеют. Кончается все тем, что оно превращается в плантацию органов. И в финале его просто разбирают на части, потому что оно всем задолжало. Рынок франкенштейнов – биомехов, которым на карбоновый скелет натягивают трупный материал, точнее трансплантаты от ранее живших граждан – всасывает ткани и органы как колоссальный пылесос. Но это «свободный выбор на свободном рынке, вас никто не заставлял» – все устроено наилучшим образом в этом лучшем из миров. Однако и я, получается, тоже решил сорвать свой куш с чужой безысходности.

После каждой встречи с Путри я, в отличие от какого-нибудь мистера Твистера, ожидал кары небесной. Сходил, проверился к доктору-венерологу. Нет, вроде не заразила, даже новомодным синтетическим вирусом KillFrier, десять модификаций которого смастерил какой-то злюка-импотент с помощью секвенатора за пятьсот баксов.

Проверял не раз, отразились ли мои грешки на родных. Судя по страничке сына в сети, он в порядке, служит, ожидает присвоения очередного звания. И моя бывшая – в ажуре, может уже поднять кундалини до сахасрары (не очень понимаю, что это значит, но надеюсь, что речь не о сексе). Ее ГМО-котики живы и здоровы, умеют открывать холодильник когтями и радостно машут светящимися хвостиками. И сожитель у нее – молодой йог.

Кары небесной все не было и, несмотря на свой страх, я каждый вечер фланировал по этой улочке, состоящей из нескольких десятков дешевых обжираловок, где несколько недель назад последний раз встретил Путри. Хотя перекусить-то можно и в другом месте; не за четыре, а за шесть тысяч рупий, столь же

вкусно, но без опасности подхватить каких-нибудь мелких гадов вроде сальмонелл или трематодов. Но, может быть, карой надо посчитать то, что она уже несколько недель не выходит из тумана?

Ладно, пора топать обратно в капсульный отель, где номер напоминает гроб со всеми удобствами. Я накинул пластиковый плащ и вышел под дождь. Неугомонный бой капель по пластику даже оглушил на время. Захотелось скинуть плащ, но я побоялся это сделать, словно дождь мог размыть меня как сахарную голову. На ходу я замечал, что капли, соскакивающие с моего плаща, искрят и светятся. Сразу вспомнились буддистские разговоры про то, что каждое мгновение в нас появляются и исчезают мириады дхарм. И сделав всего один шаг, мы меняемся. Мы становимся новым набором координат, оставив часть старого бытия позади. Еще сто шагов, мы изменились больше. Еще сто тысяч, и от нас прежних ничего не осталось. Мы полностью новые, но с тем же набором желаний, навсегда присущих не лично нам, а материи вообще. По сути, нас просто нет в этом плотном мире, существует лишь катящееся изменение волновых параметров. Так что печалиться ни о чем, собственно, и не требуется. То, что по-настоящему не существует, то не может что-то утратить или умереть. Оум.

Впрочем, память услужливо подсказала, что капли, скорее всего, светятся от той фотонической краски, которую распыляют рекламные дроны, малюющие в облаках зазывные лозунги…

Я скинул плащ, когда ощутил, что меня окружили и вот-вот начнут бить. Эти персонажи тоже сгустились из ночной сырости, как и Путри, только у них был противоположный знак. Допустим, она была инь, а эти – ян. Единственное, что я смог сделать, – это инстинктивно отступить к забору, шепчущему, благодаря рекламным стикерам, все те же зазывные объявления, предлагая легко заработать миллион, превратить боль в удовольствие, купить любые услады. А те ребята, что возникли передо мной, явно предлагали смерть или что-то вроде. Их пятеро; в банданах, повязанных на почти что птичьи головы, с птичьими резкими голосами, маленькие и слабо различимые на фоне мглы – как те демоны из вулканического камня, которых продавала Путри.

Уличный фонарь, пробиваясь сквозь листву и струи дождя, кое-как подмазывал «оппонентов» серовато-желтым некрасивым светом. Все ниже меня на голову – для зрителя это выглядело бы, примерно, как первоклашки, скопом окружившие третьеклассника. Подумалось, что если б они хотели меня пристрелить, я бы уже лежал головой в луже, с мозгами, вываливающимися через дырку в затылке. Или с внутренностями,

превратившимися в такой клубок, что и опытной вязальщице не распутать – лепестковая пуля, «гуляющая» по телу, это хит сезона. Значит, ребята хотят чего-то другого – напугать, искалечить, заразить, разобрать на органы или что там в меню.

Тут я почувствовал боль. Ближайший «демон» быстрым почти неуловимым движением ткнул меня кулаком в лицо. Боль и привкус крови на разбитой губе, как ни странно, убрали оцепенение и страх – это ж весьма далеко от нокаута, я-то знаю, что значит всерьез получить в бубен – и помогли мне преодеолеть какое-то отчуждение от собственного тела. Мой взгляд перестал растекаться вместе со струями дождя и четко зафиксировал всех врагов, их манеру двигаться и нападать.

Каму тидак пунья хак унтук менггунакан гадис кита. Суда вактунья унтук мембаяр толол лама. Слова малайские сыплются как горох, не различить. Тот, что ткнул меня кулаком в лицо, говорит вроде, что надо заплатить. За какую-то девушку. За Путри, что ли? Анда берхутан ютаан рупии кепада ками. Что, сколько? Я им должен два миллиона рупий? Ничего себе воздаяние. А не слишком ли жирно, нельзя по прейскуранту? Я, конечно, понимаю, что «любовь не вздохи на скамейке и не прогулки при луне», но двадцать тысяч рупий – максимум, сколько стоит женщина с улицы.

Так, еще пара десятков слов, похожих на звук гороха, бьющегося об стол, и ближайший бандюк снова ударит. Будет бить ногой, потому что понял, кулачки у него слабоваты, чтобы нокаутировать увесистого рослого иностранца. Вот пошел на разворот, чтобы врезать ребром стопы мне в правую часть головы. Пора.

Я резко присел и нанес короткий удар в пах «демону» – его яички всмятку. Извини, друг. Выпрямляясь, перехватил его худую ногу повыше лодыжки, толкнул ее вверх, услышав треск рвущихся на швах штанцов. И, ухватив бандита за тощую довольно дряблую шею – вспомнилась общипанная курица, – основательно ткнул его головой в физиономию соседу. Послышался хруст ломающегося носа. Затем, уцепив оппонента за предплечье, с одного разворота вбил его в забор. Гул пошел, как в оркестровой яме. Пожалуй, перестарался я, снимая напряжение и компенсируя испорченный вечер. Бандит сполз вниз, оставив красную стрелку и овальную вмятину на рифленом металле.

Другой бандит, который получил головой товарища в свое маленькое треугольное личико, стоял, согнувшись и старательно роняя из носа окровавленные сгустки соплей. Казалось, что внутри он одними соплями и заполнен. Зато двое других стали выписывать восьмерки чем-то посверкивающим – ага, достали

ножи. Но как-то без задора; создавалось впечатление, что они к тому же бздят. Я почувствовал запах страха, который источают их немытые миниатюрные фигурки.

Захапав согнувшегося бандита, прикрылся им от ножевого удара. «Прикрытие», получив под ребро, булькнуло и засвистело продырявленным легким, затем с моей помощью попало под тычок другого ножа. На сей раз лезвие застряло в его жилистом теле. Я, ухватив за запястье того, что бил ножом, второй рукой хлопнул его снизу под локоть – до хруста ломающегося сустава. Нож, застрявший в теле «прикрытия», я вытащил сам, заодно подумав, что у никого из тех, похоже, нет огнестрела, значит угроза по сути снята. Тут и двое последних «демонов», завидев лезвие в моей руке, стали пятиться.

У одного, впрочем, пока что оставался нож. Он попробовал пырнуть меня, я коротко ударил ребром ладони по его кисти сбоку. Не слишком удачно, лезвие его ножа скользнуло по моим наручным часам, отчего они заиграли будильное «Нас утро встречает прохладой» и сломались. Может, поэтому я чиркнул трофейным ножом возле его лица, намекая, «не зли меня», а получилось так, что отхватил ему полноса случайно. И тот боец уже не боец, выронил свое оружие, плачет, жалуется на меня небесам.

Последний функционирующий бандит откровенно собрался дать деру. Я успел ухватить его за ворот рубашки, но он сумел выскользнуть из нее и улепетывал, поблескивая какое-то время лопатками, опять-таки похожими на крылышки общипанной курицы. Единственным наказанием был для него шматок грязи, которым я зафитилил вдогонку, – слышно было, как у него рванул пердак от страха.

Четверо пострадавших стонали и переживали у забора, совсем уже безобидные. У одного из них в сумке я нащупал шприц-пистолет – они, похоже, собирались усыпить меня и привезти куда-то просто как тушу. Работают на черных трансплантологов? Допросить, что ли? Я взял одного из тех за ухо, похожее на пельмешку, и слегка покрутил. Но прежде чем задать вопрос на засыпку, почувствовал мокрое и липкое на пальцах – ухо, что ли, оторвалось.

Но вот из темноты ко мне подвинулся шестой, которого я ранее не видел, на две головы выше предыдущих, даже выше меня, блеснула холодом вороненая сталь ствола и высветились ядовитой желтизной зрачки. Это исполнение приговора. И Отче Наш не успею прочитать, как попаду в лучший мир.

Однако с воем полицейской сирены в глаза ударил плотный свет фар. И шестой исчез. А на меня, наставив стволы, принялись

орать трое коротышек-полицейских в фуражках с высоченными тульями, которые им придавали вид петушков. Где ж вы раньше-то были?

Мне вывернули руки, ткнули носом в грязь, пахнущую скисшими фруктами, и защелкнули сзади наручники. Еще одно воздаяние за Путри, надеюсь, последнее. Нет, зря понадеялся. Меня выпрямили и обильно прыснули в глаза перечным спреем. Зачем, дебилы? Позаимствовали идею у жирных американских копов, у которых задница в штаны не помещается? Нет чтобы самим что-нибудь придумать. Я почти что отключился от адской боли – это вам, блин, не крохотные кулаки шоколадных братишек. Она не только разрезала глаза, но и пластовала весь череп, как огурец.

Полностью пришел в себя только в полицейском участке. Причем приходил в себя как-то по частям. Вначале включился стрекот цикад из-за окна и шум пропаренного воздуха, который толкли лопасти вентилятора. Затем почувствовалось распирающее давление глазных яблок, готовых лопнуть, потом увидел лампу, которая лила свет – желтый и противный, как моча из бутылки, куда писают в местных трущобах по причине отсутствия ватерклозета. Потом увидел купол облезлой головы, на которую сливался свет. Это какой-то полицейский чин с лысиной, похожей на след от копыта. Потом обозначились гекконы на стене, которую забрызгали капли света-мочи. Наконец, давление в своем мочевом пузыре – возраст, как-никак, напоминает о себе.

Полицейский чин говорил со мной на «пиджине», малайском с добавлением китайского, испанского и английского. Официальном языке Технонезии, населенной преимущественно яванцами, бангладешцами, филиппинцами, латиносами всякими. Тонкоголосой скороговоркой, словно бы натянутой на крылышки насекомых.

– Кто тебе позволил бить и калечить наших людей? Думаешь, что ты такой большой и толстый, что тебе все можно?

И чего они все привязались к моей толщине? Не так давно, лет пятнадцать назад, я был просто высокий, стройный парень около сорока, копна волос, в которой пальцы застревали, почти что «кубики» на животе. А потом старость подкинула мне лишних полсотни кило и авоську прочих печалей.

– Начальник, неужели вы думаете, что я один напал на шестерых человек? Я что, похож на шестирукого Шиву?

– Положим, шестого мы не видели. И у тебя был нож. У тебя. Этим ножом ты несколько раз продырявил молодого мужчину, которому надо кормить большую семью, но расходы на лечение

навсегда погрузят ее в нищету. А другого молодого мужчину ты лишил способности иметь потомство, и некому будет заботиться о нем в старости. Однако тебе, злодею, и этого показалось мало, ты еще разбил ему голову об забор, как орех. А третьему юноше сломал руку, напрочь, так что кость торчит. Еще одному молодому человеку ты по-садистски отрезал нос, чтобы насладиться его мучениями, физическими и психическими, ведь новый нос, скорее всего, ему не по карману. Но и этим ты не удовлетворился, демон, и вдобавок разорвал ему ухо. Их неутешные сестры и матери плачут сейчас, они почти в истерике, потому что не в силах помочь. И кто позволил тебе резать и мучить наших людей ради своего удовольствия?

– Господин офицер, для меня наслаждение – тарелку пельменей умять, а не отрезать носы и отрывать уши. Уж не говорю про то, чтобы лишать кого-то детородных функций. И что вы заладили про «наших» людей? Я тоже ваш, я за дружбу народов. Мы вообще интернационалисты и песни у нас соответствующие. Вот послушайте, из нашего кинофильма «Цирк» – мне ее дедушка пел, когда я был маленьким. Тулпарым шункырым, Инде скла син-тын. На-ни-на, на-ни-на, Генацвале патара. Нахт из ицт фун ланд бис ланд. Кинд кенст руинг шлафен. Хундерт венг фоим ланд. Алле фар дир офн. Упомянутым мамашам посоветовал бы дать сынкам правильные морально-нравственные ориентиры, пусть нападают на богатых, а не на бедных, хотя, конечно, тогда вместе с носом и голова улетит. Сестричек-истеричек лично могу научить методам первой помощи – как вкалывать обезболивающее и накладывать шину. Притом никаких щипков за попку, обещаю.

– Издеваешься, да? Даже и капли раскаяния у тебя нет, наглый иностранец.

– Как же нет. Есть у меня раскаяние. Особенно сочувствую тому, который промеж ног заработал. Я когда в десятом классе был, мне тоже один первоклашка вдруг как врежет ногой по яйцам, ни с того ни с сего. Но эти ребята первые начали. Это они демоны, ракшасы, шайтаны, ибн Харам, а не я.

Прошло двадцать минут такого разговора, в ходе которого я не смог ни уболтать, ни расположить к себе грозного поца со следом от копыта сатаны на макушке. Под конец я не выдержал давления выпитых банок пива и обмочился. Позор. И не только.

Тогда полицейский подошел и вмазал мне, точнее отвесил пощечину. Но как-то дежурно, без страсти, без огонька. Совсем не та плюха, которые мы видим на соревнованиях по пощечинам, когда люди валятся под стол без сознания. Впрочем, звон, который пошел от моего лица, полицейскому понравился,

поэтому он повторил. А я, как говорится, подставил другую щеку. А потом снова первую. И опять вторую. Господин полицейский сыграл гамму на моих щеках, но после исполнения «до-ре-ми-фа-соль-ля-си» приустал и, немного пройдясь, сел. Было видно, что лужа мочи на полу его не мучает, раз он спокойно по ней прогулялся, оставляя затем мокрые следы по всему кабинету.

– Я позабочусь о том, чтобы остаток жизни ты провел в тюрьме, старый дурной иностранец со слабым мочевым пузырем. Может, у тебя и прямая кишка тоже кривая? Я гарантирую, что тебе наша тюрьма не понравится. Там тесно и душно, много клопов и блох. В туалет там выводят раз в сутки, так что будешь гадить под себя и купаться в том, что ты навалил. А еще тебя будут дуплить по пять раз в день местные носороги.

Блин, и ведь упечет же. И эта самая заднепроходная любовь тут распространена даже на воле, не только в каталажках. Девки ищут платежеспособных клиентов по барам и отелям, к ним присоединяются и леди-бои, а остальная молодежь пердолит друг дружку из-за бездуховности так, что аж дым идет. Днем-то ладно, я любому «местному носорогу», если что, писписку быстро оторву. Но, получается, придется не спать по ночам, пятую точку свою караулить?

– Дальнейший разговор только в присутствии консула и адвоката. – Мой голос, прямо скажем, прозвучал не гордо, а довольно плаксиво.

Допрос, наконец, закончился, и меня уволокли в «обезьянник», звенящий от кровососущих насекомых, вонючий, разрисованный по стенам всякими извращениями – при помощи пальца, вымазанного в дерьме.

Кажется, все. Эта Путри, тощая как мартышка, зверушка с шелковистой кожей, была заброшена в мою жизнь, чтобы та побыстрее закончилась. В душной, тесной и вонючей тюремной клетке. Я же чувствовал задницей, что добром эти встречи не кончатся! А все равно вел себя как дебил-мотылек при виде свечки – лечу, лечу, обнять тебя хочу.

И вообще, зачем я здесь?

Полгода назад меня выловили из Средиземного моря, неподалеку от Лазурного берега. Утопленного как будто, однако затем ожившего. А потом я удивил господина Чу Чун Шена знанием всего мирового судоремонта, всех китайских династий и умением заглотить полный стакан водки за один прием.

Как раз организовывалось судоремонтное предприятие «Чжен Хэ Маритим», оперирующее в восточной части Индийского океана и западной части Тихого, и специализирующееся, в первую очередь, на ремонте судов прямо в море. Названное с намеком, в

честь того китайского товарища, которому не мешали бубенцы между ножек и который пересекал океаны до всяких Колумбов и Васек да Гама, не имея никакого желания пограбить, в отличие от европейцев, а лишь для того, чтоб показать хорошие китайские манеры и искусство чаепития.

Главным тут было – непосредственно в море, без долгосрочного и дорогостоящего выведения судна из эксплуатации и постановки его в береговой док. У «Чжен Хэ» было немало ремонтных судов и два больших плавучих дока по триста метров длиной. Помимо Китая, конторы в России, Индии, Вьетнаме, на Филиппинах и в Технонезии. Мне предложили возглавить службу безопасности в технонезийском филиале. И уже казалось, что жизнь, пусть и на старости лет, налаживается. Это ж логично, не наладилась в начале, значит, наладится в конце. Должно же хорошему человеку, наконец, повезти.

Хотя, с чего я взял, что я хороший и что мне должно под конец повезти? Десять миллиардов таких же «хороших» болтаются, как говно в проруби, всю свою жизнь. И их предки болтались, начиная с неолита, несмотря на изобретение колеса и паруса. И их потомки будут болтаться, если даже появится сортир с нуль-транспортировкой фекалий в другую галактику.

Думал, покручусь пяток лет в этой самой Технонезии, в духоте, да не в обиде, поднакоплю деньжат и на пенсию куда-нибудь, в средней полосе России, подальше от разбухающего как Левиафан океана. Пить чай с малиновым вареньем и слушать, как храбро трещат полешки в печурке, отгоняя холод, и глядеть на белый снежок под березками. Как хочется зимы, хрустящего наста под ногами, солнца, играющего на сосульках, хочется увидеть тысячи брызг солнца на тысячах ледышек, хочется похрустеть квашеным огурцом из бочки, естественно употребив перед этим ледяной водочки из запотевшей стопки. Хочется воскресным утром подойти к церкви и почувствовать, как ее золоченные дерзкие луковки тянут мою душу вверх, к небесам, где я пока что не был, а она, возможно, уже побывала… Может, даже подженюсь успею, без особых затей, на дамочке сорок плюс. От нее ничего, по сути, не будет требоваться, разве что не скандалить по утрам и попадать по габаритам в дверной проем.

Но обезьянка Путри запрыгнула на мою ветку и сломала ее, потому что та оказалась, вопреки моей наружности, тонкой и сухой. Хрен мне в сумку, с перцем, а не домик с малиной. Но, по-любому, если только я выйду из застенка в живом виде, то, не медля, беру билет на самолет и лечу к чертовой матери. Клянусь своими подгнившими потрохами! Пусть хотя бы охранником в сельском магазине, только не у проклятого экватора, а на

шестидесятой параллели, в родных краях.

С этой мечтой я задремал из-за истощения всех психических и физических сил.

И во сне я гулял по своему телу вместе с какими-то серебристыми бабочками, как будто даже ощущая отдельные клетки, и на пальцах словно катались шарики белковых глобул. Эти клубочки раскручивались, я чувствовал тоненькие вибрации водородных связей и гудение вандерваальсовых, постигал структуру гидроксильных и карбоксильных групп, как «уголки» и «зигзаги». Я осязал пульсации ковалентных связей и клещи ионных, дрожащие бугорки полимерных диполей, зыбкие кольца супрамолекул.

Ощущал и пластиковую переборку камеры с ее плотно упакованными в цепочки атомами углерода, и металл решетки с потоками электронов, омывающими кристаллические узлы, колечки ароматических соединений, источаемых ментоловой сигаретой, которой, наверное, дымил кто-то с той стороны решетки. И вонючий «обезьянник» казался мне обителью тайн и чудес.

Этот «урок естествознания» закончился, когда меня пнули в бок и рядом появился какой-то полицейский, метр пятьдесят вместе с фуражкой и каблуками. При вставании с деревянного топчана, пропахшего по́том и мочой, заныли все кости, заболели все суставы и зачесалось между лопаток; может, я уже подхватил чесотку. Говорят, к местным клещам добавились трехмиллиметровые твурмы – созданные искусственным путем, но дырявящие кожу и пьющие кровь, как настоящие вампиры.

– За тобой пришли, толстый, – пропищал полицейский, – внесли залог. И вообще там все серьезно, мой начальник не смог отказать. Кто бы мог подумать, что у жирного неопрятного мешка вроде тебя имеются такие друзья.

И буквально через пару минут я, со свистом вылетев из полицейского участка, оказался внутри роскошного лимузина. Очень крутого, которому не требовался человек в виде водителя, его имитировал биомех в красивом кепи. С мягким шипением дверца отделила меня от наружной духоты, сырости и хора кровососущих насекомых. Я попал туда, где царила сухая освежающая и успокаивающая прохлада. Приятно, но ненавязчиво меня облекала сочащаяся отовсюду музыка – стиль бачата, кстати, всегда мне нравился. Длинноногая девица – такая лакированная, глянцевая и надутая в нужных местах, что я подумал, не кукла ли это тоже, прилепила трансодерм к моей коже в районе сгиба на локте. Гибкий экранчик на нем показывал, как входят в мою кровь успокоительные, анестетики и

антигистамины. Аэрозоль из одного флакона успокоил глаза. Прыск из другого охладил и стянул отек на разбитой губе. Еще пару прысков, и мои щеки перестали помнить, какую музыкальную гамму на них сыграл господин начальник. По моей просьбе «кукла» прыснула мне серебристым спреем между лопаток – там тоже стало хорошо и не чесотно.

– Какие планы на будущее, господин Кид Иванович Пятницкий? – спросил кто-то из-за спинки кресла в передней части салона.

– Линять отсюда, господин N, как можно скорее – такие планы на будущее, – честно признался я неведомому собеседнику. – Подальше от всех местных принцесс, бандитов, полицаев и прочей каки. И работодателя заодно. Как-нибудь без них проживу.

– Здесь тяжело, но будущее именно здесь, – сказал пока невидимый собеседник.

– Да ну, а я и не знал.

Собеседник неожиданно разразился спичем.

– Париж парализован интифадой, Лондон до основания заражен самопрограммирующейся вирусной заразой из Портон-Дауна. Симспейс и виртуальная реальность убили Голливуд, в Лос-Анджелесе сто банд правят бал, словно это Гватемала. Оценив рост безвозвратных «токсичных» кредитов, нью-йоркские банки перелетели в Шанхай. От Детройта остались одни руины, как и от большинства промышленных центров Запада. В Берлине и Стокгольме, некогда славящихся велфером, неимущие давно улетели через эвтаназионные центры на небеса, точнее, в смеси с люцерной, древесной щепой и соломой превратились в компост, пригодный для выращивания овощей. Два африканских «человеческих прилива» размыли Европу – можно сказать, пришла ей ответка и за работорговлю, и за жесткач в колониях. Потомки работорговцев изведали силу лучевых ассегаев. Нации-оазисы вроде Бранденбурга отгородились десятиметровыми заборами под электрическим током.

А мужик-то склонен то к длинным сентенциям, как профессор, которого гонят из всех универов за приставания к студенткам. Я пару раз встречал таких «ученых» в кабаках, но они были бедные и все норовили хлебнуть на халяву. Мне вот подряд десять сложных слов не произнести, чтоб не запнуться и не прибавить пару слов-паразитов вроде «ну», «э» и какое-нибудь популярное междометие на букву «б».

Но этот спич до боли напоминает вещание левого сервака, именуемого «Голос Че», не там ли подвизается мой собеседник?

– Если я сейчас слушаю не «голос Че», тогда вы, наверное,

реинкарнация Ноама Хомского?

Но мужик на меня не особо реагирует – и в самом деле, как смею я прерывать хозяина лимузина, длиной с вагон, и владельца телочки, у которой ноги до потолка.

– В общем, бежать вам некуда. На Западе из вас сделают компост. А на вашей родине в очередной раз «оттепель» и «перестройка».

Да это я без тебя знаю, открыл Америку через форточку. Оттепельщики удачно приконнектились к народному мозгу, хорошо залили в него – мол, зачем нам «противостояние со всем цивилизованным миром», и, дескать, всю духовность придумали церковники и политруки. Так что, народ русский, незачем осваивать тебе тундру, океаны и космос, поделись на четыре гендера, двадцать сексуальных ориентаций, сотню сект, и осваивай франшизы известных брендов. Конечно, есть надежда, что у меня на родине попузырится и перестанет, но, может, перестройщики опять устроят полный кирдык и тогда «цивилизованный мир» нас отвампирит по полной.

– А в будущее, друг мой, может попасть далеко не каждый. 3d-принтеры и наноассемблеры вытесняют продукцию корпораций, производимую массовыми партиями ради захвата рынка. Но радоваться преждевременно, самый дешевый и простой труд оказался куда более устойчивым к новой технологической волне, чем специалисты, владеющие компьютерным дизайном, системным программированием и атомным силовым микроскопом. Вы что, любитель простого и дешевого труда на благо чужого дяди?

Да, в курсе я. Все, что ты есть, голова, руки, даже потроха и гениталии, все, что ты делаешь и то, о чем ты думаешь, является для кого-то товаром и источником прибыли. И что толку от таких знаний? «Кто умножает познания, умножает скорбь», – так ведь у старика Екклесиаста.

Глянцевая девушка поднесла к моим губам напиток, состоящий из разноцветных пузырьков, – по ощущениям что-то алкалоидное; надеюсь, не стрихнин.

– Простите, сколько я вам должен за лекцию, которая, в принципе, мне понравилась, несмотря на длинноты, и, вообще, как вас зовут? Джинн Хоттабыч?

– Зовите меня Обличителем. Мне не нравятся имена, больше чем из одного слова. Платону не нужна фамилия, Аристотелю тоже. Пускай каждый носит то имя, которое заслуживает, не ссылаясь на отцов и дедов – Пачкун, Вонючка, Потаскун, Жадина, Гадина. И пока, господин Обжора, вы мне нисколько не должны. Я даже готов уладить с помощью материального вознаграждения

ваш конфликт со злыми обезьянами из банды сутенеров, который, кажется, возник из-за одной потаскушки. О вас забудут.

Обличитель – вроде какой-то богатый тип, который появляется то там, то сям в странах третьего мира, то в одиночку, то вместе с эскадроном смерти, то толкуя о свободах, то о справедливости. Часто кому-нибудь отрывая руки и ноги за несправедливости и утеснения – и публике такое нравится. Хотя этот борец за справедливость и свободу должен, по идее, начать с себя и своих коллег по владению большим баблом.

– Я давно не верю в фей, зубных, ручных и так далее, и даже в Деда Мороза. Что чисто конкретно вам от меня нужно, господин Обличитель-Расчленитель?

– Только одно. Остаться здесь, никаких попыток побега, ничему не удивляться и идти смело вперед. А если попробуете удрать, то вряд ли доберетесь до аэропорта.

Ну, наконец, добрались до сути.

– Тогда вы меня пришьете? Бжик, и мозги на асфальте. И голова, которой бы корону, мячом футбольным стала солдафону. Вальтер Скотт прямо про меня писал.

– Нет, конечно, не я. – Он даже засмеялся и было что-то механическое в его смехе. – Это *они* вас тогда. И не думайте, что этих шоколадных малышей не хватит на вас. Гигантов-китов били примерно такие же коротышки на утлых вельботах. И, пожалуйста, верьте в себя, господин Пятницкий, в вас много чего заложено.

– Мне как будто приказали мочиться против ветра.

– Это лучше, чем делать под себя. Так что вас ждет много интересного.

– Обычно, после таких слов, сообщают об увольнении.

– Возможно, и вы уволите кое-кого власть имущего в этом мире и продырявите несколько очень больших денежных мешков. А теперь до свиданья, Кид, так сказать, Иванович.

– И что, вы даже не подвезете меня?

– Нет, это не входит в стоимость услуг. Не пожалейте пару тысяч рупий на е-бус, чтобы не встретиться снова с бойкими ребятами, готовыми понаделать в вас дырок, не предусмотренных природой. В следующий раз они могут оказаться порасторопнее.

Длинноногая куколка приложила к моим губам свой пальчик с ногтем-экраном, на котором как раз мелькал восклицательный знак. Типа об этой встрече помалкивай. Или случатся неприятности, по сравнению с которыми сегодняшняя заморочка будет казаться детским утренником.

– Э, постойте, мистер Обличитель, откуда вы вообще обо мне узнали? Что я Кид Иванович Пятницкий и что я обоссался в

полицейском участке? Откуда такая нечеловеческая проницательность? Вы что, ангел? Надеюсь не тот, который немножко свалился с небес и которого кое-где у нас порой зовут сатаной. Я вам не Фауст и не Маргарита!

Но я был уже снаружи, в сырой мгле, которая и поглотила мои вопросы. А последнее, что я услышал от таинственного господина Обличителя, было: «Мы еще увидимся». Кстати, о том, что я обоссался, можно было догадаться и по состоянию моих элегантных брюк Версаче. Вру, конечно, какой там Версаче, обычный контрафакт, как и все тут, в Технонезии.

Четырнадцать лет назад. Сельва

Флория Инвайя любила чащу после дождя. Сельва из темного сырого ада превращалась во дворец богини плодородия, которую зовут почти аналогично – Флора. С лесного полога еще падала толстыми струями накопившаяся вода, но длинные руки солнца, пробившись сквозь крону, превращали ее в жидкий свет. Казалось, вода, не долетая до земли, становится крыльями бабочек, которые радужными бликами разлетаются под тенистыми сводами леса. Брильянтовыми ожерельями светились капли, что застыли на паутинах, сотканных пауками-золотопрядами. Мелкие птицы живыми огоньками подлетали к цветам, чтобы напиться воды, застывшей в гибких объятиях пестрых лепестков. Стрекот птиц и крики животных, даже вопли капуцинов не казались назойливыми, а создавали чудесную симфонию жизни, недолговечный подарок вечности.

Но приобщение к радости бытия оказалось на этот раз недолгим. Невозмутимый Монтальво, слушая очередную меренгу, льющуюся в его слуховые каналы из встроенных в височные кости динамиков, показал пальцем наверх.

Он прав – разорванная солнцем и разлетевшаяся облачность обнажила чистое небо, упорно смотревшее на поверхность сквозь кроны деревьев. С подъемом группы на перевал растительность становилась все реже. Сквозь дыры голого неба на них пялились из космоса выпуклые глаза хищников. Надо торопиться, хотя с утра не было ни минуты отдыха. После неудачной морской операции, когда погибла половина отряда, они бегут уже третью неделю. В юкатанских карстовых провалах можно было легко укрыться, но в этих норах нечего есть и там их отряд был бесполезен. Кроме того, там постоянно возникало странное ощущение удушья, как будто против них применяли газ.

Из последних сил надо гнать вперед. Перейдем через гребень, спустимся в долину, густо заросшую лесом и подлеском, тогда и устроим привал. А неподалеку от нее болота с тростниковыми

зарослями. Монтальво знает их, как свои пять пальцев. За болотами городок Мерида, с его подпольной, но вполне уютной «лежкой» и своим человеком в полиции, который предупредит, если что, об облаве.

Несколько раз по пути они попадали под удары автоматических огневых точек. Ленчо подорвался на мине в пяти шагах от нее. Несколько секунд он неотрывно смотрел на свои оторванные ноги, а потом умер и удивление застыло на его лице. Затем они потеряли двух человек, когда ударный дрон высмотрел их сквозь листву своими инфракрасными камерами. Пако Монтальво нес на себе раненую Чело десять километров, пока она не отошла. Но он нес ее, мертвую, еще два часа, пока Гарсия не встряхнул его и не сказал: «Хватит, Пако, отпусти ее. Чело ушла к ангелам, а мы будем мстить за нее». Их осталось четверо. Монтальво, Гарсия, Лало Престес и она. Флория Инвайя.

Ждать темноты нет смысла. Инфракрасные камеры дронов так или иначе разглядят их здесь. Монтальво, который шел впереди, но в пределах видимости, показал жестом – привал. Он мастерски делал обвязки из листьев и веток, которые заткнут за пояс любой самый навороченный камуфляж армейских снайперов. И после недолгого привала они стали похожи на движущиеся кусты, оживленные лесными духами, богиней Флорой и богом Фавном.

Вот они достигли гребня и начали спуск. Монтальво ненадолго задержался наверху, наверное, хотел получше обозреть местность, и тут выстрел снайпера сразил его. Лепестковая пуля пролетела по спирали сквозь тело и вынесла наружу разорванное сердце. На лице у мертвого Монтальво не запечатлелось страдания, скорее наоборот. Ведь Чело забрала его к себе. Старый Пако Монтальво был самый опытный в отряде. Жесткий, как все гватемальские товарищи; ведь они воюют уже несколько поколений, со времени геноцида индейцев при президенте Риосе Монтте. Воплощение мести, он помнил все страдания народа майя от эпохи конкисты до наших дней.

У нее самой, еще прадед, Хесус Инвайя, был команданте в Революционных силах Колумбии, в ФАРК. Они будут бороться и дальше против тех, кто превращает человека в вещь, которую можно использовать и выбросить.

Теперь командование группой взял на себя Лало Престес. Он молодой, но лет десять сформировался как боец. Тогда крестьян Юкатана подсадили на семена корпорации «Медуза», что дают всходы, нечувствительные к вредителям всех видов, поначалу даже бесплатные, но совершенно стерильные. Потом пришел черед платить за новые семена, и снова, и снова, все больше, так

каждый год. Да еще стерильные насаждения уничтожили всех «конкурентов» в мире культурных растений; вместо них на полях уже ничего не росло. Кто не мог платить корпорации, тот вылетал в трубу и, превратившись в живую плантацию органов, шел выращивать в себе почки и печень на продажу, а его земельный участок отходил «Медузе». Лало собрал группу, которая положила этому конец. Полиция, армия и наемники «Медузы» пять лет носу не показывали на территории сто на сто километров.

Народная Республика Юкатана, так она называлась. Сюда приезжали многие бойцы из Гватемалы и Сан-Сальвадора, и Гондураса, и из Колумбии, как сама Флория, чей и отец и дед были убиты эскадронами смерти, когда воевали за свою землю, которую латифундисты забирали под плантации кофе. Оба были убиты предательски, после лживых перемирий, которые объявляло правительство по совету хитрозадых гринго.

Лало Престес даже не увидел, а почувствовал сквозь листву вражескую снайперскую пару и достал ее гранатой из подствольника. Он сказал товарищам, что прикроет их и чтоб они поскорее спускались в долину. Они слышали, как Лало отстреливался наверху, а когда его винтовка смолкла, были уверены, что он погиб. Но спустя несколько километров он вышел на них, кровь на ладонях и на плече. Одна пуля прошила его насквозь, не задев органов, и трофейные боты-интрамедики, взятые из крови убитого врага, быстро заштопали его. Он сказал, что двух рейнджеров прикончил своими руками и перебросил товарищам трофейные обоймы для винтовок. Сказал, что враги были практически невидимыми, благодаря камуфляжу из метамерных материалов, и очень быстрыми, благодаря экзоскелетам. Что с ними технозоиды, похожие на игуан или крокодилов, только перемещающиеся на скорости под сто километров в час – причем по сельве. Судя по нашивкам рейнджеров, это – панамериканский спецназ, натасканный в Институте безопасности Западного полушария, что в Джорджии, США, и сейчас действующий под эгидой ООН.

А потом Флория заметила на листьях блестки, похожие на иней, это были вражеские глаза, микрокамеры. За отрядом наблюдали. Они предприняли рывок, чтобы выйти к узкой речушке, петляющей в низине, но когда переправились через нее, стало ясно, что рейнджеры – и впереди, и сзади, и по сторонам. И враги стягивают петлю. Но Лало успокоил всех, сказал, что знает, как проскользнуть между врагов и добраться до болот. И вдруг она заметила на лбу у Гарсии красное пятнышко от лазерного прицела. Флория крикнула: «Ложись», но прежде чем звуки вышли из ее горла, красное пятнышко превратилось в багровое, а

сам боец упал. Она потом проклинала себя миллион раз, что не сумела спасти самого младшего из отряда.

Рейнджеров они не видели, хотя те подобрались совсем близко; лишь отблески, словно несомые ветром листья – все враги были в метамерных «невидимках». Лало Престес завалил нескольких из них, а потом решил прорываться и повел людей через неглубокий овраг, заросший по сторонам мальвовыми кустами, над которыми густо роились бабочки-монархи. Когда показалось, что враги остались позади, что-то бросилось на Лало. Это была ловушка со сжимающейся сетью из мономолекулярных мускулов. Он был спеленат, сдавлен и не мог произнести ни звука. Но Флория знала, Лало Престес хочет, чтобы она шла дальше. Обернувшись один раз, она увидела, как появившийся технозоид прокусывает тело Лало своими титановыми челюстями.

Пулеметная очередь заставила ее прильнуть к земле. Она видит, как неподалеку от нее ползет змейка, извиваясь своим изумрудным изящным телом. Флория Инвайя вскакивает и бежит за ней. И останавливается около сенота – глубокого провала в карстовом грунте. По ней уже не стреляют, улюлюкают и глумливо кричат вслед: «Не торопись, chica, отдохни с нами, мы тебя помассируем в разных местах». А она, подбежав к краю сенота и раскрыв руки, как крылья, прыгает вниз. Сейчас все земное закончится. В светлом мире ангелов ее ждет Лало, там больше не будет борьбы за счастье, там они победили…

Однако тонкая паутинка паука-кругопряда остановила ее и подбросила вверх. Через мгновение Флория продолжила падение, но следующая паутинка будто снова остановила ее.

Паутинки останавливали ее тело, бросая его в небо, но она все равно упала – и зеленая гладь воды сломала ее кости…

Рейнджеры достали ее из сенота – им нужно было сфотографировать тело для получения премиальных. Когда они поняли, что она еще жива, то изнасиловали ее, а затем прострелили ей голову и ушли.

Эта пуля не убила Флорию, и ее не успели сожрать звери. Через несколько часов ее залитое кровью тело нашли местные индейцы-майя. Деревенский фельдшер, попутно являвшийся знахарем и шаманом, понял, что ее душа цепляется за плоть и не хочет заканчивать свой земной путь. Он отнес Флорию к поющему кресту и стал исцелять от имени змееволосой богини Иш-Чель, первым делом залепив все раны глиной. Он призывал на помощь четырех носителей земли и неба – бакабов, чтобы они помогли ему вернуть душу полумертвой женщины. На пятый день иной мир перестал вытягивать душу Флории из тела, тогда ее отнесли

в селение. Она пришла в себя через неделю, а через месяц снова начала ходить. Лицо ее было обезображено шрамами, многие кости черепа имели трещины, правый глаз наполовину выпал из раздробленной глазницы.

Добрый падре, который помогал несчастным по всему побережью, отвез ее в своем пикапе в Рио-Лагартос, где работал знакомый ему хирург с Кубы по имени Селесто. Власти несколько раз арестовывали кубинского доктора, но доказать, что он занимается незаконной практикой, так и не смогли.

У Селесто был «кабинет» на местной скотобойне. Там он ввел в кровь Флории раствор на основе пропиленгликоля, содержащий микромашины-васкулоиды, охладил ее тело и принялся собирать снова ее лицо, заменяя титановыми пластинами утраченные участки черепа и скрепляя неодимовыми скобами раздробленные. Неправильно сросшиеся кости ног и рук он ломал снова и заставлял их срастаться максимально быстро с помощью электростимуляции. Поврежденные участки кожного покрова он удалял, замещая их синтетикой, тем временем клонируя собственную кожу Флории на коллагеновой матрице. Он не восстановил ее лицо таким, каким оно было до ранений, а сделал его более европейским, учитывая, что это будет ей необходимо, чтобы выжить. Он ввел в ее тело команду интрамедиков, извлеченных из убитого бандита, лежащего в местном морге. Этих наноботов хакнул и настроил помощник Селесто – некий Хулиан по прозвищу Эль-Маго. Молекулярные машины должны были исследовать весь организм Флории, находя и уничтожая патогены.

Когда Селесто вывел Флорию из искусственной комы, она посмотрела в зеркало и сказала: «Это уже не я, но такая мордашка пригодится для мести». Она попросила Селесто высветлить ее кожу и поставить ей голубые линзы. Как у немалого числа колумбийцев, ее предки были родом из Восточного Средиземноморья, из числа сирийских христиан, которые спасались в Новом Свете от очередной резни, устроенной османским султаном при полном благоволении его западных друзей. И внешне отличались от метисов и мулатов, наиболее типичных для этой части света.

Кубинец высветлил кожу Флории при помощи натуроподобных пигментов. Линзопроекторы на ее зрачках теперь выдавали информацию о любом объекте, которую она, через поставленный Хулианом нейроконнектор, могла мысленным усилием запросить из теневой сети. Он также позволял ей подслушивать и дешифровывать любые разговоры, ведущиеся в радиусе полукилометра по мобильной связи. Через месяц Флория

распрощалась с кубинским доктором – и тот не взял с нее ни гроша. А несколько недель спустя ЦРУ наняло киллера для Селесто – убийцу привезли к доктору под видом раненого повстанца.

Эль-Маго с помощью нейронной сети помог Флории опознать некоторых из тех, кто убивал ее товарищей. Двое из них отдыхали «от трудов праведных» в курортном Канкуне: лейтенант Дауни и сержант Карвальо, числившаяся по документам женщиной. Флория Инвайя отправилась туда не только с новой внешностью, но и с документами на новое имя.

Лейтенанта Дауни встретил заостренный кусок арматуры, когда он выходил из машины неподалеку от ночного клуба. Металл, пробив артерию, застрял в его шее, и он захлебнулся собственной кровью. Сержант Карвальо тем же вечером получила шилом в ухо, когда поднималась с подземной парковки в отель. В обоих случаях камеры видеонаблюдения не смогли зафиксировать внешность преступника, потому что были засвечены обычной лазерной указкой. Та, кто совершила это двойное убийство, сожалела лишь о том, что две гадины умерли слишком быстро.

Далее путь Флории пролег в Пуэрто-Авентурас, где она рассчитывала поквитаться с еще одним рейнджером. Однако там ее планы переменились, и она решила отказаться от мести шестеркам.

На курорте ее заинтересовал один богатый гринго – ближе к семидесяти, но тщательно омоложенный. Кожа без морщин, жировиков и старческих бородавок, насыщенная влагой и упругая. Под ней неплохие мышцы – пять километров бега каждый день и минимум километр в гидротренажере. Интрамедики постоянно трудились в его теле, уничтожая вредную микрофлору. Проблема износа органов и обновления клеток решалась почти в «автоматическом режиме», микротрансплантатами клонированных тканей и инъекциями плюрипотентных клеток – улучшат все, что закажешь.

Когда Флория невзначай оказалась около него и позволила заглянуть себе в декольте, старичок, что говорится, поплыл. Оказался этот гринго, как она и предполагала, ученым, причем высокопоставленным, из руководства корпорации «Медуза». Вначале темнил со своими занятиями, но она сумела его разговорить. Старичок изголодался по признанию его великих свершений и качеству своего обновленного тела. Так что ее восхищенные междометия и активное хлопанье накладными ресницами отправляли его в нирвану.

Первый раз она не отшила его, когда он потянулся к ее телу,

на острове Исла Мухерес – после снорклинга – и его чистый не отягощенный высокой моралью разум потерял способность к критическому мышлению. А после Сиан Каана – она чертовски много знала о древних майя и других индейских культурах – Джордж Дирксен был просто околдован ею. На его вопрос насчет ее родителей, она просто ответила, что с ними давно не общается. То, что она не легкомысленная дурочка, Флория показала и глубоким интересом к работе доктора Дирксена, который ему очень льстил. Она сказала, что пару семестров провела в университете, а ушла оттуда, потому что не нашла спонсоров. Он видел, что девушка отнюдь не чайник в области биологии, и это только радовало его – наконец, поблизости человек, который может оценить его достижения во всех областях, от науки до секса. Ее вопросы заставляли выходить его из режима секретности или, точнее, трактовать рамки дозволенного максимально широко.

Прошло всего несколько недель и Джордж Дирксен с Флорией Инвайя, точнее, теперь Альбой Дирксен – в Эль-Пасо, штат Техас. Ведь там находится основное исследовательское подразделение корпорации «Медуза», одной из трех высокотехнологических Горгон. Центр имени Сиро Исии, похожий на огромную виноградную гроздь и названный в честь руководителя японской программы по разработке биологического оружия, который сделал много полезного после войны и для Америки.

И как-то, на вечеринке, посвященной крупной сделке между корпорациями «Медуза» и «Стейно», к ней подошел Джейкоб Бонакасси, вдохновенный создатель большинства масштабных симулякров, и сказал многозначительно: «Привет! Альба Дирксен, новая подружка старого разбойника Джорджа, если я не ошибаюсь? А не поработать ли нам как-нибудь вместе?» Флория поняла – он что-то о ней знает. И, вполне возможно, она несет в своем теле какой-то «маячок», который позволил этому типу опознать ее.

Глава II

Технонезия. Ветер

Перед тем зайти к Ману, я заскочил на базар – за теми мелкими ярко-желтыми бананами, которые он любит. Бананов на свете сотни видов, но Ман в них разбирается отлично, и его не проведешь.

Совсем недавно Технонезии вообще не было. Затем уровень моря поднялся – вроде из-за того, что в него съехал какой-то мощный ледник в Антарктике, а заодно целое стадо ледников в Гренландии, отчего та зазеленела как при Эрике Рыжем. Земли, на которых жили миллионы людей, оказались затоплены – и климатологи вещают, что это только начало. В какой-нибудь Бангладеш выбор у местных был вообще невелик – или утонуть в мутной воде, или дать себя вывезти в трюмах грузовых судов на искусственные острова, построенные на континентальном шельфе по подрядам ООН китайскими и вьетнамскими фирмами. По сути, это кессоны, на которые были угроханы миллионы тонн плакированной стали, заполняемые пенобетоном и укладываемые, как кубики, от дна до поверхности.

Технонезия – скопище искусственных островов, каждый на пару десятков квадратных километров, где все живут очень кучно и любой чих стоит денег. Я не говорю про канализацию, которая доступна только представителям крупного бизнеса. Средний класс за небольшую плату сдает дерьмо на механохимическую фабрику, где из него, пересоставляя молекулы, производят конфеты и чипсы. А простонародье делает дела в пакетик, как астронавты НАСА, а потом лично несет свое сокровище, чтобы вручить его морю.

Ну а базар – это то, что прилипло к Технонезии по окраинам. Часть суденушек-лавок приплывает и уплывает, но большинство стоит на вечном приколе, у одних срезаны надстройки, у других нет. Там сидят татуированные местные паханы, именуемые пемимпинами или капитанами, которые крышуют и снимают навар с торговли.

Сегодня из-за крепкого ветра суденышки беспрерывно колотят бортами друг друга – ветхие кранцы у всех почти стерлись в порошок. От стука, скрипа и скрежета изношенных бортов аж закладывает уши. А благодаря ветродую, сюда то и дело приносит мощный запашок рыбной гнили с находящихся неподалеку аквакультурных ферм – там кто-то издох в большом количестве из-за эпидемии. Многие торговцы на базаре и живут, и умирают. Если это индуисты или буддисты, то их, не отходя от

кассы, сжигают во взятых напрокат железных ящиках. Пепел с обгоревшими костями бросают за борт, в воду, которой умываются и подмываются прочие обитатели базара. Умывающиеся и подмывающиеся потом и гадят туда же, за борт.

Вдобавок к гроздьям фруктов, овощей и гибридов, названий большинству из которых я не мог подобрать, и выращенных преимущественно гидропоникой, в чанах и на подносах копошились, дергались и мучились сонмы живых морских существа. Тут по частям и в целом виде существа сухопутные, среди них тоже живые и страдающие – в ожидании погружения в желудок. Особенно играли на нервах подвешенные головой на крюк змеи, в которых заливали воду, отчего они становились как колбасы и помаленьку издыхали. Я однажды парочку из них украл, вынес в рюкзаке, чтобы спасти – они неделю у меня потом дома жили. Лишь когда одна из них ко мне в постель заползла, так сказать, в знак благодарности, выпустил их на городской свалке, чтобы крыс ловили и радовались жизни.

Здесь и контрафакт в неисчислимых количествах, убивающий производство у некогда гордых владельцев брендов. Контрафактные роллексы и сваровски, версаче, саламандер и шанель. Контрафактные спинтронные процессоры, с такой тактовой частотой, чтобы выдержать вашего цифрового двойника, который будет за вас вести блоги и писать посты в соцсетях, отражающие «вашу яркую индивидуальность». Контрафактный графен – невидим глазу, но он точно в наличии; и из него можно сделать огромный экран, который, скомкав, легко положить в самый маленький карман. Контрафактные углеродные нанотрубки, с помощью которых можно построить действующую канатную дорогу от Земли до Луны. Все выглядит совсем как оригинал, работает точно так же, стоит в десять раз дешевле. Или в сто.

Пара дюжин плавучих лавок – и уже перед вами весь мир торговых марок, брендов и патентов. Вот на той лодчонке в полном комплекте достижения Кремниевой долины. Успехи северо-каролинского исследовательского треугольника, японской Цукубы и корейского Даедука на безвозмездной основе используются хозяевами двух-трех соседних лодочек, шлепающих бортиками по вонючей жиже. Пара папуасов без штанов инстинктивно понимает, что они ничего не должны Кремниевой долине и Цукубе с Даедукой, которые до этого высасывали мозги, знания и деньги со всего мира.

Делается почти все здесь же. На жидких механохимических фабриках – внешне это баки, наполненные белесой жижей, которая на самом деле является дисперсной системой

наноассемблеров; из этой дурнопахнущей жижи родятся даже венеры милосские в натуральную величину. Или, так сказать, печатается на формативно-аддитивных 3d-принтерах, то есть тридерах, электричество для которых вырабатывают дизели-старички со списанных судов. Из-за них на базаре и без ветра всегда грохот и разговаривать можно, по сути, только жестами или по близкосвязи через боди-коннекторы. Вот ближайший принтак печатает сейчас королеву английскую; не настоящую, конечно, а секс-куклу.

И услуги тут, на базаре, предоставляются любые, например интимные встречи с теми самыми секс-куколками, уединиться с которыми можно рядом под тентом за небольшую плату. К тому же с большой скидкой, если у них оторваны руки-ноги или дырявая голова. В наличии не только английская, понимаешь, королева, но и Пусси Райт, президентша США, которая и в оригинале хороша, поскольку взлетела на этот как бы высокий пост прямиком из стриптиз-клуба на волне кампании #Nude Too. Все эти изделия, конечно, нелицензионные. Настоящую лицензионную Английскую королеву (ТМ) или Мадам-Президента США (ТМ) может заполучить себе в койку только достаточно богатый фраер.

Я, скажу по секрету, один раз прибег к услугам девушки, «сделанной по науке» из порошка. Бросил его в ванную, вначале возникла пена, словно при стирке, я уж подумал, что меня надули, как обычно. Но к ночи она там образовалась, будто Афродита. А после жаркой любви под музон «Раммштайна» – растаяла, что твоя Снегурочка. Если честно, я потом скучал.

На базаре легко воспользоваться и услугами квантового компьютера на основе сверхпроводящих кубитов, которого уважительно именуют – Кубит-хан. Это на вид большой бидон, напичканный проводами и фотонными чипами, на который работает большой холодильник, подпитываемый от четырехцилиндрового судового дизеля. Сейчас Кубит-хан выполняет по заданию одного мусульманского шейха расчет количества душ, имеющихся во всех высших и нижних мирах. Получается, что их в миллион раз больше, чем звезд. И, чтобы воплотиться в хоть каком-нибудь земном теле, начиная с уровня мышки, им надо ждать в очереди, в среднем, около миллиарда лет.

А я бы спросил у Кубит-хана другое – а существуем ли мы на самом деле? Ну, зачем Старшему Программисту расходовать энергию на множество существ, которые способны в своей массе только жрать, пить, трахаться, верить глупым басням и увеличивать энтропию во Вселенной? Не проще ли прогнать эту

версию в тестовом режиме и удостовериться, что овчинка выделки не стоит? Кстати, то, что к нам до сих пор никто не прилетел на фотонном звездолете с другой звезды или на машине времени из светлого будущего, означает только одно. Нас нет. Скорее всего.

Конечно же, на здешнем базаре есть любой софт, от допотопных Виндоуз до искинов уровня «доктор разных наук» – причем все это хакнуто и скопировано теми же искинами, только дикими и вольными, живущими в теневой сети. Говорят, что искины берут за свою работу криптовалютой. Они на нее, дескать, кое-что покупают, к примеру, вход на платный порносайт для электронных субъектов.

Имеется на базаре и все необходимое для монтажа биомехов – карбоновые скелеты, артерии из дакрона, спинтронные мозги, сердцеподобные приводы, нервоподобные сервомеханизмы, синтетическая кожа в рулонах, искусственные мышцы в тюках и другие бионические устройства. В пластиковых пакетах, обложенных сухим льдом, продаются и мертвецы целиком или по частям, на сборку франкенштейнов. Как говорится – налетай, подешевело. Сидит сынок и продает своего папу. И не скажешь такому продавцу: «Чти отца своего», потому что от папаши не было толку при жизни, так, может, хоть сейчас принесет деньги в семью.

Кому надо – органы в сосудах Дьюара. Хит сезона, мужские гениталии XL с настройкой на пользователей-женщин. Успешно приживляешь с помощью прилагающегося иммуномодулятора к нужному месту и мстишь мужикам их же оружием. У феминисток это самый писк, ведь в уголовных кодексах большинства стран до сих пор нет наказания за изнасилование мужика бабой, даже групповое. Здесь и живые люди, играющие роль ходячей плантации органов: нос на продажу растет на боку, член на лбу, и так далее, как на картинах Пикассо; и никому не смешно, все давно привыкли. Здесь и эмбрионы, и клонированные органы, выращиваемые на трехмерных хитозановых подложках в больших банках – внешне похожие на чайный гриб. И споры, и семя, простое и генно-модифицированное, и сперма от нобелевских лауреатов под задорным рекламным лозунгом: «Ты уже хочешь от меня сына?» В-общем, все разнообразие жизни, в жидком азоте.

Даже имеются такие экзотические штуки, как генные векторы для сапиентации, то есть оразумливания обезьян, сурикатов и енотов. В рекламе указано, что сапиентированные еноты уже обокрали какой-то ювелирный магазин. Здесь спокойно продается то, за что владельцы патентов, крупные биотехнологические корпорации вроде «Медузы» просто стирают в порошок, если у

них дотягиваются щупальца.

Здесь и такая запрещенка, как наркота на монотерпенах – в приклеивающихся к коже трансодермах. И цилиндрики глюкеров, и коннекторы к ним, похожие на пауков. Такой посадишь на шею, вблизи пятого позвонка, он мигом впился своими тонкими длинными ножками в твой нервный ствол, и ты на оплаченное время улетаешь в нирвану.

Полиция на базаре никогда не появляется, если только не начнется перестрелка с применением пулеметов. Поножовщина или единичный выстрел кому-то в затылок – для нее не повод. Особенно, если концы, точнее, тело в воду – местная рыбешка все быстро сжирает. Прирезать тут раз плюнуть: за место на базаре или по указанию чем-то недовольных пемимпинов. Да и орудуют головорезы, подосланные «Медузой» и прочими Горгонами, чтобы немного уменьшить количество диких конкурентов.

Кругооборот жизни, представленный на рынке, входил в мой мозг и почти полностью отключал мне сознание, превращая в мотылька и погружая в некий транс. То ли мне кажется, что я мотылек, то ли мотыльку кажется, что он – это я. Но все же я успел заметить, что за мной следят. Кто-то мелькает за спиной и исчезает, затем снова мелькает и исчезает, так что взглядом не ухватить паскуду.

Я так вращал головой, что пропустил тот миг, когда мимо прошел тяжело загруженный носильщик, перетаскивающий что-то похожее на саблезубого тигра, и прилично толкнул меня. Я едва не полетел в зловонную воду между двумя плавучими лавками. Едва удержался, но все же стукнулся котелком о фальшборт – ссадина на лбу нарисовалась приличная.

Между прочим, купил не только бананы, но и крис, малайский кинжал то есть. Традиционный, но самозатачивающийся. Продавец уговорил, показав жестами, мол, проверь, он – твой или нет. Если целое число твоих пальцев влезает в длину волнообразного клинка – значит, твой. Таки влезло, не смог отказаться.

Потом гидрорикша доставил меня к причалу самого острова, едва не утопив, когда попал боком под волну. Там меня подхватил рикша сухопутный – нелегальная генная модификация сделала человека похожим на кентавра, с нечеловечески мощными мышцами бедер. И скорость у него на скаку не меньше, чем у коняки. Впрочем, судя по сипению, исходящему из его широкой груди – сегодня приходилось преодолевать встречные порывы ветра, – жить ему оставалось недолго…

Видели бы вы Мана. Глаза у него мудрые, как у моего дедушки – в честь которого и назвали меня Кидом. Насколько

помню, дед соответствовал значению своего имени – Коммунистический Идеал – далеко не всегда, уклоняясь то вправо, то влево. Большую часть его жизни занимали склоки с женой, скандалы с невесткой и выяснения отношений с новым начальством на работе (старое от него быстро избавлялось). Дедушка Кид был жестоко изранен на войне, пуля пробила навылет голову, когда он спасал каких-то гражданских во вражеской стране, и тогда, даже будучи раненным в мозг, он ухитрился отдать мирным свой паек. Шрамы на голове и груди окончательно делали Мана похожим на дедушку Кида.

Полное имя этого суматранского орангутанга – Хануман, в честь индуистского божества и по совместительству Царя обезьян. Его чуть было не грохнули деревенские, когда он сожрал несколько клубней маниока, нисколько не думая, что эта чужая собственность. «Почему собственно чужая? – наверное, подумал тогда Ман. – Ведь это выросло под деревьями, на которых мои предки жили миллионы лет».

Бедняга лежал на земле, избитый в кровь палками и закрывающий глаза от ужаса, в ожидании последнего удара, когда мимо проезжал известный зоолог. Он заплатил местным за маниок и забрал орангутанга в приют «Истана Орангутан». Приют содержится на пожертвования, вокруг пасется несколько НПО. Хануманом и десятком других больших обезьян заведует европейка Ингрид, белобрысая, как и положено, с неожиданно мясистыми чувственными губами. Ману она не очень нравится. Мне тоже. В глазах у нее только следование модному тренду. Если содержание Мана превысит смету, она усыпит его так же легко, как подбрасывает корм.

Контора господина Чу взяла шефство над Хануманом, естественно, из пиар-соображений, но, в основном, навещаю его я, как родственная душа.

Поздоровался с ним по-морскому – я научил, ему нравится «давать краба». Завтра мне надо уйти в море, сообщаю я обезьяну, меня неделю не будет.

Ман как будто понимает, хлопает себя по темечку и щурится. Я, возможно, несколько преувеличиваю способности орангутанга, но мне кажется, что он въезжает во все. Особенно, когда начинает разглаживать и теребить свою рыжеватую длинную бороду с проседью.

«Понимаешь, уважаемый царь обезьян, есть такая штука – огромный пассажирский корабль «Батавия» типа Miðgarðsormr, то есть «Мировой змей». Да, да, знаю, если что-то плавает по воде и не несет вооружение, то надо называть судном, но вообще корабль – это звучит. «Батавия» создана для постоянного

пребывания на ней богатеев, озабоченных обретением абсолютной безопасности, чтоб не было ни малейшей угрозы их жизни. Сейчас плавают четыре таких корабля. Еще есть «Ост-Индия», «Вест-Индия» и «Эльдорадо». Все названия в честь колониальных достижений. Кстати, Батавией назывался не только главный город нидерландской Ост-Индии, но и парусник, который поплыл из Голландии к островам южных морей, полным сокровищ. Не доплыл, стал жертвой кораблекрушения; его команда и пассажиры, вместо того, чтобы нахапать колониальных богатств, оказались в ловушке и принялись радостно уничтожать и насиловать друг друга. Вряд ли эту историю помнят те, кто нынче дал такое название мегакораблю. Короче, лишь на супер-дупер-корабле этим ребятам-демократам нынче живется спокойнее, чем в своем пентхаусе на Манхэттене и на своей вилле в Малибу. Потому что и в пентхаус на Манхэттене прилетит микродрон, размером с муху и ядовитый как сто злых гадюк. И на виллу в Малибу кто-то протолкнет по каналу лазерного луча компашку синтетических вирусов, гарантирующих летальный исход от кровавого поноса».

Ман помотал головой, показывая, что я, наверное, преувеличиваю и гиперболизирую.

«Конечно, может, и не прилетит, но эти господа хорошие не любят доверять свою жизнь случайностям. Небожители не должны быть на том же уровне, что млекопитающие вроде нас с тобой, в отношении которых действуют законы больших чисел и ускоренный естественный отбор. Высшие должны жить бесконечно долго и счастливо, низшие – как-то кормиться, со страхом бегая от норки к норке, пока сами не стали кормом. Ну, и, кроме того, проживание в виде постоянных пассажиров на супер-пупер-корабле – это демонстративное потребление элитарных благ; способ показать, что они действительно превыше всех, совсем как олимпийские боги».

«А хочешь узнать подробности, Ман?»

Орангутанг в ответ шлепнул себя пару раз по лбу – значит, хочет.

«Длина «Батавии» полтора километра, высота – с шестидесятиэтажный небоскреб, представляешь? Атомная силовая установка с жидкометаллическим теплоносителем, сделана для них «Росатомом», ввиду того, что от «Вестингауза» остался один пакгауз. Построен корабль модульно на нескольких верфях, потом модули отбуксированы в море и соединены там. Какие вдруг могут быть неприятности у такой махины, как «Батавия», – спрашиваешь ты. Она ж эсминец переедет и не заметит, а любой шторм для нее как плеск водички в детской

ванночке. Однако «Батавия» получила намедни солидную пробоину ниже ватерлинии в районе кормы. Может, теракт, а может, и нет; подводная лодка, к примеру, неудачно всплыла. Произошло это неподалеку от Технонезии. В общем, этот корабль, хоть и супер-пупер, но потерял мореходность.

Вызвано с ближайшего судоремонтного предприятия – а предприятие нашей фирмы «Чжен Хэ Маритим» в Технонезии и есть ближайшее – большое ремонтное судно с немаленькой бригадой рабочих и всякой серьезной техникой. Называется «Принцесса Путри». Да, снова Путри, будь она неладна.

Я, как начальник службы безопасности в этом филиале, должен присутствовать в такой крупной экспедиции. Хотя вчера вообще был готов дать отсюда деру в далекие родные края… И времени, между прочим, в обрез. Не просто ветерок крепчает, а приближается ураган. Ты ж его, как уважающий себя зверь, наверняка чувствуешь. Имя у урагана с намеком – «Мозес». А там, где отметился Моисей, обязательно случались большие неприятности, семь казней египетских, массовые репрессии против демократической общественности, то есть поклонников Золотого Тельца, капец всяким мадианитянам и амореям, аннексия Ханаана».

Ман как будто отвлекся, придется привлечь его внимание бананом.

Один лоскуток кожуры орангутанг кладет себе на голову, потом мне. Как будто хочет сказать, мол, все утрясется, счастливого тебе пути, друг.

Напоследок Ингрид пытается меня закадрить, на мой взгляд неуклюже. Дескать, она любит тех, кто любит обезьян – это да, больше меня любить не за что. А вдобавок она веган, феминистка, трансгуманистка, либертарианка, машинистка, то есть защитница секс-машин от чрезмерной эксплуатации; и еще пару-тройку наименований себе дала, которых я вовсе не понял. Как бы эта Ингрид на меня потом заяву в полицию не накатала, что я на нее посягнул и вдобавок какую-нибудь машину изнасиловал в выхлопную трубу. Чем больше названий человек себе подбирает, тем скорее, он скрывает какую-то главную свою суть.

Я, выходя из обезьяньего приюта «Истана Орангутан», направляюсь к причалу. Там меня ждет быстроходный катер, который доставит на борт «Принцессы Путри», что уже вышла в море. Норд-ост, посланный «Мозесом», показывает норов, срывает барашки волн и смачно плюет соленой пеной в лицо. Катер гарцует, как жеребец, на гребнях волн, и я испытываю некоторое облегчение, когда тот подходит с подветренного борта к судну и можно подняться по трапу.

В каюте меня ждет шифрограмма от самого господина Чу Чун Шена; дескать, мне оказано высокое доверие. Ну, именно мне передается общее командование.

Это повышение или? Господин Чу передал мне управление работами, официально поставив на должность «координатора ремонтных мероприятий со стороны "Чжен Хэ Маритим"».

Понятно, что починка такого плавсредства, как «Батавия», – огромный куш для господина Чу. Тот уже представляет себя, сидящим в личном Павильоне Небесного Спокойствия там, где ласково соприкасаются море, небо, суша и канализация – в полной гармонии души с деньгами. Но и опасности в этом деле имеются, скрытые и явные. Так что лучше для господина Чу заранее переложить ответственность на кого-то, кто живет на одну зарплату.

Очевидно, господин Чу надеется, что я не дам слабину и даже пойду на разумный риск. Если риск окажется «неразумным», на меня свалят неудачу, уволят без выходного пособия. Убытки спишут, часть активов продадут, особенно такие сомнительные, как судоремонтные мощности в Технонезии. Фирма-то останется на плаву, а я пойду с бульками на дно.

Я налепил на ссадину, зияющую во лбу, липидную синтекожу с индикатором заживления. Стал похож на Царевну Лебедь третьей степени ожирения и поднялся на мостик. Да, процесс идет. Шестибалльный шторм, точнее ураган «Мозес», превращает свое буйное тело в аэродинамическую трубу. Море сейчас не просто гневается, а кипит от возмущения, готовясь к еще большей агрессии против человека. Среди волн попадаются тираннозавры высотой с двухэтажный дом и мощной пенистой гривой.

До «Батавии» оставалось сорок пять миль, при встречном ветре идти три часа минимум. И то, если шторм не усилится и не случится какого-то форс-мажора. Впрочем, зачем зацикливаться на дурном? Если все получится, это означает не только большие премиальные, но и возможность попроситься на повышение, то есть перескочить в филиал во Владивостоке. И забыть, как страшный сон, технонезийских бандитов, технонезийскую полицию и душную маслянистую влагу технонезийских ночей.

Но едва я замечтался о приятном, свесив язык набок, как радист сообщил о получении сигнала СОС, а через несколько минут, второго. Терпят, блин, бедствие две шхуны с Калимантана, занимавшиеся ловом макрели. Видел я эти, с позволения сказать, суда. На каждом столько народа, что может запросто, за один обед, умять весь улов, особенно если учесть, что половина того, что попадает нынче в сети – не рыбка, а мусор, от пакетов до использованных презервативов. Капитан, его жена, братья,

сыновья, кумовья, куча каких-то рабов-кули, которые работают за еду…

Вот уже сутки, как все против меня. И не могут, что ли, эти шхуны утонуть где-нибудь в другом месте? Но теперь не старому китайскому капитану, похожему физиономией на известную пиратку мадам Вонг, принимать решение, а мне.

– Штурман, сколько нам лишних миль предстоит накрутить до места подачи сигнала СОС?

– Двадцать, при сильном боковом ветре, сэр.

Да я согласен был бы назваться не сэром, а пионером, если б только расстояние было поменьше. Значит, до возвращения на прежний курс потребуется два с половиной, а может, и три часа. Плюс время на спасательную операцию. Тогда мы подойдем к «Батавии» на пять часов позже, минимум. Но ближе нас к этим долбаным рыбакам никого нет и не будет еще долго. Знать, что из-за тебя семьдесят – восемьдесят душ отправилось в мокрую могилу – это как получать каждое утро на завтрак дохлую ящерицу под майонезом с мухами. Нет, нельзя отказаться от правила: не делай того, о чем будешь жалеть каждый день до конца этих самых дней.

– Курс к югу, идем спасать. Рыбку-меч им бы каждому в зад своевременно и не было бы сейчас проблемы.

Через полтора часа все стало ясно. Одна посудина, точнее древняя шхуна, легла на левый борт, через нее перекатывались волны. Второе суденышко было уже покарано гневным морем и отправилось на дно. От него осталось несколько надувных плотов со спасшейся командой, пять в зоне видимости. Понадеемся, что их не разбросало, куда попало. С плотов будем поднимать лебедками, а вот к завалившейся набок шхуне так просто не подойдешь – она на отмели. Тогда заведем на нее трос и будем стягивать. Трос придется доставлять на мотоботе.

Но вскоре выяснились некоторые неприятные детали. Китайские матросы на мотоботе идти наотрез отказались, и тут я им не капитан – не прикажешь. А мадам Вонг отдавать им такой приказ отказывается. На мораль упирать не приходится. У этих господ-товарищей другая мораль – утилитарная. Если ты им не родственник и не начальник, то «положить душу свою за други своя» для них не тема, а просто пустой звук. Я их, по большому счету, понимаю – не русаки же они, чтобы, порвав тельняшку, бросаться навстречу опасности. И эти «други» с тонущей шхуны вообще, хрен знает кто, может профессиональные людоеды.

Доставку троса пришлось брать на себя, и хорошо, согласился поучаствовать моторист-малаец. Что я зря ввязался в эту историю, сказал себе по пути туда раз сто. Матросы на терпящей бедствие

шхуне успели трос принять и закрепить. Только ее очень быстро развернуло волной, станцевавшей танго на отмели. Так что следующий вал, закрутившийся и вздыбившийся на мелком месте, стал играть мотоботом. Я почувствовал себя на аттракционе «американские горки». Нос мотобота задрало вверх, я и оглянуться не успел, как меня накрыла волна, сдернула с палубы словно пушинку, пронесла над фальшбортом и утащила с собой. Потом прокрутила, ввинчивая вниз, в глубину.

Делать нечего, я ушел вглубь, в прохладную муть, а сверху наплыл мотобот и безжалостно отсек мне выход на поверхность. Я почти ничего не соображал, но догадался, что мотобот не затонул, однако не стоит сразу пытаться всплыть, иначе попаду головой в днище. Там наверху остался шум и ярость стихии, но внизу были холод и мрак пучины, есть отчего запаниковать. И в самом деле несколько секунд я, вернее мое сердце, металось и дергалось в панике. Но затем пульс вдруг разгладился, я ощутил глубинный покой окружающего меня пространства. Ничего вокруг не было. Завеса пустоты отгородила меня от всего.

Она будто растворила меня, тогда и забрезжила искра где-то в сердцевине меня, следом другая, третья. Они стали подниматься от моего крестца по позвоночному столбу и двигаться к конечностям, становясь по пути больше, напоминая уже бабочек с серебристыми крылышками, давая импульс, вырабатывая силу. Наконец я поплыл вбок, почти не думая о дыхании. Одолел метров десять и всплыл там, где мотобот не смог бы убить меня при всем желании. Голос мой был полностью заглушен шумом лютующих волн, но через минуту моторист, приметив среди пенистых барашков мою голову, распознал ее как человеческую. Я ухитрился поймать брошенный линь, и меня, надрывно кашляющего полуутопленника, потащило к борту.

А когда окончательно пришел в себя и обтерся, уже на «Принцессе Путри», надо было решать, что делать с людьми, принятыми к нам с плотов. И с той посудины, что стащили с мели. Внутри нее плещется вода, мореходности никакой, идти своим ходом не может. Так что надо принимать с нее матросов, рыбаков, полных мудаков или кто они там.

Пришвартовали шхуну борт к борту, приняли экипаж, а затем отдали волнам на забаву. Когда ее, с позволения сказать, экипаж карабкался к нам на борт по спущенной сетке, прямо как паучки – тоненькие ручки-ножки, крохотные коричневые задницы, – я почувствовал под ложечкой неуверенность в завтрашнем дне. Эти ребята способны принести неприятности.

Команда шхун, судя по наколкам, состояла из даяков-ибанов, племени, где мальчик не становится мужчиной, пока не отрезал

голову хоть одному врагу. Пусть маленькую и никудышную, но изволь отчикать и притащить чью-то башку. Сейчас от них несло по́том, тухлятиной, страхом. И еще опасностью. Из-за этого комбинированного запаха, по правде говоря, у меня самого начинали поджилки трястись. Часть из них разместили в кубрике, выгнав оттуда китайских матросов. Остальных отправили в единственный трюм, выдав одеяла и по миске теплого риса и взяв обещание не делать там хотя бы по-большому. Но, к бабке не ходи, все гальюны окажутся засорены и унитазы забиты к концу дня, а по всем палубам будут следы от дерьма в виде отпечатков маленьких босых ножек.

«Принцесса Путри» снова двинулась к «Батавии», опоздание будет минимум шестичасовое. Радиограммы от господина Чу я даже не читал – сладкое на потом. Встречный ветер за это время прибавил пять метров в секунду, шторм стал семибалльным, ветер рвет гребни волн и стреляет пеной как из пушки.

Я заглотил сто пятьдесят граммов японской водки «Сантори», сейчас и такого было достаточно, чтобы отрубиться.

Сон был крепкий, но неспокойный; летаргический, что ли. Я словно чувствовал пузырчатую гущу своих легких и прочие свои потроха. Все громыхало – это работали мои органы, трепетали сосуды, как ритм-секция било сердце. Затем стал ощущать ниточки энергии, выходящие из-за завесы, за которой пряталось черное солнце, – пронизывающие и созидающие нас всех. Теперь я чувствовал гофрированную поверхность кондиционера в метре от койки, пупырышки краски, образованные протечками на потолке, даже текстуру картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза», которую купил все на том же базаре, ни в одной молекуле не отличимую от оригинала. А потом меня втянуло в какую-то огромную воронку, где мое тело растрепали бешеные ветры, как на Юпитере, оставив только переливы багровых и сиреневых красок, которые слились с такими же красками снаружи. Цвета сгущались и смешивались, пока не превратились в слегка посверкивающую мглу. Это было бы похоже на смерть, если б не просверки моего сознания. Они вспыхивали там и сям, взмахивая серебристыми крылышками бабочек, которые отсвечивали лучи невидимого черного солнца, и у меня не было границ…

– Сэр, проснитесь. – Прямо в голову проник голос вахтенного матроса, став по дороге сообществом звонких колокольчиков.

Матрос едва добудился меня, когда до «Батавии» осталось меньше мили.

Я вышел на мостик и сперва мне показалось, что передо мной остров. Или даже сказочный город наките. Или вообще чарующий мираж вроде того, что видели Яков Санников и Эдуард

Толль.

Туша корабля перекрывала значительную часть горизонта. При сумрачном небе на верхних его палубах словно полыхало зарево заката. А в бинокль на «Батавии» были видны висячие сады, бассейны, мало отличимые от натуральных озер с водопадами, деревья, прямо целые рощи, скалы и утесы – конечно же, искусственные. Пляска волн вокруг нее выглядела никак ей не угрожающей. Единственное, что мне не понравилось, – температура забортной воды тут была на пару градусов выше, чем в том районе, откуда мы пришли. И это было пока необъяснимо.

С «Батавии» сообщили, что швартовка к ее борту не может быть осуществлена ввиду строгих правил безопасности на их корабле. Надо будет встать на бакштов с подветренной стороны. Когда «Принцесса Путри» подошла поближе, я замерил крен у «Батавии» – крохотный, не более пяти градусов, есть и незначительный дифферент на корму.

Потом была встреча с инженерами «Батавии» – не в реале и не по обычной видеосвязи, а на виртуальной территории, в диспут-руме, где я присутствовал в сильно облагороженном виде. За счет того, что программа визуализации вырезала меня по контуру из захламленной обстановки моей каюты, которую обрамляли запасные рулоны туалетной бумаги, и вставила в интерьер гостиной в стиле Людовика XV.

Попутно все мы видели трехмерное изображение, получаемое с подводных дронов, спущенных по моей команде с «Принцессы Путри».

Удар пришелся «Батавии» в корму, на десять метров ниже ватерлинии. Как будто шарахнуло массивным подводным объектом, судя по размерам дыры. Затоплен один отсек, прилично поврежден стотонный четырехлопастный винт. В принципе, такое всегда ремонтировалось только при постановке в док. Однако с «Батавией» этот номер не пройдет. Нет ни одного дока, который смог бы принять эдакую махину. Вот поэтому здесь и оказалась «Принцесса Путри», а также, если верить рекламе, «люди "Чжен Хэ Маритим", обладающие необходимой компетенцией делать невероятное».

Инженер с «Батавии», несмотря на произнесение долгой нудной тирады, – привык, наверное, гнать порожняк за время бесконечных хвалебных презентаций «нового чуда света» – что-то явно недоговаривает. «Батавия» интересным образом потеряла ход именно здесь и тогда, когда по этому сектору океана готовился удар урагана. По идее, кораблю вообще не стоило соваться сюда в такое время, но почему-то это произошло.

Теперь настал черед моего спича.

– Господа, как предварительно было согласовано с моим начальством, вы письменно зафиксировали согласие на проведение ремонтных работ нашей фирмой. Повторю вкратце то, что мы собираемся сделать. Используя технологию дисперсных понтонов на базе саморастущего нанопланта-1, мы поднимем корму вашего корабля. А, согласно прогнозу, ветер завтра временно ослабнет; двух-трехбалльное волнение нам не помешает, и вам тем более. При длине «Батавии» в полтора километра, подъем кормы на семнадцать метров вряд ли создаст какие-то неудобства для ваших пассажиров и персонала. Дифферент получится, по сути, незаметный для каких-либо органов чувств. Далее мы откачиваем воду из затопленного отсека и методом «горячей штопки» заводим пластырь, представляющий композитный наноплант-хэви, который формирует оболочку, аналогичную по характеристикам проектной. Параллельно мы снимаем две поврежденные лопасти винта. А каркасные тридеры в достаточно короткий срок формируют или, так сказать, выпекают две лопасти, аналогичные по характеристикам проектным, – из металлопланта-стронг.

Я обозрел инженеров «Батавии» – похоже, они были довольны, на сытых гладких лицах ни тени обеспокоенности.

– Поврежденные лопасти, господа, мы заберем для последующей утилизации. Единственная загвоздка – трюм, куда мы должны погрузить две эти штуки по двадцать пять тонн каждая, у нас занят людьми, спасенными с затонувших рыболовецких шхун. Пятьдесят два человека. Переместить у нас их нигде, в каюты мы уже, подвинув экипаж, приняли двадцать душ. Так что было бы логичным передать их на время вам для размещения в каком-нибудь подсобном помещении, которое сыграет роль кубрика.

Господа инженеры на этот раз посмотрели со своих гладких лиц совершенно непонимающими глазами. Несмотря на всю продвинутость, они мне сейчас напомнили стадо баранов, глазеющих на новые ворота. С прекрасной шерстью и рогами, но все равно баранов. Через несколько минут в диспут-руме появился капитан «Батавии» сэр Арчибальд Утияма.

– Давайте так, господин Пятницкий, мы закроем глаза на ваше опоздание, но будем считать, что вы нам не предлагали принять этих, так сказать, людей.

– Я не понимаю, сэр. У вас на борту четыре тысячи пассажиров и около пятисот членов экипажа, не считая биомехов. Насколько мне известно, «Батавия» может спокойно принять и пять тысяч пассажиров, а если забить под завязку по законам военного времени, то и пятьдесят тысяч влезет. Полсотни человек

– для вас ничего, арифметическая погрешность. После них пошлите биомехов-уборщиков и прочий чистящий персонал продезинфицировать кубрик и гальюн злыми химикатами – и все дела. Ни соплей, ни слюней, ни даже микроба единственного на память не останется.

Каменная физиономия капитана Утиямы, похожая своим ровным кругом на горшок, на сей раз сумела выразить презрение. Сейчас будет высмеивать, догадался я.

– Во-первых, не указывайте, что мне делать на моем корабле. Во-вторых, для слишком непонятливых поясняю. «Батавия» – это особый корабль. Корабль проекта «Miðgarðsormr». Запомните это или запишите где-нибудь.

– Да в курсе я, про Мидгард, змея Ермунганд, корабль мертвецов Нагльфар и тому подобную муть. Я, когда в школе учился, вместо того, чтоб домашку делать, читал запоем всякие эпосы, мифы, «Прорицание вёльвы», Старшую Эдду и так далее, «Джангар», «Манас», «Гэсэр». У бурятов тоже эпос классный. «Тридцать стрел из колчанов Извлечем и покажем. Тридцать славилось ханов – Об отважном расскажем. На помощь нам небесами дан Абай Гэсэр хан».

Я еще комплимент хотел сказать, что капитан Утияма похож, особенно внешне, на Гэсэр-хана – чтобы перевести наши взаимоотношения на неформальный, так сказать, уровень, – но сэр Арчибальд оборвал меня и в его голосе зазвучали грозовые раскаты:

– Нет, вы не в курсе, господин Пятницкий, если не понимаете, что наш корабль создан для постоянного пребывания людей, озабоченных созданием стопроцентно дружественной окружающей среды. Один кубометр пространства «Батавии» стоит, в среднем, полмиллиона долларов, к вашему сведению. Все пассажиры одновременно являются акционерами проекта. Стоимость одной акции – умопомрачительные на ваш взгляд деньги, одновременно это цена одного пожизненного билета на «Батавии». Защищенная среда неограниченной свободы и творчества – основной фактор нашей капитализации. Наши акционеры не желают находиться на одном корабле непонятно с кем. Они не для того покинули свои резиденции на суше, чтобы оказаться в одном пространстве с каким-то…

Его губы произнесли слово «мусор», но он успел политкорректно поправиться:

– С непонятными личностями, несущими на себе и в себе кучу неизвестно чего. Как вы могли заметить, свободного допуска на борт «Батавии» нет, такова альфа и омега. Вы же не будете строчить жалобы в небесную канцелярию, капризно требуя, чтоб в

рай пускали кого ни попадя. Так что делайте, что угодно с вашими «спасенными», хоть спровадьте их обратно в море поджопниками. Никто от этого не заплачет. Таких, как они, – тьма тьмущая.

Голос был такой уверенный, он лился, как торжествующие звуки бетховенской «Оды к радости», и мне стало даже казаться, что я попросил о чем-то неприличном – снять штаны и показать зад, к примеру.

Но именно тогда я первый раз подумал, что не против, если «Батавия» как-нибудь пойдет на дно. Корабли-убежища проекта «Мировой змей» создавались, чтобы сохранить превосходство мира крутых парней, со всеми их «ценностями», по отношению к миру прочих. The West and the Rest в самом наглядном виде. Кажется, я понимаю, почему это понадобилось именно сейчас. А потому что Rest сумел перехватить у West владение основными производственными активами – благодаря новым самораспространяющимся технологиям. Золотой западный миллиард скукожился и посерел, в третьем мире один миллиард позолотился. Общее же количество бедных и нищих практически не уменьшилось, дополнительные доходы осели в карманах нуворишей… Но что, более всего, может показать превосходство одних над другими – именно бессмертие. Это и ежу ясно. Неизвестно, насколько в реале бессмертны «олимпийские боги», находящиеся на борту кораблей-убежищ, но в информационном пространстве должно быть именно так. И смертные не могут находиться среди бессмертных.

Впрочем, на «нет» капитана «Батавии» и суда нет. А мне, в любом случае, пора за дело.

Установка дисперсных понтонов несколько напоминает сброс глубинных бомб. Спустя некоторое время после того как цилиндр со средством понтонизации уходит под поверхность, вода начинает пузыриться, вплоть до появления там и сям бурунчиков. А потом мутнеть, покрываться переливчатыми хлопьями, через пару часов образуется гуща, несколько напоминающая хорошо разваренную овсяную кашу, – только ее очень много, как в известной сказке «Горшочек, вари». И она быстро твердеет.

Тут и ветер стал стихать, как по заказу, словно природа решила выслужиться перед толстосумами. И вода, весело булькая, охотно превращалась в растекающуюся пузырчатую гущу, заполняя разворачивающийся трехмерный каркас и образуя островок вокруг кормы корабля-переростка. Что было хорошо видно с помощью камер подводных средств наблюдения. Я вижу и растущие показатели достигнутой подъемной силы. Пока семь процентов от необходимой. Надо немного подправить векторы, по

которым идет прирост нанопланта-1. Я надел цифровые перчатки, включил тактильный интерфейс, и мои руки ощутили сопротивление среды. Дисперсные понтоны будут разрастаться еще в течение шести с половиной часов и все более выдавливать корму «Батавии» из воды. С дедом Архимедом не поспоришь.

Второй цилиндр со средством понтонизации – только в куда меньшем количестве – был сброшен с другого борта «Принцессы Путри». Когда понтон будет сформирован, на него переведут пятьдесят два спасенных даяка из трюма, в который будут загружены части сломанного винта «Батавии». Я уже перетер эту тему с их вождем, главарем, капитаном или кто он там.

Сказал ему – так и так, друг мой голопупый, войди в положение, с этими миллиардерами не забалуешь, они ж господа всего на свете. Они чуток пукнут – нас сдует, доходит, камрад? И на палубе ремонтного судна кантоваться вам негде во время проведения работ – нельзя нарушать элементарную технику безопасности. Будет вам на понтоне и тент, чтобы закрыться от осадков и ветра, и еда. Дадим несколько мешков риса и канистр пресной воды, для спанья снабдим удобными матрасами без клопов и твурмов, поставим электрическую плиту варить крупу, выдадим котел и одноразовую съедобную посуду, передадим по кабелю электричество с «Принцессы Путри». Порножурналы дадим, чтоб было, чем заняться. По окончании работ – а уложимся в пять-шесть дней, доставим на берег на борту нашего судна.

Взгляд у вождя был такой напряженно-злой, что будь у него под рукой крис, мигом бы прирезал собеседника, насладившись бульканьем крови в рассеченной глотке. Но под конец суровый коротышка вроде бы осознал, что иначе нельзя…

Через пять часов из-под воды показалась кормовая пробоина и измятый винт корабля-монстра. Средство понтонизации сработало без сучка без задоринки, молекулярные работнички не подкачали. Можно уже в пробоину запускать хоботы мощных помп. О чем и было доложено господину Чу. На что тот отреагировал с восточной многозначительностью. «Я догадывался, что господину Пятницкому нужны чрезвычайные обстоятельства, чтобы проявить себя».

Еще через три часа были собраны каркасы-тридеры для формирования лопастей винта, и они давай выпекать свой металлоплант-стронг. Поначалу каждые десять минут надо было проверять, нет ли отклонений от матриц и корректировать параметры, по которым функционируют миллионы актуаторов. Конечно, не с помощью клавиатуры. Единственный способ проверки – надеть цифровые перчатки, подключиться через

тактильный интерфейс и прощупывать металлоплант, выясняя, где недостаточно плотности, где чересчур.

А отсчитав дополнительно четыре часа, можно было доставать хоботы насосов из пробитого отсека. Вода выкачана, пора заводить пластырь с наноплантом-хэви.

Перед этим я съехал по ремонтному трапу на понтон и заглянул в пустое отдающее морской солью и гнилью пространство огромного отсека, темноту которого отчасти разгонял свет прожектора с «Принцессы Путри». На мгновение показалось, что там внутри кто-то копошится. Даже прокричал туда из-за приступа страха: «Где мы, там победа!» Гулко-гулко. Немного успокоился, потому что никто не ответил. Но сейчас мое внимание привлекла другая странность. Края пробоины не были загнуты внутрь, как должно быть при ударе массивного тела снаружи. Они как будто были обрезаны или объедены, причем довольно аккуратно. Или здесь вообще произошло что-то вроде «мягкого взрыва», с использованием особого типа диверсионных веществ, вызывающих сверхбыструю коррозию?

На открывшемся взгляду корпусе корабля ниже ватерлинии выделяются еще несколько странных крупных пятен. Собственно, и с камер подводных дронов я их замечал, но тогда подумал, что это, может, какие-то обрастания, типа морских уточек. Но сейчас металл выглядит и поврежденным коррозией, и даже деформированным. Впрочем, расследование аварии – не мое собачье дело, а все необходимые снимки и видеозаписи мои подчиненные сделали.

Аппарат, похожий на громоздкого многорукого идола, быстро фиксировал точки сшивки, и вот началась «горячая штопка» – тончайшие горячие нити металла проходили светящимися штрихами от одного края пробоины до другого. То, что изобрели мудрые женщины в неолите, работало и сейчас, только требовало в миллион раз более быстрых рук, потребляя в миллион раз больше энергии. После небольшого охлаждения, на армирующий материал мощным потоком искр наносились связующие вещества. Хотя зрелище такой «штопки» завораживало, вскоре в глазах зарябило от искр и бликов, и слезные железы стали выдавливать влагу – я отвел взгляд к горизонту.

Заканчивалась ночь. Ветер почти стих, ураган «Мозес» вежливо свернул к югу. С той стороны, где вставало солнце, из облачных уз прорвался дерзкий луч, запалив огненную дорожку на воде и кромку облаков, отчего нарисовалось своего рода оконце, за которым дневное светило пробуждалось ото сна. Захотелось поверить, что наступает хороший день.

Неожиданно откуда сверху – а ближайшая открытая палуба

находилась на шестьдесят метров выше – упало что-то яркое. Я поднял с поверхности понтона цветок. Приятно, не ожидал. Кто-то из пассажиров прислал свою признательность за работу ремонтной команды. А какая другая мысль должна возникнуть по такому поводу в голове? Цветок не был вполне настоящим – порождение синтетического генома, светящийся сам по себе. Его трепещущие нежные лепестки были похожи на крылья бабочки – с замысловатым орнаментом, напоминающим античную краснофигурную вазопись.

Однако материя розы оказалась живее, чем можно было ожидать. Лепестки бутона изогнулись под моими пальцами и чувствительно цапнули острыми мелкими шипами. Я с обидой посмотрел на подушку пальца, покрывшуюся красными точками, и растер тяжелым башмаком подлый «подарочек». И как-то подумалось, что «Батавия», поди, такой же сомнительный цветок, за прекрасным внешним видом которого скрывается колюще-режущее содержание.

Тринадцать лет назад. «Юпитер-12»

Вопреки общепринятому мнению криоконсервирование практически не используется во время перелетов к дальним планетам. Менять внутреннюю воду на пропиленгликоль – с этим даже на крысах стесняются экспериментировать, хотя пара энтузиастов пожертвовала собой на опыты и один из них даже выжил. Да, Кирилл слыхал про интересную задумку с закачкой в человеческий организм антифризов типа гликопротеинов. Но ведь достаточно нескольких случайно затесавшихся кристалликов льда в ненужном месте, например в голове, и нейрохирург будет долго и вдумчиво ковыряться у космоплавателя в мозгах, присылая его родственникам один счет за другим. А в итоге все равно получится овощ.

Впрочем, по слухам, вояк именно так и подмораживают, используя притом молекулярные шапероны, которые-де спасают белки от порчи. Этот вариант, возможно, годится для военных бортов, где важна скорость, а вероятный процент потерь, случившихся при транспортировке, изначально учтен в цене боевой операции.

На гражданских же судах применяются интерфейсы продолженного сна, где, после подключения нейрокабеля к разъему на шее, получаешь порцию сигналов торможения в подкорку и далее имеешь что-то вроде регулируемой нарколепсии.

С одной порции – неделя отключки с подведенным мочеприемником и катетером в вене для питания. Иногда со

сновидениями, но их Кирилл сильно не любил, потому что ему снилось, к примеру, что его загнали в болото и забрасывают гранатами. Затем шесть часов бодрствования – обед, туалет, тренажерный зал, изучение отчетов по теме, а точнее, игра в крестики-нолики, и тому подобные нехитрые дела. А на большее ты не рассчитывай, голова-то не очень варит, дубовая. Видал Кирилл и совершенно обалдевших «астронавтов» после такой недельной спячки; они шли прогуляться, забыв отсоединить мочеприемник и оставляя за собой тропку из упавших слюней и желтый ручеек…

Но вот долетели-сели. Транспортный борт «Сычуань» высадил Кирилла Воскресенского на международной орбитальной станции «Юпитер-12» вместе с компашкой южноазиатов, именующих себя исследовательской группой университета Беркли (как раз те ребята, что должны думать за американцев, у которых попы все толще, а мозги все худее), после чего отправился в систему Сатурна. Среди прилетевших пассажиров был и один шишкарь, заместитель госсекретаря Атлантического Альянса – по крайней мере, в новостях не раз сообщалось о судьбоносном перелете высокопоставленного лица – но, видимо, у него имелся свой отсек и свой выход.

Станция «Юпитер-12» – большая, тороидальная. Ее, кстати, строили машины-матки, что разделяются на тьму микро– и наноассемблеров, используют для этого дела всякий щебень, вращающийся вокруг Юпа. А тор в народе называется бубликом.

В центре у станции терминал для бортов дальнего следования. Пока добираешься на лифте по радиальному тоннелю до самого бублика, многое меняется. В лифт заплываешь рыбкой, а из него выходишь от непривычки на полусогнутых, с кряхтением, хотя искусственная гравитация, в виде центробежной силы, здесь сильно недотягивает до земной.

Кирилла и щебечущую толпу южноазиатов встречали на прогулочной палубе не только половинка родной силы тяжести, но и явные признаки развала.

Из потолочных панелей текло, образовавшиеся на полу лужи подтирались снующими повсюду робоуборщиками, которые так и норовили сделать вам подсечку. Кое-где под капель были подставлены банки и тазики. И чем-то таким попахивало. Нет, не сыром камамбер, а тем, что по аромату похоже. Фекалиями, как будто. Если закрыть глаза, то сразу представляется сельский туалет с жирными мухами; и жужжание соответствующее имеется – от деловитых робоуборщиков. Это все последствия, то ли недофинансирования, в смысле, воровства подрядчиков, то ли конструкционных недостатков, проявленных излучениями

Юпитера-батюшки.

А еще было заметно оживление станционных аборигенов, связанное с обеденным перерывом.

Заняться работой Кирилл намеревался на следующий день – по земному счету. Отправил багаж на ленточном транспортере, который тихо скользит на фуллереновых шариках через весь бублик, а сам отправился питаться вместе с берклийскими южноазиатами. Они, кстати, оказались поголовно биологами и химиками-органиками (к чему бы это в окрестностях безжизненного Юпитера?). А говорили на пиджин-инглиш южных морей, заметно отличающемся от доступного Кириллу стандартного бэйсика, на котором ставятся задачи для «почти-разумных» программ. Так что, в основном, они лишь улыбались друг другу; а поскольку южноазиатов было много, то у Кирилла даже мышцы лица заболели.

В местном общепите – эпатажном зале, сделанном словно из марципана – давали котлеты, выращенные методом клонирования какой-то героической клетки, предоставленной корпорацией «Медуза».

Той самой «Медузой», чья славная биография начиналась, под именем «Дюпон де Немур», с напалма и диоксина, падающего на головы непослушных туземцев, а закончилась полным контролем над жратвой в космосе. Можно представить, сколько она наваривает на каждом шибко вкусном обеде, напоминающем слегка поджаренную паутину.

Один из южноазиатов шепнул Кириллу, что в отсеке для ВИПов, где приземлилась та самая шишка из госдепа, имеется свой пищеблок, и там натуральные продукты сочетаются с чудесами молекулярной кухни, отчего форель, самая настоящая, превращается в розовую пену, а огурец в яблочный мусс. И оная персона вместе с придворными учеными и секретутками не будет показывать морду лица широким научным массам – за исключением еженедельных капитанских коктейлей и торжественных мероприятий.

Разговор быстро переключился на одну интересную тему, а сколько именно людей погибло в системе Юпитера? Кто-то из присутствующих полез через тормозной Спейснет в Бормопедию и через минут десять выяснил там, что таковых мучеников насчитывается сорок семь. И самым известным, точнее распиаренным, из них является пилот космических сил Атлантического Альянса Пэт Крэш, который установил рекорд спуска в атмосферу Юпитера и не вернулся обратно.

Но один южноазиатский мужичок, вылитый Хошимин с виду, просмотрел все бесчисленные энциклопедические записи,

находящиеся внутри его собственного худосочного тела на ДНК-носителях, и стал спорить. Пэт Крэш, собственно, никакого подвига не совершал, а просто потерял сознание в результате пищевого отравления и свалился на Юпитер. Но раньше него, при глубоком проникновении в атмосферу Юпитера, погиб русский космонавт-исследователь Иван Перелогов, причем при странных обстоятельствах. И, если сведения об этих обстоятельствах появляются в Бормопедии, то они немедленно вычищаются ботами, следящими за «свободой информации».

Перелогов спускался в атмосферу Юпа в капсуле, пристегнутой тросом из углеродных и кремниевых нанотрубок к российской орбитальной станции «Юпитер-5». С целью поизучать структуры атмосферной воды, которая почему-то не замерзала. Но капсула по неизвестной причине была потеряна. Брашпиль, что установлен на станции, смотал трос обратно уже без нее. Трос оказался разорван, а в районе спуска капсулы, по странному стечению обстоятельств, крутилось в то время несколько беспилотных летательных аппаратов Атлантического Альянса. Ряд стран потребовал создать ооновскую комиссию по расследованию этого происшествия, поскольку подозревали диверсию; американцы, соответственно, упирались и дергали за ниточки нужных высокопоставленных людей. В итоге дело было спущено, как всегда, на тормозах. Приговорили, что Перелогов сам себя отвязал от станции из-за скрытых суицидальных наклонностей. Такое решение, конечно же устроило тех, кто бы виноват в гибели космонавта. А вскоре и всю станцию «Юпитер-5» прогрессивная общественность решила сбросить с орбиты, как якобы загрязняющую окружающую среду своими реакторами.

После обеда Кирилл доложил начальнику жилищного сектора о прибытии, получил каюту – и тут он снова отметил раздрай на станции. В душевой – все в «граффити» от плесени. Вода из крана грязноватая, склизкая, с намеком на присутствие органических кислот и ржавчины. Полотенце пованивает гнилью. Осветительные панели помигивают, как на дискотеке. Динамики громкосвязи повизгивают. Экран холовизора показывает только объемную муть. И это на станции, которая должна считаться золотой, по количеству вбуханных в нее миллиардов.

В самом деле, это кого-то беспокоит или нет? Кирилл попробовал подсоединиться к камерам видеонаблюдения в своем кольцевом отсеке. Но картинку получил только с той, которая в его каюте; что не покажется интересным даже при большом желании. Попробовать подключиться к системе технической диагностики? И там облом – нет доступа, хотя он зарегистрировался как работник техслужбы.

Уже по количеству бросающихся в глаза технических неисправностей можно заподозрить серьезную системную проблему. Похоже, идет постоянное и быстрое разрушение линий связи, средств контроля, систем жизнеобеспечения, и того, что лежит в основе всего этого – сверхустойчивых, самовосстанавливающихся (если верить рекламе поставщика) нанотех-материалов…

Начальник службы биологического контроля станции явно не ожидал увидеть постороннего в своем уютном офисе, напоминающем благодаря окнам-экранам, на которых присутствовало интенсивно-синее море и едко-голубое небо, бунгало где-нибудь на Мальдивах. При появлении незнакомца начальник оторвался от миски чего-то похожего на спагетти, только ползающего, поспешно выдернул из заушного разъема цилиндрик глюкера и снял блаженную улыбку с лица. Пригладил лысинку жестом, означающим смущение.

– О, представитель Росадаптертеха, господин Воскресенский, вы же только сегодня прибыли. А я был уверен, что русские любят отдохнуть. – Его маслянистые глазки стали совсем дружелюбными.

– Любят, поэтому я уже отдохнул, четыре месяца спячки, господин Гриппенрайтер, и теперь бодр как медведь по весне. Взял несколько образцов местных материалов и хотел бы изучить их в лаборатории. Заодно и нейроинтерфейсы проверю; если понадобится, займусь их настройкой, чтобы у исследователей при работе с зондами и манипуляторами было все легко и просто. Возможность ошибки надо учитывать до того, как она произошла…

Дальше обмен сообщениями пошел в таком режиме.

…Нет, господин Воскресенский, вам показалось; на самом деле, количество дефектов укладывается в допустимые вероятности…

…Я не знаю, господин Гриппенрайтер, какова допустимая вероятность превращения станции в кучу дерьма, но если это произойдет, нам в нем и купаться…

…Надо помнить, что мы не в Баден-Бадене, а возле Юпитера…

…Я помню, хотя в Баден-Бадене никогда не был…

Закончилась беседа тем, что паскуда Гриппенрайтер сослался на то, что так и не получил подтверждения полномочий господина Воскресенского от Международной комиссии по исследованию космического пространства. И что толку, что российский взнос составляет пятую часть ее бюджета и не менее четверти «Юпитера-12» построено на российские деньги. В

международных инстанциях всем заправляют такие вот гриппенрайтеры.

Пять минут препирательств, и Кирилл оказался за дверью шикарного кабинета, а Гриппенрайтер продолжил чавкать своей лапшой и просматривать порнографическую виртуалку.

Так, есть где-нибудь поблизости алкоголь?

На прогулочной палубе, неподалеку от бара, стояла как бы случайно, совсем ненавязчиво, но явно поджидая Кирилла, некая дама. Впрочем, не совсем некая; он уже видел ее в столовой, там она была в форме службы поддержки, и пару раз перехватывал ее взгляд, прямо скажем, профессиональный буравящий. Кирилл вообще-то был осведомлен о своих «достоинствах», как говорится, вмиг не влюбишься. Может потому, что лицом он несколько напоминал «агрессивных русских Cossacks» с западных пропагандистских плакатов времен горячих и холодных войн – по крайней мере, для иностранцев. Поэтому дамский интерес к себе всегда проверял на червоточину. Его деньги эту даму интересовать не могли, по причине своего отсутствия, вряд ли она была в этом вопросе несведущей. Тогда что?

– Будем знакомы, меня зовут Альба Дирксен, – первой начала она, однако ее персональный чип был «затемнен» и не откликался по близкосвязи. – Ах да. К сожалению, мой транспондер заблокирован решением начальства, так что информацию обо мне автоматически вы не получите, поэтому все персональное – при личном общении. Кажется, вы ищете компанию, чтобы пригубить слабоалкогольные напитки – больше шести процентов алкоголя и одного литра за день на борту нашего «летучего голландца» не разрешено. Иначе вместо работы будут пьянки и моральное разложение, тем более что обстановка к этому располагает.

Кирилл буркнул что-то невнятное в ответ, как у него всегда, когда он вдруг становился объектом пристального внимания.

– Вы четыре месяца провели в спячке, – продолжила она с некоторым упреком.

– Управляемой, – напомнил он.

– Хорошо, управляемой теми, кто превращает человека на время в рептилию… и сейчас не рады собеседнику?

– Да нет, я рад. Особенно, если он с кудрями, в смысле, собеседнице. Но сегодня у меня депрессняк.

– Когда депрессняк, то ищут не алкоголь, а психотерапевта.

– О, вы еще нас не знаете.

– Наверное, не знаю, но могу узнать. – Альба взяла Кирилла под руку и завела в бар, где отдала распоряжение робобармену с носом-сливой насчет фирменного «Джупи». – Я смотрю, у вас накопилось много вопросов.

– И вы сейчас скажете, что готовы поговорить «об этом». Вы, наверное, штатный ооновский как бы психолог, занимающийся переработкой мозгов в удобрение для здорового международного коллектива?

– О, какой вы колючий. Однако в службе поддержки не только психологи. Ну да, есть у меня и профессиональные интересы, так что дело не в одном лишь женском любопытстве. Поэтому я знаю, чем вы будете заниматься на станции. И даже то, что вы из военных моряков, с боевыми наградами, не так давно демобилизовались. Причем последние годы служили в русском морском спецназе. Занимались там, наверное, чем-то связанным с вашей нынешней специализацией – человеко-машинными интерфейсами. А также, очевидно, подводными транспортерами и беспилотниками, которыми спецназ управляет, так сказать, силой мысли… Сначала выпьем фирменного «Джупи», добавив в него немного технического спирта из лабораторных запасов. А потом, может быть, вы расскажете, что вас выбило из психического равновесия.

Дамочка им интересуется неспроста, но пока он не в курсе, просто ли флиртует она с новичком от зеленой тоски или целенаправленно копает под него, поскольку хозяин спустил ей указание. Ясно, что информацию о «военном моряке» она наверняка получила от соответствующих структур Альянса, иначе откуда такие познания в области его трудовой биографии?

– О, первая приятная новость за последние четыре месяца – у вас есть спирт, с помощью которого можно преодолеть шестипроцентный барьер. А с меня тогда выпивка. Не хватает только третьего, который приносит стакан, – но это так, русский юмор.

– На орбите Юпитера трудно угощать выпивкой, потому что ее стоимость автоматически вычитается из зарплаты пьющего. Емкостные датчики следят за тем, какое количество жидкости прошло через каждого.

Ах да, подумал Кирилл, с туалетной бумагой, должно быть, та же самая история.

– От этого так и несет утилитарной протестантской этикой.

Они устроились за стойкой. Заметно, что раньше здесь было много лучше. Орхидеи, висящие под потолком в облачках аэрозоля, увяли и засохли. Отключившиеся квазиживые бабочки тускло маячили на стенах, напоминая прилипшую жвачку, их топливные элементы явно отработали свое. Забавные пивные кружки с именами завсегдатаев, ранее левитировавшие в электромагнитном поле, давно упали и потрескались.

Первые несколько минут дама лишь молча улыбалась. Легкая

фотоническая татуировка на ее открытой шее, изображающая золотистую змейку, вспыхивала и гасла, и это ставило Кирилла в тупик. Неужели ее тату подключено нейроинтерфейсом к зонам коры мозга, генерирующим эмоции? Сразу к делу? Не сразу?

– Ладно я; мне, что по морю, что по космосу – разница невелика. Койка, приборная доска, вахта, надулся после нее чаю с вареньем и доволен. А кто заставил вас улететь столь далеко? Несчастная любовь? – пришлось Кириллу начать первому.

– Мама. Она была левых убеждений. Гагарин и освоение космоса для нее что-то значили. Космос, как пространство для сотрудничества людей и наций, совместного творчества, а не эксплуатации одних другими, будущая родина для тех, кому не хватило места и ресурсов на Земле. А вы про какую-то «несчастную любовь». К тому же я из тех, кто все еще надеется на встречу с инопланетными зверушками.

На ловца и зверь бежит инопланетный… или слишком странное совпадение.

– Из того, что вы перечислили, реален только Гагарин, все остальное – пшик. Разве что зверушки, но и те под вопросом. Что, кстати, происходит на станции с этой самой биологией? Плесень, коррозия? Не может быть, чтоб вы были совсем не в курсе, как представитель службы этой самой поддержки. Только, пожалуйста, без виляний.

Альба Дирксен отстраненно улыбнулась, вежливо показывая свое превосходство в знаниях.

– Ничего не происходит. Люди несут на себе обычную микрофлору, тут она быстро распространяется, поскольку на станции замкнутая система жизнедеятельности, и нагрузки на нее высоки. Весь избыток загрязнения – результат конструкционных недочетов и низкого качества строительных материалов – нанаработнички явно брали числом, а не умением. И это быстро проявляет себя из-за разрушительных воздействий Юпитера, будь он неладен. Вообще финансирование нашей станции год из года сокращается, вы будто не в курсе. Хозяева больших денег по ходу решили, что освоение космического пространства их особо не интересует, поскольку это мало похоже на прибыльный бизнес. Сейчас они решили вкладываться в создание целого флота пассажирских суперкораблей для океанов на Земле – один уже спущен на воду. За сумму в каких-то сто миллионов баксов каждый, обладающий хорошими деньгами, может обрести абсолютно защищенную среду и не надо лететь в чертову задницу за семьсот миллионов километров.

– Я так понял, в проблемах станции виноваты криворукие вьетнамские наноассемблеры, хотя легкая критика в адрес

денежных мешков мне по нраву. – Кириллу подумалось, что пора идти ва-банк, пусть при первом знакомстве не хочется. – Извините, а не могло быть так, чтобы на станцию попало нечто биологическое, скажем, с близлежащей планеты?

Альба помедлила с ответом, потянув из трубочки радужную жидкость, однако ни тени растерянности на ее лице не было.

– Да вы не только моряк, заплывший слишком далеко, но и фантаст… Впрочем, если вы, действительно, интересуетесь зверушками, вот вам на закуску.

И она неожиданно быстро удалились, оставив на столе едва заметный кристаллик информационного накопителя, который Кирилл сразу же сгреб.

У себя в каюте он просмотрел подаренную ему холозапись.

Это была запись полета исследовательского катера – модифицированного боевого космоплана «FX-129» – вместе с сопровождающими файлами телеметрии.

До высоты «– 10» космоплан шел по сигналам планетостационарных навигационных станций, на которые ориентируются все корабли, швартующиеся к «Юпитеру-12». Затем навигация стала опираться на планетосинхронные радиомаяки, которыми пользуются автономные зонды ближней разведки. Потом база «Донар» стала вести космоплан по азимутальному каналу. Однако его направление редко совпадало с направлением ветра, а самые разнузданные земные ураганы, по сравнению со здешними, лишь дыхание младенца. Поэтому пилоту все время приходилось рыскать, чтобы не потерять канал. Во время этих рысканий от крыльев на центроплан регулярно приходила сильная вибрация, потому приходилось гасить скорость, задирая нос и изменяя вектор тяги. Иногда помогало, а иногда машину швыряло, как макаронину в супе.

На мгновение появился «Донар» в разрыве между аммиачными облаками, лохматыми и густыми, как борода Зевса. Та самая база вояк Атлантического Альянса, которая появилась после того, как российскую станцию «Юпитер-5» приговорили всей «международной общественностью» сбросить на планету. И аэродинамическими формами, и постоянно работающими двигателями – у нее силовая установка типа «ядерная лампа» – база «Донар» напоминала огромный стратегический бомбардировщик. Хотя, конечно, на ней не было пилотов, одна автоматика.

Но космоплан нырнул глубже.

В зрачки Кирилла линзопроектор закачивает объемные картинки, записанные системой обзора нижней полусферы.

Режим телеприсутствия всегда бьет по эмоциям, а сейчас

вообще захватило дух. Катера как будто не стало, Кирилл находился между исполинских светло-голубых стен облачного «каньона», сделанного из кристаллов аммиачного льда. Под ним неслась со скоростью полтысячи километров в час желто-коричневая «река», подкрашенная сульфидом аммония. Та самая атмосферная структура Южный приполярный пояс, которая порой исчезает на десятилетия, чтобы затем неизменно выплыть снова.

Машина направилась к юпитерианской реке, вот гребни ее волн почти достают до корпуса. Тут мощная турбулентность подхватила космоплан и бросила в сторону.

Пилот готов был резко поднять машину, как в кабрировании. Потянул ручку управления на себя, и именно тут случилось странное. Машина, завалившись на корму и заработав критический угол атаки, стала падать – десять, пятнадцать, двадцать километров. Это при нормальной тяге и отданной команде «поймать горизонт».

Еще немного, и машина достигнет той высоты, с которой никто не возвращался. Исчез навигационный луч «Донара», забитый электромагнитным ревом Юпитера. Температура за бортом поднялась до двухсот по Кельвину. В какой-то сотне километров с дикой скоростью пробила молния – электрическая сатана шириной с Волгу, на секунду даже погасли индикаторы приборов.

И вдруг скорость ветра резко упала, с пятисот километров в час до каких-то жалких пятидесяти, машина оказалась в центре непонятного затишья. И перестала падать. Глаз циклона, надо полагать. Озеро Небесного Спокойствия, как выразился бы буддист. Над космопланом горело авроральными всполохами желтое небо, под ним переливалась оттенками бордового таинственная юпитерианская глубина, очень смахивающая на ад; многокилометровую ясность слегка смазывал лишь аммиачный снежок. Пилот переключил управление на бортового автопилота и дал команду на вертикальный взлет.

Последнее, что Кирилл смог увидеть на нижней отметке «— 50», какое-то странное объемное пятно, точнее, гроздь пятен; они находились в центре этого безмолвия. Приемные антенны космоплана зафиксировали их излучение. По спектру и интенсивности источника смахивало на слабодифференцированную живую материю…

На высоте «– 10» космоплан попал в свирепую турбулентность; по сравнению с этим ураганом все земные выглядели милыми котятами. Но пилот своевременно взял ручное управление на себя и вполне уверенно обошел на вираже «бокал». Так у летунов называются самые неприятные циркуляции

в верхних слоях юпитерианской атмосферы – вихри, уходящие хоботом далеко в ее глубину. Потом снова передал управление автопилоту, которому начал помогать лоцман орбитальной станции.

Едва Кирилл досмотрел запись, как с ним по интеркому связалась Альба Дирксен, которая пригласила зайти к ней в каюту, что была палубой ниже и больше его конуры раза в два. Уютное место, как выяснилось. Госпожа Дирксен коротает тут свободное время, мастеря лоскутные одеялки. Можно сказать, даже слишком усердно. Некоторые лоскутки выдернуты из старых скафандров, вместе со встроенными нитепроцессорами и фотоникой – поэтому вся светелка таинственно мигает и мерцает. Блики падают на маски и фигурки из материала вроде папье-маше, представляющие ягуаров, пум и божков Мезоамерики, которые сейчас выглядят довольно живыми, а некоторые и вполне жутковатыми. Тоже творчество Альбы Дирксен.

Они немного закинулись; у госпожи Дирксен были левые трансодермы, которые пускали через кожу легкую расслабляющую дурь. По ее почину Кирилл перешел на ты.

– И что ты на самом деле хотел найти? – спросила новая знакомая.

– И нашел, почти. Там что-то было, Альба. И ты это видела. Сигналы, полученные антеннами космоплана, подтверждают, что там было нечто живое. Кстати, с его пилотом можно пообщаться?

– Уже нельзя. Капитан Прерадович погиб две недели назад. Во время полета отказала система регенерации воздуха в кабине.

Кирилл поймал себя на мысли, что именно такого ответа он и ожидал.

– Почему, имея эту видеозапись, ты не подняла тревогу, речь же идет о ксеножизни.

– Просто тебе, Кирилл, хочется чего-то живого и теплого в глубинах космоса. А объяснение этому явлению совсем другое. – Ее глаза симптоматично ушли в сторону. Ясно, что лукавит.

– Давай, гони свое объяснение. Только не надо снова про оптические эффекты.

Ее пальцы неожиданно оказались у него на затылке, а губами он ощутил нежность ее губ, хотя даже не коснулся их.

– Может, поищем его вместе, пользуясь бритвой Оккама.

– Намек на мою щетину?

Пальцы Альбы нащупали шрам на его виске. Стало так щекотно и приятно, сразу расхотелось спорить и выяснять. «Живое и теплое в глубинах космоса» найдено, и оно рядом с ним, в этой каюте.

– Подростковая драчка? – решила уточнить Альба.

– Подростком я не дрался по подворотням, а играл на пианино, и не только «Собачий вальс». Так что, скорее, война. Мины у противника были очень хитрые, с мозгами не хуже, чем у кальмаров, а те твари башковитые. Квазиживые мины с органическими процессорами от «Медузы» и самообучающимися программами наведения от корпорации «Стейно», очень трудно обнаруживаемые. Как-то пришлось преодолевать очень густое морское заграждение. И в некотором роде сыграть роль живца, чтобы привлечь интерес вражеской стаи, а наша морская пехота смогла бы высадиться в другом месте. В итоге я получил фугасный привет от тех, кто не любит Пушкина с Достоевским. И пошел на дно с пузырями.

– Почему ж ты здесь, а не на дне морском с царевнами подводного царства, как ваш былинный Садко?

– Меня тяжело утопить насовсем. Поэтому мою, так сказать, тушку успели достать и оживить.

– Значит, будешь жить долго, сколько захочешь. От меня тебе будет другой привет.

На первый, да и на второй взгляд Альба не была зажигалочкой – никаких тебе постреливаний глазками и покачиваний бедрами, если не считать, конечно, зачетной выпуклости, как сказал бы моряк, в районе кормы. Но сейчас она раскрылась как цветок, заодно распахнулся ее голубой комбинезон. Шелковистость и аромат цветущей вишни. Ну да, еще одна фотоническая татуировка – в известной ложбинке между двух холмиков. Опять змейка, только не ползущая куда-то, а сплетенная в восьмерку и кусающая себя за хвост. Слегка мерцающего изумрудно-зеленого цвета. Змейка становилась все ближе, ярче, а Альба словно теряла телесность, обращаясь в дымку, ласковую, нежную, растекающуюся по коже Кирилла, втягивающуюся в его кровь…

При взгляде сквозь эту дымку глаза Альбы были похожи на черные дыры, лицо казалось сияющим, как луна, ладони платиновыми, ноготки же рубиновыми или даже кровавыми. Сам же он смахивал на ее трон. Он не мог ручаться, что у него были четыре ножки и подлокотники, но она использовала его вместо основания. И соединение между ними было таким, что стало почти нестерпимо горячо…

А потом его как будто начало бросать из стороны в сторону, и пространство многократно сложилось, образовав кристалл с немалым количеством граней. Как электрон в валентном кристалле, он кружился одновременно вокруг всех живых и мертвых душ, находящихся вблизи Юпитера. Кирилл слышал, как работают его органы, трепещут сосуды, громыхает сердце. И

видел сразу множество фрагментов окружающего пространства: жилой отсек, энергетический реактор, исследовательский блок, коммуникации системы жизнедеятельности. Видел мужчину и женщину, облетающих станцию в ремонтном транспортере и что-то чувствующих по отношению друг к другу, и парня, взволнованно изучающего данные с зондов, и почувствовал странную жизнь, скрытую глубоко в конструкциях «Юпитера-12».

Он пытался приблизиться к ней, но его втянула атмосфера газового гиганта. Бешеные ветра трепали его, потоки взрывали кожу, ломали кости и врывались в череп. Все прошло быстро и без боли, тело стало переливами багровых и сиреневых красок. Цвета сгущались и смешивались, пока не превратились в слегка посверкивающую мглу.

Не размыкая губ, он справился у кого-то: «Может, это смерть?» Раз не отвечают, значит, нет.

Он все же существует, хотя и в непривычном объеме. Просверки его сознания вспыхивали там и сям, взмахивая серебристыми крылышками, которые отсвечивали лучи невидимого черного солнца, и в пространстве его тела, и за пределами его, в потоках жизни, источаемой Юпитером…

А потом все резко пропало, словно он разом протрезвел.

Конечно же, это были глюки, результат смешения забористого «ерша» и какой-то синтетической дури, всосавшейся в кровь с прилепленных к шее трансодермов. Похоже, и дилер, и изготовитель этой дури находятся на станции, потому что пронести ее через контроль космопорта на Земле просто невозможно.

Глава III

«Батавия». Первая кровь

Тело рабочего лежало неподалеку от частично заштопанной пробоины, словно он мчался во все лопатки из глубины отсека к «выходу» и не добежал каких-то пару метров. По причине исчезновения ног. Собственно, у него ничего не было далее пояса. Все, что находилось ниже, было оторвано или, возможно, срезано. Довольно аккуратно, как будто рядом очень острых клинков. Или, возможно, зубов. Срез поясничного позвонка был в почти идеальном состоянии, в самый раз для музея. Но представить себе челюсти размером в полметра, украшенные острыми, как скальпель, зубами – этакий зуботрон, – не позволяла и самая смелая фантазия. Среди сухопутных хищных млекопитающих последняя тварь с таким размахом челюстей вымерла тридцать миллионов лет назад.

Вещдоки говорят о следующем: то, что прикончило рабочего, не просто настигло его сзади, еще подбросило и с лету отхватило ему половину тела. Даже смерть не стерла с его физиономии выражение ужаса, смешанного с удивлением. Остается лишь добавить, что отмучился он быстро. Пшик и нет. Не у каждого так удачно получается.

Что понадобилось бедняге Ли Хуану в самом отсеке, было неясно. Но, скорее всего, он что-то заметил в проеме пробоины. Это что там во тьме чернеется? Или белеется. Дай-ка гляну. И сунул туда свою глупую маленькую голову, похожую на запеченное яблоко, аюшки-ау.

Он был один из пары операторов, оставшихся на ночь вне «Принцессы Путри», на понтоне, чтобы непосредственно следить за «штопкой» пробоины и «выпеканием» лопастей. Теперь, как оказалось, Ли Хуан был разорван пополам. А другой рабочий, с тяжело запоминаемым и едва произносимым китайским именем, которого я незамысловато, но вполне положительно именовал «Прыг-Прыг» за быстроту движений и скорость реакции, просто исчез. И, судя по полосе крови на краю понтона, его жизнь закончилась в море. Веселенькое начало, да. Почему эти придурки не могли подождать хотя бы неделю, прежде чем расчленяться и пропасть!

После того, как от двух живых тел осталось одно мертвое, да и то половина, у меня состоялся неприятный сеанс связи с господином Чу Чун Шеном. Тот даже не включил видеоканал, видимо, говорил из постели или ванной комнаты. Кажется, плеск воды слышался и чмоканье какое-то. Может, его сейчас какая-то

затейница обслуживала прямо в джакузи – у богатых такое мероприятие на завтрак, обед и ужин. Утром – тонкая блондинка, днем – пухленькая рыжая, вечером – тонизирующая крепкая брюнетка.

«Господин Пятницкий, я вас нанял на эту работу для предотвращения неприятностей, а вы их притягиваете, как черная дыра. Если у меня завтра не будет убедительного отчета по этим несчастным случаям, я вас выгоню взашей с волчьим билетом, даже если ремонт «Батавии» будет завершен идеально. Отправитесь торговать лапшой на улице, или что там у вас вместо того – солеными огурцами из бочки». Притом он обильно добавлял какие-то китайские слова, наверное ругательные, вроде «цхао ни ма» и «куеби». Но пробубнил это как-то дежурно, без вздохновения, и вскоре отключился вместе с чмоканьями. Чтоб тебе там откусили чего-нибудь, Чу, под самый корень.

Наилучшими кандидатами на роль убийц были семьдесят два рыбака-даяка, которых я принял на борт. Сейчас полсотни из них болталось на понтоне, который находился в пяти минутах плавания брассом от кормы «Батавии». Вон они там, как суслики выстроились, будто почувствовали, что я о них думаю, – а лучше бы сами прыгнули в море, как лемминги. Тех даяков, которые остались на «Принцессе Путри», можно было как-то проконтролировать – камеры наблюдения не зафиксировали их перемещения по верхней палубе. Все свои дела – то есть жрать, спать и гадить – они справляли, не маяча.

Но те, с позволения сказать, рыбаки, что были переправлены на понтон, могли сотворить все, что угодно. Вид у некоторых, а точнее, у всех этих ибанов был, как у отъявленных головорезов, для которых выпустить кишки или отчикать башку – как чихнуть.

Потом бац, и на связь вышла госпожа Бонакасси, глава службы безопасности на «Батавии». А я не успел и интерьер в стиле Людовика XV подсоединить, так что пришлось общаться на фоне туалетной бумаги. Сразу ясно, дама – напористая, на таких должностях у них может быть только рыба-пила. Сейчас она мне нервы попилит всласть.

– Господин Пятницкий, могли быть какие-то счеты у этих двух рабочих, достаточные, чтобы свести их в подходящее темное время суток? – И голос у этой особы неприятный, в самом деле как у пилы: звенящий и с хрипотцой. Или как у пожилых жеваных латиноамериканок с усиками под носом, которые раздувают порывы буйного ветра из ноздрей. Хотя визуально она вполне приятная особа, какую ожидаешь увидеть в роли продавщицы в модном бутике или стюардессы, и, соответственно, никаких усов.

– Сведение счетов никак не следует из их трудовой

биографии, которая у меня имеется в виде двух коротеньких файлов на пятьсот байтов. – Я с удовольствием закончил бы разговор, но понимал, что парой слов не отделаешься. – По крайней мере, оба они были из одной китайской провинции Юньнань, даже из города одного, забыл его название, такое заковыристое…

Собеседница, несколько скривившись, показала, что не понимает.

– Я имею в виду, госпожа Бонакасси, что они не были, к примеру, китайцем и индонезийцем, как операторы на предыдущей вахте, у которых могли случиться межэтнические терки. Это же началось в колониальные времена, когда колонизаторы умело использовали принцип «разделяй и властвуй». И потом продолжилось – вот, к примеру, в 1965 году индонезийцы резали китайцев только так, а пиндосы радовались.

Нет, этого наша «стюардесса» понять не захотела и оценила мою эрудированность отрицательно.

– Что-то вас не туда понесло. А у вас самого, господин Пятницкий, не было случаем каких-нибудь терок с членами вашей команды? К примеру, с теми, кто был недоволен, когда вы взяли на борт семьдесят два даяка, считающихся дикарями и головорезами. Вы ведь не чужды применению насилия, насколько нам известно. Попадали недавно в полицию за драку сразу с пятью местными жителями. О, вы, наверняка, можете рассказать много интересного.

Она уже все знает. Электронный и всякий прочий шпионаж у Трех Горгон, должно быть, на уровне, они в любую задницу внедрятся и развернут там пункт наблюдения.

– И это мы не будем обсуждать, госпожа Бонакасси, учитывая, что будь я даже совсем наглым отмороженным типом, то не стал бы задирать криминальную компанию в пять пустых голов. Из меня тестостерон не брызжет, как из лейки, и волос лишь на одну драку осталось. И вообще я никогда не бью первым…

– Но явно заканчиваете последним, – в общем, верно заметила она.

– А взял этих семьдесят два чертовых ибана на борт, поскольку они собирались некоторым образом утонуть, притом сам некоторым образом едва не утоп.

– Да вы специалист по глупым поступкам, господин Пятницкий. Думаете, это делает вам честь?

Разыграть героя перед ней не получилось. И чего она прет на меня рогом, я ведь тоже так могу.

– А позвольте полюбопытствовать, госпожа Бонакасси, есть ли на борту вашего супер-дупер-корабля, Ноева ковчега для

денежных мешков – скажем так, господ с мутным прошлым и сильно нечистым сознанием? Ведь подобные личностные характеристики иногда прямо способствуют сколачиванию богатства. Эти господа, если заглянуть под улыбчивую афишу, так сказать, в досье, нередко являются извращенцами, садистами и тому подобными злыднями. Вроде тех, что участвуют в «сафари за головами» в Конго или Либерии, где в меню развлечений входят пытки, расчлененка и такое прочее. Вы, если в курсе про мой привод в полицию, наверняка знаете любопытные истории о ваших постоянных клиентах.

Тут мадам активно заиграла лицом, показывая насколько я не прав. Точно, южанка. У особ с «нордическим характером» физиономия имеет только два положения – хмурое, деловое, или же приветливое, «чего изволите» с дружелюбным оскалом. А у госпожи Бонакасси все эмоции хорошо отражаются.

– О, оказывается, вы осведомлены, как сколачиваются богатства, господин Пятницкий. Чего ж не сколотили себе на постановку недостающих зубов, посадку недостающих волос или отсос лишнего жира? Печень бы хоть подлечили. Или как, способностей не хватило? Может, сознание слишком чистое? Вы свое чревоугодие побороть не можете, вон сколько туалетной бумаги заготовили, слону бы хватило, зато любите рассуждать о чужих грехах.

Она как-будто заглядывает в мою медицинскую карту. И, если честно, обжорство, то есть чревоугодие, тоже относится к числу тяжких грехов, за которые можно попасть в ад; может, в чуть менее горячий котел, чем у стяжателей и корыстолюбцев.

– Я-то хоть своих даяков опросить могу. А вы на «Батавии», похоже, только для того, чтоб сдувать пылинки с различных частей тела у уважаемых клиентов. Занятие, скорее, для девушек из эскорта.

Лицо у госпожи Бонакасси неожиданно стало очень красивым и опасным, гнев был ей к лицу. Будь она драконом, сейчас бы наверняка пошел огонь из уха-горла-носа. Неужто задел? Сейчас я заметил фотоническую татуировку на ее открытой шее, изображающую змейку, она светилась зловещим багровым. Похоже, ее тату подключено нейроинтерфейсом к зонам коры мозга, генерирующим эмоции. Я поспешил распрощаться и отключил видеосвязь. Пора было заниматься совсем неприятными делами…

Ибанята на понтоне выглядели вполне монументально, сгрудившись в картинную пирамиду вокруг своего предводителя, которому, судя по его круглой свежей физиономии, можно было смело дать от двадцати до шестидесяти. Эти люди привыкли жить

«длинным домом» и производили такое впечатление, что ими руководит общий разум.

В роли потенциальных убийц этот, с позволения сказать, «ибанат» выступал с большой вероятностью.

Скверная репутация охотников за головами. На лицах ноль эмоций, глаза – непонятно, что выражают. Хотя все низкорослые и невзрачные, однако ни капли жира – сплошные мышцы и жилы. Я у одного потрогал бицепсы, ничего себе «невзрачный» – как стальные тросы. Вот что такое их «тоненькие ручки-ножки». У некоторых татуировки фотонические, для привлечения туристов, на традиционные темы, в мочках ушей огромные растягивающие кольца. Одеждой они себя не баловали, отказавшись даже от формы одежды, характерной для третьего мира, в виде майки, трусов и шлепанцев. Поэтому было видно, что ребята оснастили свои детородные органы, которые явно на два размера больше, чем требуется при таком скромном ростике, еще и ампаллангами. Кстати, мода на этого сорта пирсинг пришла к мальчикам-мажорам именно от ибанов.

На все мои вопросы поступают односложные ответы. Я, пак. Тидак ада, пак. Сая мелихат апа-апа, пак. Да, господин, нет, господин, ничего не видел, господин.

Да, пока они в такой куче, фиг чего добьешься расспросами. Уволочь одного из них и допросить в трюме? Но, если я одного ибана обездвижу ударом в лоб и поволоку, остальные бросятся на меня всей стаей и порвут как газету.

Чтобы закончить с этим мрачным цирком, я протянул фляжку с коньяком их предводителю: давай вздрогнем, как там тебя кличут, Танцующий Варан или Могучий Осьминог, это хороший армянский из неприкосновенного запаса. Но тот нахмурился и показал знаком, мол, ты первый отхлебни. Делать нечего, прилично приложился к сосуду. Коньячок как всегда взбодрил, словно кто-то пробежался горячими маленькими пятками по моим внутренностям. Хотелось еще и еще, чтобы вообще отключиться от всех неприятностей, включая ибанат, – но снова вынужденно протянул фляжку вождю. Танцующий Варан на сей раз не отказался и порядком втянул на халяву. Затем мы поскалились щербатыми ртами, то есть поулыбались друг другу. Пришлось даже сказать вождю, что я его уважаю, и он стал чуть разговорчивее.

– Господин, наши люди убивают врагов, чтобы хранить их головы в корзинах из пальмового волокна, потому что они – источник плодородия. С ними прекрасно танцуют наши женщины, вы бы видели. Но не было никаких причин умерщвлять тех добрых людей, которые спасли нас. Мы убиваем клинком-

парангом, мечом-мандау или духовым ружьем-сампутаном тонкими отравленными стрелами, и наши яды год от года лучше. Но мы слышали, что там разорвало человека напополам. Так убивают звери, очень большие, или злые демоны. Не могли ли люди из твоей команды, господин, как-нибудь разгневать или привлечь демонов?

– Я верю в тонкие отравленные стрелы даяков и их умелое применение, но не слишком верю в демонов. То есть они, может, и существуют, но лично рвать людей пополам – это не их стиль. У них другие методы воздействия. Они поселяются вот где. – Я показал себе на голову. – Сидят там, так сказать, на чердаке, нашептывают всякие пакости, и как результат, именно человек разорвет другого человека, хоть пополам, хоть на лоскутки, а то и похуже что-нибудь сделает.

– Мой господин мудр. После смерти человека его душа уходит в страну духов, но здесь у мертвеца появляется другая душа, очень злая. Если его убили, то она тоже хочет уйти в страну духов, но жаждет мести и должна исполнить свой долг. – Вождь несколько помедлил, как бы показывая, что борется с желанием рассказать что-то важное, и, наконец, когда я ему подмигнул, перевернул карту вверх картинкой. – Один из моих людей плавал туда, на корму; мы же морские даяки, ибаны, храбрые как тунцы.

Тунцы? Я правильно понял его малайский? Ах да, когда тунцы нападают на косяк, к примеру, сельди, они убивают в десять раз больше, чем могут съесть, вот такие они «храбрецы».

– Один из моих людей слышал быстро оборвавшийся крик, видел разорванного человека, от верхней половины тела которого во мрак адского корабля отходил демон. И пасть его, о, мой господин, была больше пасти самой большой акулы. В этой пасти помещалась вся нижняя половина человеческого тела, а могло поместиться еще больше. Мой человек, который храбр как все ибаны, хотел броситься на демона с парангом, но что-то невидимое потащило его прямо в ту жуткую пасть. Он едва успел отрезать это невидимое и спастись. Несмотря на свое бесстрашие, мой человек бросился в воду и поплыл обратно.

Так, это теплее. Рассказ был весьма любопытен, он проливал свет, пусть и изрядно приправленный народным творчеством. Однако слова вождя ибанов – ничто для офицеров «Батавии» и, тем более, для их хозяев.

О чем сразу сказала Бонакасси, когда я связался с ней. Точнее, вынужден был связаться. Я вообще-то интроверт, люблю пребывать один-одинешенек в своем внутреннем мире и ненавижу общаться «лайф», в прямом эфире, тем более со всякими неприятными персонами. А сегодня то Чу Чун Шен, то

ибаны целым племенем, то эта акула с фасадом стюардессы.

– Господин Пятницкий, слова людей, у которых даже женщины радостно пляшут с головами убитых врагов, вряд ли будут интересны серьезным людям в нашем руководстве. И не подумайте, что я это говорю, потому что обиделась на вас. На таких, как вы, я не обижаюсь.

– Госпожа Бонакасси, я так и знал, что мы сработаемся. Сейчас мне нужно довести свою точку зрения – о необходимости проведения расследования непосредственно на «Батавии» – до вашего руководства. И, кстати, в словосочетании «даже женщины» звучит сексизм, а это немодно в наши просвещенные времена. Женщины имеют такое же право танцевать с отрубленными головами врагов, как и мужчины.

Неожиданно Бонакасси согласилась.

– Господин Пятницкий, я попробую договориться о встрече в реале. Хотя речь не идет о расследовании. Вы просто сможете посетить «Батавию», и это должно рассеять ваши предубеждения.

Ладно, можно и посетить, посмотреть, так сказать, паразитам в глаза. Надеюсь, за время моей отлучки эти ипанутые ибаны не порешат кого-нибудь дополнительно.

Через час я стоял на приемной аппарели переходного бокса «Батавии». Первое, что отметил на борту мегакорабля, – никакой качки. А проход через бокс напоминал попадание в какую-то лабораторию или операционную. Я не без чувства ложного стыда снял все свои одежды, состоящие из робы и трусов семейного типа, после чего многорукий робот шкодливо прошелся вдоль моего тела сканерами, посветил в зрачки, заглянул бесстыжим взглядом многоканальных камер в разные полости, даже, пардон, в зад, заодно взял несколько капель крови и образцов кожи на экспресс-анализ. Потом я прошествовал голый, как Аполлон, или, скорее, Вакх, через облако дезинфицирующего аэрозоля. Облачился в комбинезон, выданный мне механической рукой в аккуратном свертке; там же имелась и обувь. Опять-таки одноразовая, подходящая для путешествия в лучший мир.

За выходным шлюзом бокса меня ждала госпожа Бонакасси. Она была в форме. А ничего там у них служебное одеяние, приятное глазу – подумалось мне, и по щекам поползла совсем ненужная глуповатая улыбка. В укороченных брючках, открывавших ее тонкие щиколотки, в жакетике, слегка отливающем золотом и подчеркивающем талию, с погончиками старшего офицера. А при повороте заметна круглая попка, свойственная, как правило, латиномериканкам, а не унылым западноевропейкам, у которых красивая порода была выжжена еще инквизицией. Татушная змейка на ее открытой шее сейчас

светилась умиротворенным золотистым цветом. И вся госпожа Бонакасси такая подтянутая и свежая, будто, отродясь, не ела ничего, кроме салатных листьев. Мне, если честно, сразу стало стыдно за свой внешний вид. Старый, расплывшийся, какой-то подержанный, да вдобавок и будка побитая.

– Этот стиль вам идет, наверное, как и любой другой, – начал я с честного комплимента. И хотя я обычно с дамами общаюсь сдержанно-лаконично, чем произвожу впечатление деревянного объекта, то есть чурбана, сейчас что-то во мне оживилось.

– А вы бы хоть причесались, неухоженный господин с заметными синяками. В том мире, куда вы хотите попасть, внешний вид имеет значение.

Будто без тебя не знаю, коза. Только я не делаю ставку на внешний вид. Будем считать, что у меня есть другие сильные стороны.

Линзопроекторы на ее глазах то зеркалили, то в них можно было разглядеть какую-то мелочь: циферки, символы; наверное, они выдавали нелицеприятную информацию обо мне.

– Это я мигом, сейчас приготовлю себя для вашего мир., – Я пригладил руками то, что осталось от некогда буйной шевелюры. – Вот и все, теперь я – торт.

– Не надейтесь, – отрезала она. – Если торт, то изрядно полежавший без холодильника.

– Конечно, если б я был квир и гей, тогда бы мне простили сто двадцать кило веса и даже разрешили бы заниматься балетом.

Я, учтиво замер, пропустив даму первой в лифт.

– А этого не надо, господин Пятницкий, – процедила Бонакасси, и ее татушная змейка чуток налилась свинцом. – Вы стояли ближе к двери лифта и должны были зайти первым.

– Извините, я забыл, что вы не миловидная женщина, а субъект – метр шестьдесят роста, пятьдесят – пятьдесят два кило веса, «исполняющий свой долг» и «хорошо делающий свою работу». Зря я хотел у вас пудры попросить, чтобы синячок замаскировать.

– То есть я – биоробот, по-вашему. Ладно, мы квиты, вы отомстили мне за «неухоженного господина». А я просто не люблю, когда не слишком знакомый человек заходит за мной в лифт, рефлекс полицейского.

– Вы про пудру хотели что-то сказать, незнакомка.

– Пудрой, господин Пятницкий, миловидные женщины лет двадцать как не пользуются; есть наночастицы, которые распределяются по коже лица, тонируя ее наилучшим образом.

– Черт, не знал, где я был последние двадцать лет?

– Наверное, в одном популярном месте, где было много

попкорна, пива и чипсов. И не слишком много женщин.

Тем не менее она прыснула на мои синяки какого-то своего аэрозоля и те сразу перестали ощущаться как помехи, да и в зеркальце стали едва заметны. Вот что делает наука для богатеньких. Неужели у них даже от триппера не зудит?

– Сейчас, говорят, женщины активно образуют свою собственную отдельную от мужчин агрессивную народность. Пришивают себе мужские причиндалы, научились показывать большой и малый «факи», даже стали рычать от ярости и задираться к парням.

– А вам нравится, когда дамы пищат от страха при вашем появлении? Сейчас, господин Пятницкий, я передам вас ненадолго нашему пиар-секретарю Асуке, капитан поговорит с вами минут через сорок – пятьдесят.

И вот перемена декораций, без которой можно было обойтись. Теперь пиарщица Асука щебечет мне на ухо, светя приметным бюстом, похожим на два арбуза, которые едва сдерживаются топиком, чтоб не вывалиться наружу. Мол, чтобы стать акционером Miðgarðsormr и пассажиром одного из его мегакораблей, надо купить хотя бы одну акцию за сто миллионов баксов. Собственно, в эти деньги вам обойдется гарантированное бессмертие.

Обалдеть же, мне такую сумму и за миллион лет не накопить; Солнце остынет, пока я ее наберу. Это я скажу и без левого сервака «Голос Че». Да, кстати, чересчур надутые формы мадам Асуки выглядят для меня подозрительно.

Впрочем, поясняет Асука, чтобы попасть на корабль «Мирового змея», надо, помимо денег, иметь, в принципе, и хорошую родословную, так что случайных людей, каких-то нуворишей, сколотивших за пару лет состояние, здесь нет. За некоторыми исключениями, когда человек попадает на борт суперкорабля, плывущего в будущее, так сказать, за особые заслуги. Всего на кораблях проекта обитает шестнадцать тысяч Избранных.

Э, Асука, фильтруй базар. Шестнадцать тысяч кого? Ребята ворочают хорошим баблом и поэтому избирают себя сами. И родословную можно всегда придумать – дедушка был официантом, а станет негоциантом, бабушка работала на панели, а сделается принцессой Амелией.

Шестнадцать тысяч – не с потолка взятое число. Примерно столько людей являются аристократами не только денег, но и духа, чьи состояния не случайны. Их родословные, а точнее, состояния уходят на два-три века вглубь. Их порода проверена временем. Уже их прадеды не чавкали за столом и не

выковыривали козявки пальцем, а кушали на серебре и золоте и сморкались в надушенный шелк. Это те семьи, которые не всегда светились в бульварном глянце, но реально управляли миром на протяжении многих столетий. Это те, которые проникли в каждый даже самый глухой уголок планеты, вскрыли его и заставили работать.

На себя работать, добавлю я. Для того эти Избранные и влезли в каждую задницу.

Избранные порой умело бездельничают, если и заболевают, то ненадолго и быстро выздоравливают, и живут, сколько пожелают. Все болезни истребляются малышами-деймами на дальних подступах. Деймы – это такие нанобиогибридные организмы, наноргы. То есть созданные корпорацией «Зефф Итернити» молекулярные машины типа DEIM (Daemon Enim Immortalitatem, дословно «демоны бессмертия»), версия 1.4.

Это слегка напоминает рой наноботов, которым писатели-фантасты пугали людей за мелкий прайс. Кстати, знаю одного фантаста, который делал это по доброте душевной, почти бесплатно.

Патрульные деймы, обнаруживая любые вредные факторы в тканях тела, информируют об этом деймы-серверы и со всей принципиальной злобностью принимаются за уничтожение патогенов, включая отстрел бактерий и вирусов, нейтрализацию токсинов и прионов, травлю глистов и демонтаж холестериновых залежей. Деймы-маркеры, прикрепившиеся к больным клеткам, делают начинающуюся болезнь видимой во всех диапазонах. Деймы-васкулоиды, постоянно находящиеся в крови, поддерживают жизнедеятельность человека, даже в самой экстремальной ситуации вроде шока и комы. Деймы-энзимы проводят необходимые генные коррекции. Деймы-абзимы, соединяющие свойства антител и энзимов, способны адресно ликвидировать раковые клетки. Деймы-нейромедиаторы легко преодолевают любую хандру и депрессию, но, в отличие от крэка и метамфетамина, не вызывают никаких проблем с сосудами и печенью.

Короче, эти ваши деймы победили все формы ответственности за нездоровый образ жизни и асоциальное поведение.

Одолели деймы и старение, защищая клетки от ферментов-разрушителей. В год на кораблях проекта Miðgarðsormr не более одной смерти. Это какой-нибудь могучий старик, далеко за сто, пресытившись жизнью, сам решил отчалить в лучший мир, для чего его заводят в специальную камеру с зарядом взрывчатки – ведь деймов-защитников полностью деактивировать невозможно.

Тьфу ты, от солидного господина остается только копоть на потолке.

Хотя что может быть лучше мира на борту суперкорабля? Что бы не случилось на планете – корабли проекта с его обитателями будут процветать. «Мировому змею» не страшны катастрофические наводнения и ураганы, которые затопляют берега рек и морей, облепленные человейниками. Ему по барабану африканские «человеческие приливы» – толпы голодных беженцев из добитых климатическими изменениями регионов Африки. Ему не страшны зоны радиоактивного заражения, которые образовались после серии ядерных терактов на Ближнем Востоке. Пассажирам «Мирового змея» не опасны ни синтетические вирусы, вроде того, что вызывал лихорадку Фу, печально-знаменитую из-за мощного газовыделения у зараженных, ни резистентные ко всем антибиотикам супермикробы, ни рои разъяренных кибернасекомых, которые получились из некогда полезных микродронов, ни одичавшие робоуборщики, потомки интеллектуальных пылесосов. Их не заденет озлобление масс, лишенных работы и зарплаты из-за неодолимого хода роботизации.

Ага, понятно. Озлобленные массы будут рвать на бефстроганы друг друга и делать лапшу из менеджеров среднего звена, достанется князькам, премьерам и президентам, но ни один волос не упадет с головы обитателя Miðgarðsormr. И прибыли будут течь в прежнем направлении.

Проекту Miðgarðsormr не страшно, если вулканический пепел или лед усердно покроют всю сушу. Ему не страшен даже Всемирный потоп.

Вот мы и до потопа добрались. Колись, Асука.

И Асука кратко изложила мне сказания о потопе в библейском, индейском, древнегреческом и самом древнем шумерском варианте. Энлиль договаривается на собрании богов об уничтожении людей, ставших по причине беспросветной тупости совершенно бесполезными, а по причине кровожадности и похотливости – отвратительными. «По нашему слову потоп зальет святилища, дабы уничтожить семя рода человеческого… Таково решение и постановление собрания богов». Все присутствующие на собрании голосуют «за», однако Энки сливает план богов какому-то вонючему феллаху и передает ему технологию постройки суперкорабля. Так что, если б парламентская демократия восторжествовала, то никаких людей на свете не было бы давно. А как может повториться потоп? Среди возможных причин Асука упомянула парниковый эффект, результат неограниченного развития отсталых стран, что ведет к

таянию льдов Антарктиды и так далее. Отчего в океане воды больше и больше, прибавляется и водяного пара в атмосфере, который затем проливается ливнями. Чем не «разверзшиеся хляби небесные»?

Ладно тебе, про парниковый эффект нам давно уже впаривают. А я вот думаю, что неспроста тема потопа возникла. Избранные баблососы уперлись в стенку, планета кончилась, рынок съежился. У жителей любой индийской деревни под гамаком вместо ночного горшка бачок с наноассемблерами. И зачем Избранным такая планета вообще нужна?

К тому же, добавляет Асука, учеными зафиксирован нарастающий выход наверх субмаринных, точнее ювенильных вод, находящихся под океанским дном, – они образуются в ходе дегазации земной мантии и конденсации того, что выделяется из расплавленной магмы. И это очень напоминает «открывшиеся источники бездны» из вышеупомянутых сказаний.

Как-то странно, что она говорит о событии с очень малой вероятностью – в чем уверены все подряд ученые – как о вполне возможном. Будто его можно поторопить.

Корабли проекта Miðgarðsormr будут обеспечены всем необходимым, желаемым и мечтаемым, даже если остальной мир утонет и любое снабжение прекратится. Благодаря тридерам, реплицирующимся наноассемблерам и квазиживым вещам, обладающим способностью к размножению.

Избранные, сдается мне, устали от человечества. С ходом роботизации и автоматизации все те, кто раньше являлись рабочими руками, сделались бесполезными едоками и производителями ненужного дерьма.

На этих кораблях хранятся замороженные эмбрионы, споры и семена всей фауны и флоры, от самой естественной до генно-смоделированной. Взять хотя бы коллекцию бабочек. Их слегка охладили и поднакачали антинекротическими агентами. Будет достаточно ввести им тепленького перфузата – и они уже полетели. Если что, ковчеги в версии 2.0 смогут снова засеять жизнью опустевшую планету. В информационных хранилищах «Мирового змея» сохранены цифровые двойники всех культурных объектов, от шедевров Микеланджело до фарфоровой вазы, которая стояла на столе у бабушки. Так что и культурное наследие человечества можно будет легко восстановить.

Причем посткатастрофная цивилизация окажется куда более качественной, чем предшествующая. Без трущоб, вырубленных лесов, сточных канав, вонючих свалок и бетонных человейников. Но с ресурсами, на которые никто из посторонних уже не претендует. Прекрасный мир, где будет жить несколько десятков

тысяч лучших людей в своих усадьбах, виллах, палаццо и замках, восстановленных один к одному, молекула к молекуле, к тем образцам, что были прежде. В окружении изумрудных дубрав и лугов, под небом голубым.

Получается, что после потопа Избранные отстроят по новой свои усадьбы и виллы, с ночной вазой от бабушки и писсуаром от дедушки, и заживут счастливо. Рабсила им больше не требуется – все сделают в наилучшем виде роботы и коботы. И накормят, и построят, и помоют, и вытрут. Нет надобности простонародье использовать, эксплуатировать, придумывать для него войны и революции. Разве что в резервациях Избранные сохранят немного голодных злых морлоков, чтобы показывать их своим детишкам через оптический прицел. Дескать, от каких чудовищ удалось избавиться. На-ка, дитятко, нажми на спусковой крючочек, кокни бяку.

И, кстати, если Земля вообще будет раздолбана астероидом или съедена разбухающим Солнцем, на такой случай для «Мирового змея» на орбите строится пятый мегакорабль, космический, именуемый «Олимпус». Как раз вместимостью на шестнадцать тысяч тел – лет пять еще на эту стройку понадобится, но время у сверхлюдей на ковчегах гарантированно имеется.

Мегакорабли проекта Miðgarðsormr и система универсальной защиты, она же коммерческая Платформа Бессмертия (ТМ), являются совместным владением «Зефф Итернити», а также корпораций «Медуза» и «Стейно», объединенных бойким пером журналистов под названием Три Горгоны.

У дилеров «Зефф Итернити» вы всегда можете заказать здоровье, размножение и продление жизни, включая использование Платформы Бессмертия (ТМ). Остерегайтесь контрафакта, пользование которым наказывается судебными органами Атлантического Альянса по всему миру, вплоть до стерилизации и дезинтеграции нарушителя…

Асука тараторит так отчаянно бодро, что невольно начинаешь радоваться за эти шестнадцать тысяч счастливчиков, которые, избавившись от зловонных трущоб и помоек, будут вышагивать по экологически очищенному лику Земли вместе с зайцами, носорогами и прочими божьими тварями, совсем без нас.

Пока Асука рассказывает, поблескивая рекламной белозубой улыбкой, которая приклеена к ее физиономии, мы поднимаемся на лифте.

Я невольно пялюсь по сторонам, потому что лифт невероятно прозрачный – на нем даже пылинок и бликов нет, как на стекле, и, более того, тросы у него прозрачнее хрусталя. Интересно

потому что. Деньги здесь явно потрачены не зря. Интерьер пассажирских палуб сделан из управляемых метакристаллов, постоянно меняющих его очертания. Сквозь сорок палуб проходит своего рода гигантский колодец в духе юкатанских сенотов; мы, собственно, и путешествуем по этой вертикали. Вокруг лифта то скалы, пещеры и гроты, то сады и водопады. Такой пейзаж, что и не отличишь от естественного. Вьющиеся растения, цветочки, птички – пока неясно, натуральные или квазиживая синтетика, но, как ни критикуй, это эффектно.

По скальным тропам, перепрыгивая через расселины, носятся молодые люди трех-четырех полов. Тут и мальчики и девочки, и полумальчики-полудевочки с бородами и сиськами, и какие-то непонятные немальчики-недевочки – на ховербордах или маунт-байках. И все нечеловечески ловкие. Только подумаешь, что вон тот сейчас впилится башкой в скалу, а другой сверзится вниз, даже неприятно становится – и ничего. Все заканчивается благополучно. И если даже кто-то всерьез навернется, то система универсальной защиты легко придумает, как его спасти.

Серебристые искорки, которые иногда заметны на коже пассажиров, и на других объектах – те самые деймы. Признаться, я сразу вспомнил пригрезившихся мне бабочек с серебристыми крылышками. Деймы соединены в самообучающуюся сеть. Вдобавок к актуаторам и репликаторам, там еще серверы и банки данных, реализованные на всех уровнях, от микро до макро. Программы для них написаны на языке Revival, в котором программный код может спокойно дополнять и дописывать себя сам.

Как любезно поясняет Асука, деймы постоянно постигают хоста, то есть хозяина. Изучают среду его обитания для придания ему технического бессмертия. Когда засекают грозящую ему опасность, мигом устанавливают связь со своим роем, переговариваются с другими элементами универсальной защиты, которые находятся поблизости. Они не только защитят хоста от микробов и вирусов, но и не дадут ему разбиться, потому что, в случае опасного столкновения, агрегируются в спасительную сеть или пленочный демпфер. При угрозе со стороны отравляющих газов или злых букашек создадут преграждающие мембраны.

Потом вдруг накатила мощная волна – я даже зажмурился и присел под хихиканье Асуки, но ничего, вода, хищно забурлив, отхлынула. Это «море» – всего лишь один из огромных корабельных бассейнов. Здесь можно кататься на сёрфборде, оседлав искусственную волну вполне приличной высоты, под двадцать метров, и на виндсёрфе под искусственным весьма крепким ветром. А вот утонуть в этом «море» нельзя. Я увидел,

как умная, насыщенная деймами вода вытолкнула, словно пробку, одного навернувшегося с доски сёрфера. И он пошел по ней к берегу, то есть к бортику бассейна. Не поплыл, а пошел! Она, конечно, пружинила, но держала.

А на этой палубе – Асука раскрывает руки словно для объятия или удара в кимвалы, и что-то они у нее слишком мускулистые для дамы – идет вечная игра в казино. Но никто здесь не проигрывается в прах, так, чтобы получить канделябром по голове за отказ отдавать долг, никто не пустит себе пулю в висок, покрывая долг жизнью. Система универсальной защиты вовремя повернет карту нужным образом или подкрутит колесо рулетки.

На следующей же палубе замечательные самцы, прошедшие ремастеринг бицепсов и играющие умело вылепленными «кубиками» живота, бьются в боях без правил на глазах у немыслимо стройных красоток, похожих… Ну-ка, вспомните, как вы вытягивали чайной ложечкой мед из банки – на эти золотистые струйки они и похожи.

Стальные кулаки заставляют трещать кости, пробивают заслон из мышц, доставая печень и селезенку, сотрясают мозг, отчего под черепной крышкой брызгает ликвор. Но никто из участников боя не будет добит до конца, ведь универсальная система защиты предусмотрит, чтобы кулак не расколол череп пополам, а крепкий захват не раздробил в хлам шейные позвонки. Деймы сыграют роль «жидкой брони», а затем, по любому, восстановят поврежденные органы ускоренной регенерацией. На худой конец, проследят за удачным приживлением запасного яичка или глаза, полученного с живой плантации органов. То есть от людей, которые выращивают новые органы прямо в себе и продают, чтобы прокормиться.

Это ж все получается понарошку. И у вас, как в компьютерной игре, десять жизней и неограниченный запас жизненной силы. Хотя честнее драться, зная, что выбитый зуб пропал навсегда и тебе надо будет калымить полгода на Севере, чтобы поставить на его место золотую фиксу.

И хотя Асука не совершает особых телодвижений, такое ощущение, что она вьется вокруг меня, бьет в бубен, тимпан и звенит медными тарелками, как вакханка – и ничего ей в жизни не надо, лишь только упиваться радостью пиара столь замечательного проекта.

Она говорит, что деймы помогут не только вашему телу стать совершенным и неуязвимым, но то же самое проделают и с вашим разумом. Они помогут вам написать блестящий роман, к примеру, о страданиях рыцарей-геев, вынужденных вставлять

друг другу в зад мечи и копья в битве при Азенкуре. Деймы активизируют нейронные связи и сделают вас столь плодовитым на сочинение нетленок, что даже не понадобится литературный ИскИн марки Tolstoevsky. Деймы подсобят вам написать музыку в любом из пятисот восьмидесяти стилей и сыграть-спеть ее в группе с пятком бойких биомехов. Каждый из них будет на уровне Брайана Мэя, а ваша глотка будет голосить, как Фредди Меркюри в лучшую пору.

Улучшенный деймами мозг даст вам возможность совершить всегда без напряга пяток-другой изобретений и открытий. И если вы так и не сможете придумать что-то новое, то ушлые деймы помогут стибрить и присвоить себе что-нибудь народное, незапатентованное, чем баловался и гениальный Эдисон, и куда менее гениальный, но более хитрый Билл Гейтс.

Деймы направят вашу руку нарисовать чего-нибудь так, что Рубенс побледнеет, открыв невероятные оттенки янтарного в пролившемся на столе соусе. Или показав в изгибе тончайших шелков дамскую ножку так, что и Ватто с Фрагонаром, взявшись за руки, утопятся в ближайшем пруду. Помогут изваять так, что Огюст Роден сядет на камень и грустно закурит, подперев голову кулаком. Под вашим резаком мраморная глыба, послушно отбрасывая ненужное вещество, будет высвобождать головку амура или бутончики нимфы.

Во время приятной беседы Асука, светя декольте, глубоким как адская бездна, приближается ко мне на опасное расстояние. И хотя ее арбузы вроде выглядят завлекательно и аппетитно натягивают полоски ткани, выдаваемой за одежду, но я ожидаю с ужасом, что у нее из-под тесной юбочки покажутся те самые причиндалы, что свойственны самцам.

О, ужас! Асука предлагает совместно развлечься, прыгнув в виндсьюте с самой верхней палубы в стометровый «сенот». Летучий костюмчик – это крылья, которые могут раскрываться примерно как телескопический веер, также имеется россыпь реактивных движителей. Чур меня. Но только куда деваться? Откажешься, баба засмеет, или как там ее величать.

Стою я над пропастью в крылатом костюмчике, облегающем мое незавидное тело с явно неспортивным животом, неумело прощаюсь с миром – знаю ведь, что эти хилые движки мой вес не вытянут. Промелькнет падающей звездой моя задница, и нарисуется красное пятно внизу. Закрыв глаза, прыгаю. В ушах свистит ветер, я матерюсь, как извозчик, который потерял дышло, и мечтаю лишь о том, чтобы не описаться напоследок. Но инерционные нагрузки показывают, что я закладываю вираж за виражом. Это не я такой пернатый, это костюм у меня такой

умный. Мы с Асукой, поди, порхаем аки ангелы среди стада розовых облачков. Умный крылатый костюм передает мне бразды правления; я уже чувствую себя морским орлом и даже начинаю размышлять о том, легко ли справлять малую и большую нужду на лету. И тут я попадаю в какую-то толчею, вокруг такие же «пернатые», задеваю крылом крутозадую Асуку и попадаю в штопор.

Все, убийственная плоскость приближается слишком быстро, сейчас меня расплющит, а я даже завещание не успел составить. Только первую строчку придумал: «Все свое имущество, включая запасы туалетной бумаги и зубочистки, оставляю тому, кто будет вспоминать меня хотя бы пять минут без оскорбительных выражений в мой адрес». Но внизу, очень вовремя, расцветает большой цветок, созданный мономолекулярными пленками и гелием, гасит мою скорость… И вот я уже не падаю, а увязаю в чем-то мягком и нежном, как персиковое варенье. Деймы не забыли создать подушку безопасности, да и «варенье», как выяснилось, не прилипает.

После полета и приземления мы снова поднялись на лифте, и на верхней палубе передо мной распахнулся зал, увитый сочным плющом. Асука выглядит обиженной, поскольку я не разделил ее призыв ненадолго уединиться в том самом «варенье». Меня же от одной этой мысли затошнило. Даже пришлось там, как бы случайно, дать ей ребром ладони по горлу.

Над залом нет как будто потолка, только голубое небо с золотистым оттенком, которое символизирует стекающую сверху рыночную благодать. Покрытие пропускает наружный свет лишь в нужном спектре, подкрашивая его изначальным цветом свободноконвертируемой валюты.

Вокруг были представители финансового олимпа, в тогах и туниках, смахивающих на облачка из рекламы белой краски. Тусуются, понимаешь, и без галстуков и без штанов, наверное, в стрингах одних, а в бокалах у них будто маленькие фонтанчики плещутся. Лица у всех идиотски-просветленные, улыбочки – как приклеенные. Я не знаю, точно ли так должны выглядеть олимпийцы, но эти господа мне напомнили богатых европейцев, облепивших ашрамы на склонах Гималаев, которые уверены, что точно купили за свои бабки мешок просветления с гарантией. Избранные улыбаются даже мне – блин, ненавижу лицемеров, лучше бы искренне сплевывали при виде моей неприглядной персоны.

По залу между колонн дорического ордера располагались как бы мраморные скульптуры, на самом деле биомехи. Любую из «скульптур», благодаря удобному интерфейсу, можно было

запрограммировать на исполнение античных танцев, пение под треньканье кифары или просто, чтоб застыла в красивой позе, как и подобает изваянию в античном стиле. Еще они предлагали «амброзию» разной крепости, от Шато Лафит и Вдовы Клико 1826 года до ультрамодерна в виде бокала с шариками, каждый из которых превращается в баккарди, мохито и так далее, по твоему желанию.

Букеты натуральных запахов шибали сквозь нос, захватывая обонятельные центры мозга. Но я отказался, захмелею вдруг, не евши, начну камаринского плясать. У меня однажды такое случилось в Сингапуре, прямо на улице. Кучу денег собрал от собравшихся зрителей, хоть и не просил. Они, между прочим, спрашивали, это я у медведя так плясать научился? Правда, потом меня полиция оштрафовала на сумму в десять раз большую – за то, что насорил и плюнул на «сцену».

Присутствовал и лев-качок из подвигов Геракла, наверное с модифицированным палеогеномом, которого можно подергать за хвост, что я и сделал. Единственное, что мне доставило удовольствие в этом раю. И златокудрые в коротких хитонах мальчики – с пальчиком в одном месте, предназначенные понятно для чего. Аппетит от этого сразу испортился, но я все ж сорвал и быстро сжевал пару плодов с мультигеномного деревца, на котором и груши, и яблоки, и что-то вроде конфет растет. Иначе бы бурчание в животе выдало бы во мне простого роняющего слюни смертного.

Я там в целях разведки изрядно пошнырял, зашел за один фонтанчик, проскочил концентрированный туман, состоящий, наверное, из деймов, и увидел господ в азиатских одеяниях набобов и раджей. Тут не только шальвары, сари и саронги. Есть и тигры, и слоны, правда в мини-формате – не было времени проверять генно-модифицированные или технозоиды с искусственным метаболизмом, которые какают строго в пакет.

Короче, имеются на «Батавии» варианты рая и на азиатский лад, для господ, которые хорошо обогатились на той голытьбе, что ползает в грязи в драных дхоти, и инвестировали «нажитое непосильным трудом» в проект «Мирового змея». Причем, судя по чертам лица, некоторые вполне себе западные европейцы предпочли Камасутру и прочие восточные неги.

Один из них стал подъезжать ко мне, явный Ганс по виду, но в пиджачке-шервани и шароварах-чуридарах. Мол, ему нравятся толстячки. Но я так капитально наступил на его тапку с загнутым носом, что он мигом запрыгал на уцелевшей ноге, как избушка бабки-ежки, и от меня куда подальше. Если я даже ошибся и этот перец просто общительный, то ему причитается за присваивание

национального достояния Индии – штанов-чуридаров.

Еще за одну туманную ширму заглянул – там трубадуры, пестрые штанцы в обтяжку, гульфики на причинном месте, плюс Прекрасные Дамы в большом количестве. Заходить не стал. Я уважаю настоящее Средневековье, с чумой, вонью и пытками, а не такую бутафорию.

За следующей туманной завесой – джентльмены в строгих костюмах викторианской эпохи, золотого века, когда в каком-нибудь английском клубе можно было за рюмкой выдержанного виски решить судьбу некоего страшно дикого племени. Расстрелять его из картечниц Гатлинга или дать ему время поработать на ваш счет в банке. Кстати, придуманная джентльменами идея – добейся успеха, сожрав более слабого, и тогда ты будешь избранником Божьим – победила во всем мире.

Короче, имеются на «Батавии» обстановка и интерьер на любой вкус. Я, по правде говоря, не удержался и дерябнул «Бушмиллса». Один шот, потом другой, третий – уважаю этот напиток за медовый привкус, и, вообще, пусть английским завоевателям достанется меньше доброго ирландского виски.

Экскурсия закончилась, потому как, наконец, нарисовался капитан «Батавии» сэр Арчибальд Утияма. Белый мундир, на котором ни молекулы грязи. След от засоса на бритой башке, которая благодаря ему напоминала задницу, а без него выглядела бы, как бильярдный шар. Впрочем, срамной след исчезал на глазах, уничтожаемый услужливыми деймами.

– Возникновение деймов имеет прямое отношение к опытам с некоторыми органическими веществами в системе Юпитера? – несколько отчаянно спросил я; может, это «Бушмиллс» на меня повлиял. – А то в открытых источниках столько домыслов курсирует. Кто-то там упал, кто-то пропал и так далее.

И в самом деле. В теневой сети проскакивало, что зондирование атмосферы Юпитера, проводившееся группой Перелогова, имело последствия, несмотря на его бесследное исчезновение. Что он стал жертвой диверсии, а обнаруженные им высокомолекулярные квазиживые соединения попали в руки таких-то и таких-то корпораций…

– Да, любопытный господин Пятницкий, лаборатория «Зефф Итернити» изучала некоторые внеземные высокомолекулярные соединения при создании деймов. Об этом есть информация в научных изданиях. Хотя вы, конечно, не читаете журнал «Science», вам ближе страшилки таблоидов. Но при разработке механизма устойчивости для моделей DEIM от версии 1.4 и выше, которые собственно и вышли на рынок, разработчики применяли математическое моделирование с использованием ИскИна класса

Beelzebub, благодаря чему все опасные варианты были заранее отметены.

В самом деле, последний журнал, который я читал, был «Мурзилка», а к глянцевым СМИ, с полуголыми красотками на обложке и совсем голыми на последующих страницах, у меня вообще отвращение выработалось. Не потому, что я к красоткам черств и равнодушен, а потому что на срочной службе некоторые наши персонажи, запершись в гальюне, использовали такие периодические издания для сеансов онанизма. Отчего остальные матросы не могли использовать гальюн по прямому назначению, что после горохового супчика носило характер пытки. Кстати, у меня такое ощущение, что когда женщина раздевается при свете, то она хочет заработать денег, чтоб красиво одеться.

– Понятия об опасном у человека и у дисперсной системы вроде деймов могут сильно различаться.

– Деймы настроены на одну-единственную цель – поддерживать техническое бессмертие хоста, предотвращая любые разрушительные воздействия окружающей среды. Или, если их невозможно предотвратить, проводить адаптацию к ним.

Моя невежественность по части всяких «Science» не означает, что я одним лыком шит и не могу задавать каверзных вопросов:

– Однако, господин капитан, у деймов есть петля обратной связи и соответствующий интерфейс для приспособления к воздействиям окружающей среды. Не могло быть таким путем нечто вредное закинуто в их код? Например, путем искажения реакции окружающей среды на какое-то адаптивное преобразование деймов.

Сэр Арчибальд порастирал засос на лысине, который, похоже, заботил его больше, чем мои слова, существа из скучного низшего мира. Интересно, почему он не сменил лысину на густую шевелюру, при его-то бабосах? Получается, что кто-то находит его привлекательным именно с голым кумполом. Не тот ли крупногабаритный мужчина, похожий на сумоиста, что делает ему любовные знаки с другого конца зала?

– Теоретически может быть все, даже то, что вы перестанете лопать на ночь картошку с колбасой, господин Пятницкий.

– Бессмертие – понятие относительное, если не очень ясно, к чему оно относится, к индивиду, к группе, к роду человеческому. Кого или что деймы рассматривают как носителя бессмертия? Если главным критерием является адаптация к воздействиям среды, будут ли идеально адаптированные существа в конечном счете являться людьми?

Капитан Утияма усиленно демонстрирует, что общение начинает его быстро утомлять. Смотрит как бы вдаль, мимо

собеседника, контактные дисплеи на его глазах мерцают, и то, что они показывают, занимает его больше, чем беседа. А сумоист на том конце зала перешел к совсем неприличным жестам, показывая что он любит проделывать с сэром Арчибальдом в укромном уголке.

– Давайте ближе к теме, господин Пятницкий, в отличие от вас мне не платят за философские беседы.

Я-то понимаю, куда ты торопишься, аж булки подрагивают.

– Господин капитан, у нас есть свидетельства того, что нечто, происходящее с вашей передовой «Батавией», убило людей из нашей ремонтной бригады. И это что-то не имеет вид прекрасного небожителя и весьма далеко от философии.

– Господин Пятницкий, не думаю, что ваши свидетельства заслуживают доверия. Мы пустили вас на борт «Батавии» только, чтобы вы убедились, с каким техническим совершенством имеете дело. Совершенством, в котором не может быть места монстрам, чудищам, демонам во плоти и тому подобной хрени. А на сегодня я спешу раскланяться. Жду быстрого завершения работ с вашей стороны, что помогло бы мне составить хороший отзыв о работе вашей фирмы и вас лично.

И отвалил. Оставь надежды всяк сюда входящий, а выходящий тем более.

– Я провожу вас до лифта, – сказала мне госпожа Бонакасси и неожиданно взяла под руку. Это было приятно, особенно после того, как долбаный сэр Арчибальд фактически выставил меня со своего корабля. Ее ладонь была и крепкой, и нежной одновременно, а татушная змейка на ее шее сейчас светилась няшно-розовым. И в наличии афродизиаков в данном случае я нисколько не сомневался.

Глядя на то, как подъезжает кабина, похожая на хрустальную люстру, госпожа Бонакасси сказала мне:

– Заканчивайте поскорее с ремонтом и сматывайте удочки. У всех нервы на пределе. От штаб-квартиры «Зефф Итернити» капитану пришло распоряжение пройти этим курсом, хотя на здешних широтах наиболее часто гуляют ураганы именно в это время года. Может, преступный умысел, может, было желание показать, что нашему ковчегу никакие даже самые злые ветра нипочем.

– Вы все что-то недоговариваете. Мне кажется, что не было никакого столкновения с подводным объектом, будь то скалистая отмель или подлодка. Пробоина, похоже, была вызвана технологией «мягкого взрыва». Есть такие молекулярные «пожиратели железа», вызывающие быстротечную питтинговую и межкристаллитную коррозию. Цепочки ионов-активаторов,

крутящиеся наподобие фрезерной пилы, прогрызают сталь и подпитываются за счет взрывного окисления металла. Подобная квазивзрывчатка была задействована северокорейским морским спецназом против американского эсминца – в качестве мести за гражданское судно КНДР, утопленное американцами. И месть вполне удалась. Или вот имеется один странный чувак, Обличитель, он против капиталистов, но и коммунистов, правда, тоже не жалует, короче злобный тип, который, похоже, хочет, чтобы всей Земле кирдык настал, не исключая вашего ковчега. Не мог ли он?

– Господин Пятницкий, мы не нуждаемся в вашей теории заговора, у нас своих хватает. И это нормально, что мы недоговариваем, потому как речь идет о судьбе очень больших денег, огромных инвестиционных вложений. Все договаривают только идиоты. Сегодня идут разбирательства, от кого именно пришло распоряжение идти таким курсом и пока что концов не найти, ведь и электронная подпись под приказом оказалась подделана. Короче, не пытайтесь лезть туда, где вам ничего не откроется ни под каким соусом, будь вы и на два ранга выше и на два размера стройнее. Я думаю, если вы успеете с ремонтом, то судовладелец выйдет на контакт с господином Чу Чун Шеном со своими разъяснениями, и он снимет с вас ответственность за гибель рабочих. И вы благополучно доработаете до своей пенсии, которая, как я понимаю, не за горами.

– Последний вопрос, госпожа Бонакасси. А Асука, случаем, не мужик? Я правильно сделал, что ее наглое приставание отверг, когда мы оба в том «варенье» оказались? А то кругом эти леди-бои вертятся, потому что мужику сейчас выгоднее женщиной быть, и его понять, в общем-то, можно…

Госпожа Бонакасси покрутила пальцем около виска, дружелюбно потрепала меня по плечу и удалилась, напоследок бликнув змейкой со своей шеи. Опять же приятно было посмотреть ей вслед – попка, надо сказать, у нее ничего так. Конечно, не как у мисс Бум-Бум, у которой можно там чашку кофе поставить, но взор ласкает.

А через несколько минут я стоял на корме «Принцессы Путри» в своей обычной робе и старых трусах. Глядя на огромную тускло-серую корму корабля-переростка, по которой елозили ремонтники, что казались размером не больше мошки. И чувствуя даже некоторое облегчение, что покинул этот фешенебельный плавучий гадюшник.

Что-то, как показалось мне, изменилось за последние несколько часов, помимо штопки пробоины и формирования лопастей винта. Я сбегал в каюту за инфракрасным биноклем – на

борту «Батавии», ближе к корме, выделялось пятно с повышенной на полтора градуса температурой. Сдается мне, где-то на нижних палубах случилось возгорание.

Я вышел на связь с рубкой «Батавии», их старпом сообщил, что некоторое повышение температуры корпуса в разных местах – результат работы системы жизнедеятельности. Больше похоже на вранье, ну да ладно, не мои проблемы.

Другая новость напрягла меня куда больше – ураган возвращался, увеличение силы ветра было вполне ощутимо; и снова вопрос, какого черта «Батавия» вообще поперлась сюда? Сильный шторм сделает невозможным продолжение ремонта, тогда господин Чу и припомнит мне шестичасовую задержку начала работ. Непонятно и куда девать полсотни рыбаков-даяков. С понтона этих чертовых ибанов просто смоет в море уже при четырех баллах.

Я отдал распоряжения рабочим сменам поторопиться, хотя понимал, что им точно не хватит пяти-шести часов. С тоски вышел в темнонет, где порубился полчаса с монстрами Летучего Голландца. Они бы меня растащили на куски своими носовыми щупальцами, если б не Охотница Нея. Прекрасная, опасная и обольстительная, за которой, возможно, стоял реальный ролевик, какой-нибудь лысый усатый немец с пивным брюхом и кучей извращений в черепной коробке.

Напоследок Нея сказала мне:

– Не бойся, зайчик, сделай то, чего боишься и чего хочешь. Auf Wiedersehen, mein Lieber.

Стодвадцатикилограммовый зайчик закрыл виртуальное окно с игрой и подумал, что слов сетевого персонажа все же недостаточно, чтобы лезть очертя голову в какую-то черную дыру в прямом и переносном смысле.

Малайский ножик-крис и недорогое ружье для подводной охоты, которое можно считать арбалетом, вот и все мое оружие, к тому же в деле ни разу не испытанное. Есть очки-дисплеи со встроенными мультиканальными камерами, что для темноты годятся. Ну а если попробовать выведать, что, черт возьми, там, на «Батавии», творится? Если не сделаю этого, то буду упрекать себя всю оставшуюся жизнь. А если сделаю, то, возможно, никакой оставшейся жизни попросту не будет.

С последними лучами солнца отдал последние распоряжения. Пора. На кормовом понтоне сейчас никого не было. Китайские рабочие сдрейфили остаться там на ночную смену, за процессом следят только камеры – которым я с центрального пульта устроил пятиминутные помехи.

И, отключив на час «штопку», полез в далеко еще не

заделанную дыру в корпусе.

Тринадцать лет назад. «Юпитер-12»

Кирилл прошел через шлюз в испытательный блок биолаборатории № 7 – как раз была нерабочая смена. Оказалось, что шлюзование, ни много ни мало, пятиминутная процедура. Большую часть времени робот-контроллер шлюза определял, не несет ли входящий опасности, биологической, психологической и так далее. Пускал лучики в глаза, выискивая маркеры болезни в кровеносных сосудах сетчатки, просил широко зевнуть, показать язык, выдохнуть, плюнуть и даже сморкнуться.

Пропуск Кириллу, кстати, госпожа Дирксен оформила. Формально – для наладки аппаратуры, входящей в его компетенцию, то есть нейроинтерфейсов. Как он понял, седьмая лаборатория целиком под «Медузой» лежала. Эта же корпорация и запустила саму Альбу на орбиту Юпитера. Но, если госпожа Дирксен решила самодеятельностью заняться, он не будет возражать.

Внутри было, в основном, население из крыс и кроликов, у которых в условиях искусственной «силы тяжести» – в половину от земной – вырастали огромные уши, да вдобавок разноцветные, за счет редактирования генома. Пара крыс не понравилась Кириллу с первого взгляда; не потому что грызуны, а оттого, что какие-то вздутия у них на боку. Это, впрочем, можно объяснить тем, что эти бедняги – недолго живущие. Увы, всякая мерзопакость, именующая себя учеными, гнусно экспериментирует на безобидных зверушках. Кирилл постучал заключенным братьям меньшим по решетке клетки, подсыпал корма; держитесь, ребята, за вами будущее.

Первым делом надо получить доступ к кибероболочке лаборатории и наладить свой нейроинтерфейс. Исследователи здесь работают с биоматериалом, что живым, что мертвым, с помощью манипуляторов, зондов, сканеров. Уходя на ту глубину, молекулярную и атомарную, которую обычные органы чувств вообще не воспринимают. А нейроинтерфейсы должны выдавать зрительную, осязательную, обонятельную информацию, ничем не отличающуюся от той, что выдают обычные органы чувств.

Кирилл втыкает нейрокабель в разъем, установленный в районе пятого шейного позвонка – обычно на шее он носит стильный платок, чтобы не пугать детей. На полминуты он захвачен воспоминаниями, как он управляет с помощью сенсорного интерфейса большим беспилотным «крабом» и ищет на дне вражеские робомины, которые высовывают из песка свои детекторы, напоминающие почти прозрачные щупальца медузы.

Даже снова шевельнулся страх, что не успеет, а здесь скоро должны пройти подводные транспортеры нашего десанта…

Отогнав воспоминания, Кирилл прогоняет тестовую информацию кибероболочки, выводя ее в виртуальную реальность.

Сейчас он как будто находится в темном запыленном, но большом пространстве, летит по неоновым трассам компьютерных шин, пронизывая кубы, параллелепипеды и тетраэдры – то есть массивы данных оперативной и глубокой памяти; главное сейчас, чтобы не затошнило на лету. Лавирует между фрактальных ажурных конструкций – это объектные коды программ. Пробуривает скальные породы – низкоуровневый код операционной системы.

Примерно четверть кода не работает нормально или занято непонятно чем, это сразу заметно по цвету и виду виртуального пейзажа. Времени у него до начала рабочей смены в обрез, а код тут, преимущественно вшитый на аппаратном уровне. Так что надо поменять плату NanD-памяти в том красивом металлическом шкафу с мерцающими глазками индикаторов, который является средоточием компьютерного разума. Хотя, скорее, похож он на навороченный кухонный комбайн. Старую плату – в ведерко, свежую достаем из морозной емкости, выглядящей как чемоданчик дипломата. Так, первичный тест прошел, загрузилась новая операционная система. Кирилл взял ее со своих интракорпоральных накопителей данных, которые почти ничем не отличаются от клеток жировой ткани. Это его личная ОС Зельда 2.0, темная нестандартная Зельда, которая отзывается и на прозвища, и на ласку. Новая операционка без воплей «даешь», но по-быстрому, забрала все функции у прежней.

– Зельдочка, милая, восстанови непрерывность рабочей памяти по фрагментам и копиям.

– Как скажешь, дружок. – Хорошо, хоть не папочка.

По просьбе Зельды Кирилл поменял еще одну плату быстрой памяти. И та, которую вытащил, была будто склизкая на ощупь; опять плесень, что ли?

После замены платы у него появились права суперпользователя. Темная Зельда не сплоховала. Не могла сплоховать, потому что в отличие от своей стандартной сестры, предназначенной для пользователя-лошары, доведена до состояния самопрограммирующейся системы, с хорошими аналитическими способностями. И притом способна полностью заменить свою стандартную сестру, не уронив ни одного приложения, не потеряв ни одной базы данных. Настройку ей делали ребята из камышловской группы боевых хакеров,

именующихся «гармонисты».

Пора за дело. Закрепив образцы на твердых и электромагнитных штативах, Кирилл увеличивал пошагово разрешение и копался в структурах материала, его деформациях и дефектах… Так, что имеется у нас в меню? Усталостный износ, коррозия вследствие неверной эксплуатации, брак, допущенный изготовителем и приведший к заселению материала дефектами.

Получается, и в самом деле прав Гриппенрайтер, ничего экстраординарного?

Но вот, покопавшись в глубине прочнейшего титан-неодимового ниточного сплава, Кирилл стал замечать следы явно биогенного происхождения.

Память, напрягшись, пыталась подсказывать – а на нее надежды было больше, чем на приторно-вежливый, но медленный Спейснет, неспешно одаривающий отдаленных пользователей «сокровищами» Бормопедии.

А вот что это напоминает. Микротрещины и углубления в вулканическом стекле и других земных базальтовых породах, там, где микробы, которых долго не могли «поймать за руку», потребляли атомы железа. Причем попали мелкие хулиганы в эти самые породы, когда они образовывались при температуре выше девятисот градусов в стародавние времена. Вспоминаются и керны, извлеченные с глубины несколько сот метров из горных пород на Африканском Роге, которые при поднятии на поверхность начинали активно пованивать биогенным сульфидом водорода, хорошо известным по посещениям сортира.

И здесь, на станции, схожие следы живых существ! Которые проделывали в прочнейших материалах ходы и заполняли их кубическими кристаллами, продуктами своей жизнедеятельности.

Следы какого-то мелкого гаденыша в титан-неодимовом сплаве – а не мерещится ли? От этих нарколепсий-кататоний всякие последствия нехорошие бывают, причем долговременные. Сейчас, вообще, и бесенята могут за иллюминатором привидеться. Ау, рогатые.

Кирилл утер испарину со лба… Раньше времени утер, потому самое неприятное было впереди. Он зашел в систему учета входящих биоматериалов, а там нашлись записи, поступавшие от пятого, шестого и девятого ленточных зондов, тех, что занимаются изучением атмосферы Юпитера и сейчас. Целых двенадцать полноразмерных видеозаписей примерно месячной давности – то есть их, конечно, пытались стереть, но не слишком удачно, по крайней мере, для такой ушлой операционки, как Темная Зельда. Поэтому она смогла их восстановить…

Шестой зонд фиксирует в атмосфере Юпитера, уровень «– 50

километров», нитевидные образования, которые словно атакуют его. Если точнее, они выглядят, как клубки нитей, в середине которых наблюдается нечто похожее на гроздь пузырей. Может, это скопление пятен того же типа, какое капитан Прерадович засек в озере Небесного Спокойствия, только снятое крупным планом? Дистанции до объектов – а их было с дюжину – все время менялись, бывало так, что и совсем рядом… ноль расстояния. Шмякаются и отлетают, словно играют в пятнашки. А если они и в самом деле живые?

Возвращенный зонд был покрыт плесенью, особенно его «щупальца», утыканные глазками детекторов – на видеозаписи Кирилл видел пятнистый налет розовых и сиреневых оттенков.

Без сомнения, вместе с зондом на станцию попали образцы ненашей жизни.

А ведь служба биологического контроля никак не отреагировала на этот скандальный или, может быть, вообще сенсационный факт. Точнее, попыталась от него избавиться. Тут у нее прокол случился, ведь система контроля движения имеет автоматический доступ на все зонды и фиксирует неординарные события. Зонд, кстати, засек, что на него осела органика и успел сдать полученные образцы на экспресс-анализ лабораторному автомату.

И это оказались кремнийорганические соединения. Конечно же с очень низкими температурами замерзания, до минус двухсот градусов по Цельсию, но и с термостойкостью аж до двухсот пятидесяти градусов. Структуры по некоторым признакам похожи на материал клеточной мембраны, только очень устойчивый и макроразмера… Кто же из высокопоставленных персон здесь подсуетился, дав команду на уничтожение образцов? Пшик, и нет сенсации…

Так, сейчас надо разыскать начальника службы биологического контроля, господина Гриппенрайтера. Если надо, из койки вытащить, за жирок да на холодок – чтоб вместе составить отчет о нарушении режима. Пусть Гриппенрайтер выясняет, кто в его службе ведет двойную игру. Да, конечно, неудобно перед Альбой, она пропуск в эту лабораторию дала, но тут такое дело, что надо принципиальность проявить. И, вообще, может ее совесть замучила, но она захотела действовать не самостоятельно, а через него, поэтому и подкинула ему сперва накопитель с записью полета на Юпитер…

Если дело совсем нечисто и Гриппенрайтер сам запачкан, придется задействовать секретный канал связи с Роскосмофлотом, пусть будят международные инстанции.

Все, пора на выход; Кирилл поспешил в шлюз лаборатории.

Робот-контроллер, тот самый, похожий на помесь спрута и солдата, опять протянул к нему свои руки-крюки, утыканные датчиками. Сверху вниз прошла рама терагерцевого сканера. После некоторого раздумья этот киберзлыдень объявил:

– Персона, идентифицировавшаяся под именем «К. В. Воскресенский» и номером 628, в вашем теле обнаружено присутствие потенциально вредоносных микроорганизмов инвазивного или инфекционного происхождения.

– А что такого, они всегда со мной есть. Микрофлора кишечника, к примеру. Я же не железяка, как ты. Кое-что живое может находиться на коже. Митохондрии тоже не забывай; в конце концов, это микроорганизмы изначально инфекционного происхождения.

– Объяснение не принято. Я вынужден вас задержать, – отчеканил робот-контроллер.

– Где? Прямо в шлюзе? Что за извращение?

– В шлюзе, – охотно подтвердил робот-контроллер.

А ну как это провокация против него? Бить не бьют, но унижают. Или же это отсебятина неисправного робота-контроллера?

– Ты что вытворяешь, железяка? Я тебя сейчас разберу на болты и шурупы и продам, как ведро метизов на базаре за три рубля.

– Во мне нет болтов и шурупов, – гордо заявил собеседник. – Предупреждаю, моя стоимость составляет семьсот тысяч долларов; сравните эту сумму со своей смешной зарплатой. И, кстати, я не забыл, что вы назвали меня железякой, хотя во мне присутствуют и другие металлы, а также интерметаллиды и сотня органических соединений. Об этом будет доложено вашему начальству.

– Боюсь, приятель, в твоей маленькой оперативной памяти засели какие-то вредоносные программы. Скажи, тебе надо, чтобы тебя начали ковырять на предмет вирусов и троянов? Но мы можем еще договориться. Ты меня выпускаешь, я забываю о порче твоего программного обеспечения.

Угроз не боится, на сделку не идет. Тогда, может, воззвать к его эмоциональной матрице?

– Пощады, о многометаллический друг! Я в туалет хочу, в сортир, срочно, иначе последствия будут ужасны…

Нет, «железяка» не считает это проблемой.

– Хорошо, немедленно доложи о моем задержании начальнику смены в службе биологического контроля.

– Персона, идентифицированная под номером 628, я непременно доложу, когда будет восстановлена связь, – отразил

робот-контроллер.

– Тогда пусти меня обратно в лабораторию, я действительно в туалет хочу, видишь, пританцовываю? Вдруг случится страшное, ты окажешься в луже и тогда у тебя начнется коррозия металла.

– Пустить обратно – невозможно, поскольку это нарушает пункт 213 основной инструкции.

Да он смеется где-то во глубине своих чипов. Обоссать его, что ли, в натуре – так об этом быстренько напишет «Таймс», снабдив изрядной порцией русофобии на тему «русского варварства».

Кирилл опустился на пол. Если б был с собой игровой нейрософт хотя бы с примитивной стрелялкой, выводимой на линзопроекторы. Тогда бы нащелкал, выпуская пар, три сотни клингонов…

Он почувствовал толчок, колебание, прошедшее по переборке. Как от взрыва.

Сердце у него застучало уже не от злости, а от некоторого испуга, адреналинчик пошел. Похоже, на станции авария, а он тут как насекомое в банке-морилке. Потом Кирилл услышал вроде стук кулака в наружную дверь шлюза. Оттуда явно кто-то бился. Это ж надо, так колотить в броню, чтобы было слышно. Впрочем, постучали и перестали.

Наконец, Зельда смогла пробраться в систему управления шлюзом, вредный робот-контроллер получил низкоуровневый сигнал «открывать» и наружные двери стали распахиваться.

Коридор был затянут туманом, как будто сильно похолодало. И весьма сильно несло тем самым неаппетитным веществом, будто прорвало канализацию.

А потом Кирилл наткнулся на кого-то, толкнул случайно и услышал звук падающего плашмя тела.

Черт, из-за этого человек не мог мгновенно окочуриться. Но лежащий тип, без сомнения, был мертв, никаких признаков дыхания. Это ж Гриппенрайтер собственной персоной, жирные следы от лапши на рубашке. Кирилл наклонился, потому что ему показалось, что мертвец гримасничает, будто ухмыляется даже. Нет, не показалось. Физиономия лежащего человека покрывалась колеблющимися, движущимися и как будто заострящимися буграми; под кожей что-то билось, тонкое совсем… А потом прямо из этих бугров потянулись нити, первая, вторая – елки, да у них собственное движение! Крохотная бусинка на конце ниточки – глазок, что ли – словно выбирала направление.

Голова мертвого вдруг раскрылась прямо по теменному шву, как цветок, только с хрустом. Из нее, с чмоканьем отделившись от мозгового вещества, вывалился клубок ослизненных нитей с

гроздью пузырей внутри.

– Кыш, – прикрикнул на него отшатнувшийся Кирилл, как на злую собаку, да только клубок этим не проймешь. Выплевывая ниточки, которые прикреплялись к любой поверхности и подтягивали его, он стал довольно быстро приближаться к человеку. Оп, и новые две нитки прилипли к потолку, а клубочек бодро подпрыгнул, обратив Кирилла в паническое бегство.

Сюрприз, думал он на ходу. Хотя чего-то такого можно было и ожидать, особенно от Гриппенрайтера. Зараза, принесенная зондом, прорвалась в жилые модули станции. Человеческое тело становится для нее не только носителем, но и живой фабрикой для производства какой-то биологической дряни, имеющей признаки агрессивного макроорганизма. С «Юпитера-12» надо линять и как можно скорее. Да, хорошо сказано, в семистах с лишним миллионов километров от Земли.

Через пятнадцать минут Кирилл осознал, что вся станция заражена. Он видел тела людей, застывшие в скрюченных позах, мертвые, а также отечные, ослизненные, раздувшиеся, но живые и дергающиеся. Они тужились и лопались, если точнее, расползались прямо на его глазах, из них выкатывались гроздья пузырей, словно обросшие длинными седыми волосами. Похожие на голову ведьмы и очень бодренькие. А вот Дирксен упорно не выходила на связь. Может, она среди тех, кто ставит эксперимент с заражением персонала станции ксеножизнью?

Одно из тел, которое Кирилл посчитал мертвым, разбухшее и ослизненное, вдруг поднялось и бодро двинулось к нему.

– Э-э, парень, приятно, что ты жив, только не подходи ко мне. Фу! – Он прикрикнул опять-таки, как на приставучую зверушку.

Но тело с закатившимися глазами не меняло курса. Благодаря разорванному на груди комбинезону было видно, как играет рябь на его коже, – так по заросшему ряской пруду проходит ветерок.

– Не подходи, сказал же тебе. – Кирилл сорвал со стенда с противопожарным оборудованием огнетушитель и ударил упорное тело по голове. А потом еще и еще раз.

То, наконец, осело, опустилось на колени и вдруг изогнулось – в одну, другую сторону. Вдобавок затрещало. Не одеждой, а костями, хрящами, сухожилиями. Из-под лопнувшей кожи на выпяченной вперед груди вышла наружу треснувшая пополам грудина. Лицо поплыло вверх, голова разом закинулась назад, словно сломались шейные позвонки, и просела между плеч. Это было так жутко, настолько не соответствовало тому, что можно считать нормальным и удобоваримым, и Кирилл готов был без устали молотить трансформанта, чем попало, лишь бы он

прекратил свои выходки. Но тело и не думало завершать представление. Из сломанной грудной клетки показалось что-то склизкое, словно обмыленное, но живое и подвижное, оно активно выбиралось наружу. Кирилл, пятясь, поливал это нечто пенной струей из огнетушителя, а оно, крутясь и извиваясь в пене, скользило к нему…

По внутренней связи наконец пронеслось:

– Вызывает командир спасательного борта Х128. Сбор персонала для эвакуации назначен у пятого шлюза.

Пятый шлюз, где это, черт возьми? Ничего не разберешь в вонючем тумане, по которому шастают эти беспокойные покойники и ползает живая гнусь. Внезапно что-то подхватило Кирилла и потащило, неслизкое по счастью.

– Так и быть, к шлюзу я тебя доставлю.

Это была Альба Дирксен.

– А ты, что, не собираешься эвакуироваться?

– Я – нет. Мне здесь интересно, так что закроем тему.

И тогда он подумал, что она, может быть, и не вполне человек.

«Батавия». Звери

Внутри все, как и должно быть в отсеке огромного корабля. Очень гулко, словно в соборе. Здоровенные кормовые шпангоуты. От своих собратьев на обычных судов они отличались не только размером, но и набором светящихся датчиков, отчего казалось, что ты пребываешь в компании каких-то хищников с горящими глазами.

Может, из-за этого появилось ощущение, что я здесь не один. Один и притом не совсем один. Ощущение нарастало, и, в итоге, сердце заколотилось, словно его коснулись ледяные лапки замороженной курицы. А потом, наоборот, стало тормозить. И, вместе с тем, как по спине растекся холодный пот, я ощутил чувство оторванности от окружающего пространства. Словно обернут пленкой в несколько слоев. Я почувствовал, как у меня расширяются зрачки – так старательно я пытаюсь проткнуть взглядом эту, с позволения сказать, «пленку». Все, что окружало меня, растекалось по ней, становясь неаккуратными разводами буроватых красок.

Я видел на этой «пленке» кусок корабельной обшивки со стекающей по ней слизью, фрагмент шпангоута. К нему прикрепилось нечто похожее на геккона, только размером с человека. Видел вроде как гроздь икринок, очень крупных и налипших на бимс. Видел обрывки тел, человеческих и не очень. Казалось, на теле вырастали какие-то кошмарные цветы из мяса,

костей, хрящей и зубов.

Я приказал своему подсознанию заткнуться и нарочито бодро двинулся вперед, однако арбалет предусмотрительно выставил перед собой. И первое, на что я наткнулся, было прилипшее к шпангоуту тело. Тут сердце столь заколошматило изнутри, что пришлось сказать себе твердо: нервничать надо было раньше, а сейчас просто решай вопросы. И первый из них, что это за хрень?

Тело явно человеческое, голое. На «эй, ты» не откликается, но вроде живое – инфракрасный канал камеры показывает температуру более тридцати семи. Даже если не трогать, видно, что покрыто слизью и какими-то трубковидными отростками на два-три сантиметра длиной, особенно возле раздутой грудной клетки. Я приказал себе подойти ближе. Сказав себе: «Яволь, герр коммандант», выполнил свое собственное приказание и… меня чуть не вывернуло. Было от чего. Из трубковидных отростков тела выдавливались ослизненные нити – и они были подвижны, как живые организмы. Нет, это не совсем человек. Точнее, существо какое-то, получившееся из человека.

А потом существо открыло глаза и под напластованием слизи стало заметно колебательное движение зрачков. Оно почувствовало, что я нахожусь рядом, и сделало движение навстречу. Нет, со шпангоута оно не свалилось, а лишь изогнулось, однако его разбухшую грудную клетку прорвало. Из разрыва вывалилась полужидкая масса, обладающая, в отличие от жидкости, структурой. Более всего, это напоминало гроздья пузырей, обвитые слизневидными нитями. И смердение от нее исходило изрядное, как от гниения органики, пополам с ацетоном.

Я вначале отшатнулся, потом упал на колени. Из меня самого сейчас бодро выходило съеденное пару часов назад. Когда полегчало, я заметил, что в глубине разорванного тела что-то копошится, собираясь выбраться наружу и поздороваться. После этого я несколько минут шел куда-то наобум на полусогнутых. Лишь бы подальше от этого тошнотворного существа, стараясь удержаться на ставших ватными ногах. Единственная разумная мысль в моей голове была, что это? Результат инфекции? Или инвазии? Что-то из этих двух; я забыл, чем они друг от друга отличаются.

Меня остановил звук. Вообще-то, сперва это даже не казалось звуком. Просто вибрация, проходящая через металл. И, выглянув из-за шпангоута, я увидел рыхлого раздутого субъекта, который как-то подрагивал. Но точно не он издавал звуки. Из неподвижного рта течет слизь. А вот за ним копошится кое-кто еще.

Я сперва подумал, что эта парочка занимается тем самым, что сейчас модно и выгодно в странах Атлантического Альянса, однополой любовью. Но потом рыхлый завалился набок – дохляк со стажем. А тот другой занимался совсем не *этим*. Он объедал первого со спины, оголив уже его спинной хребет. Однако не ртом. Я головы его вообще не вижу, зато его плечи сместились вверх, даже заострились. А его грудная клетка сильно выдвинута вперед и створками разошлась в стороны. Оттуда вышли огромным цветком четыре зазубренные челюсти, напоминающие жвала жуков, как их там кличут – мандибулы, только в большом масштабе. И эти здоровенные мандибулы работали как заведенные. Когда проглот кратко отстранялся от еды, казалось, что в глубине зева червивится что-то, может отростки. А вот куда подевались его сердце и легкие? Где они могли спрятаться?

Я на секунду задумался, а не сон ли это? Такой дубль-реальный, который снится при закрытом окне и духоте, когда все вроде, как в обычной жизни, кроме одного. И это одно очень жуткое… Душно же, наверное, машинное отделение неподалеку… Нет, все-таки не сон. Я лишь немного «поплыл», как бывает при сильном страхе или опьянении в обычной жизни. Однако, на опьянение не спишешь, тут одно существо явно жрет другое с большим аппетитом. И я могу стать следующим, так сказать, угодить на закуску. Я уж, наверное, повкуснее буду, чем рыхлый раздутый слизняк. Черный юмор, что ты вьешься над моею головой…

Так, худой мир лучше хорошей войны. Дети разных народов, мы мечтою о мире живем. Попробую установить аудиоконтакт:

– Здравствуйте, приятного аппетита.

– Подойдите ближе, чтобы мы могли лучше познакомиться, – незамедлительно отозвалась тварь, не отрываясь при этом от еды; такое впечатление, что звук выходил у нее со стороны спины.

Так, мне самое время выруливать назад или вечер перестанет быть томным.

– Всего хорошего, извините, я спешу.

– Не уходите! – Тварь внезапно перешла на визг и прямо из сидячего положения прыгнула на меня. Промахнулась, по счастью, шмякнувшись о плоскость шпангоута – я, несмотря на задумчивость, вовремя увильнул, рефлексы не подвели. Оказывается, у меня есть рефлексы – чем не повод для оптимизма.

Животные обычно не охотятся, когда у них и так добыча в лапах. Значит, это не совсем животное – большой повод для пессимизма.

Тварь в стремительном перекате поднялась на ноги –

жилистые, с приподнятым от пола пяточным суставом – и снова направилась ко мне, отрезав мне путь назад. Она не только настоящая, да и вдобавок упоротая!

– Стой, стрелять буду! – Мой гневный окрик не произвел на нее впечатления. Что бы еще такого киношного сказать? Ничего путного в голову не приходит. Учебные пособия рекомендуют посмотреть дикому зверю прямо в глаза, после чего он просто обязан стушеваться и заскулить. Но у этого монстра и глаз-то не видно.

Я выстрелил в тварь из своего арбалета – и смазал. Похоже, целеуказатель подводного ружья, который выводится на дисплей очков, ничего толком не указывает, потому что продавец-зараза меня нагрел.

Я сиганул через рамный шпангоут, сильно ударившись животом о стальную кромку – блин, надо было худеть своевременно. Но вслед за мной сиганула и тварь.

Нога запнулась об обрезок трубы. Никаких размышлений, беру ее в виде оружия. И когда монстр снова прыгнул, я вильнул в сторону и нанес ему удар трубой по башке, сильно вдавленной в плечи. А когда он завалился набок – ударил словно копьем, вглубь «цветка». Створки грудных челюстей хрупнули, пытаясь разгрызть трубу и… тварь вроде подавилась. Причем я, по сути, не виноват, она сама напросилась.

А вот еще одно открытие. Труба-то осталась от нашего второго пропавшего работяги, на ней и клеймо компании «Чжен Хэ Маритим». Значит, Прыг-Прыг не бросился в воду, а пошел внутрь, с этой железякой в качестве оружия. Ну, кретин; хотя, может, за друга хотел отомстить? Впрочем, и я сам кретин не меньший. Точнее, больший, я же ему начальник и незачем мне было мстить за двух остолопов. Надо было, сфоткав первое же чудище, спешно мотать назад, а я, вместо этого, стал выяснять правду-истину.

Зато можно сейчас радостно порассматривать поверженного монстра, что у него за потроха? В груди ничего привычного нет. Это – натуральное жрало, четыре челюсти, поверх них две створки – бывшие ребра, что ли. А сердце и легкие, должно быть, переместились под твердую выпуклость в верхней части живота – в этакую брюшную капсулу. Голова съехала назад и настолько вдавлена, что шеи вообще нет; плечи же, наоборот, поднялись крылами. Стала голова чем-то вроде горба; от нее, по сути, одно лицо осталось. Да и то, считай, на спине. Глазные впадины забиты слизью и направлены куда-то вверх, так что толку от них нет.

Эта тварь, должно быть, по электромагнитным полям

ориентируется. А вот руки у нее сильно удлинились в суставах, пальцы вообще какие-то грабли.

Селфи с ним на пару, что ли, сделать? Иначе никто не поверит, что такие монстры готовы вскоре разделить с нами и стол, и дом, и жену.

Изучение экземпляра длилось недолго – послышался шум из разных концов этого непонятного пространства, и он нарастал.

Те твари двигались и по вертикали, и по горизонтали, по шпангоутам, по бимсам, не громыхая, скорее наоборот. Просто их было слишком много. Они так чуток пощелкивали своими грудными створками, как кастаньетами. Лучшего наименования, чем вурдалаки, учитывая такое грызло и такую прыть, этим персонажам не подберешь.

Они оставили мне лишь один путь открытым, и это не был путь назад. Сразу душно стало и пот липкими ножками пробежался по спине – похоже, я попался.

Арбалет непонятным образом был выдернут из моей руки, едва я задумал прицелиться. Что-то незримое зацепило и меня самого, уронило и сдернуло с места. Я догадался, что это не злой дух. Меня ухватили тонкие, до полной невидимости, но крепкие щупальца. И тащит меня к себе на обед тот активист, у которого более всего пены из зева. Я из лежачего положения хватанул вурдалака трубой, целя в брюшную капсулу, – с хрустом оттуда брызнуло чем-то более густым, чем человеческая кровь. Выбранная тактика оправдала себя. Вурдалак крутанулся на месте от боли, а я, воспользовавшись ослаблением невидимых захватов, сумел выдраться.

Куда теперь? Пути назад по-прежнему нет, там столпотворение монстров. Значит, несколько раз энергично махнуть трубой на наседающих вурдалаков, которые быстро выдернули и это оружие из моих рук, затем мчаться вперед.

Я перемахнул через пару рамных шпангоутов, далее была как будто проеденная переборка. За ней что-то напоминающее огромный термитник или осиное гнездо; нечто, устроенное сонмом насекомых, только больших и вонючих. Тоннели, покрытые напластованиями выделений. Разит аммиаком до одурения, тепло. Ясно теперь, отчего я засек пятно с повышенной температурой на корпусе.

Как ни странно, вурдалаки не последовали за мной. Но и тут я оказался опять-таки в «приятной» компании.

Мимо проходили, вернее, протискивались разбухшие ослизненные, точнее, словно протекающие слизью, отечные сизые существа. Они были вроде того типа, которого недавно жрали на моих глазах, только вполне живые. По счастью, не агрессивные

пока, апатичные. Разбухшая и сплюснутая голова, из нее что-то сочится, будто кости черепа разошлись, живот тоже раздутый, слизеточивый. Их глазные впадины были залеплены слизью, однако в пространстве они ориентировались неплохо, в преграды не тыкались. Обернуты белесым наростом, вроде мантии моллюсков. На шее пузырь, который позволяет им издавать одно-единственное междометие, похожее на «вау». Смахивают на живых разбухших мертвецов, драугов из скандинавской мифологии – видел таких в детской книжке. Итак, градус ужаса нарастал, но сейчас я заставил себя относиться к происходящему как ко сну-кошмару, рано или поздно проснешься, правда ведь?

Тоннель, похожий на кишку из-за склизких пупырчатых стенок, уходил вверх. Двигаться по нему было тяжело – ботинки скользят сильно, однако можно – благодаря складкам. И вскоре я понял, какое направление выбирают драуги – по градиенту тепла.

Добрался с ними под хоровое «вау» до котельной, увидел огромный котел, покрытый толстой серебристой шкурой изоляции – от него, наверное, работал резервный генератор и часть компрессоров «Батавии». Хоть и вспомогательный, но размером с десятиэтажный дом и облепленный со всех сторон драугами.

Обозначились и другие особи, они закрепились на своде котельной вниз головой. Похожие на драугов, только совсем малоподвижные. Некоторые смахивающие на мешки или, может, коконы. Пара таких мешков висела на питательном насосе котла. Когда я поблизости оказался, один из них запульсировал, а низ его вскрылся и я увидел опухшие щеки и набухший нос. Это ж тот потерявшийся рабочий с «Принцессы Путри» со сложным китайским именем и простым прозвищем Прыг-Прыг – значит, не сгинул он в море. Хотя неизвестно, что лучше. Упакован, подвешен кулем, слегка жив и шевелит губами, пытаясь что-то произнести на кантонском диалекте.

«Прыг-Прыг, дорогой, нихао, тамаде, ни жанг де чоу, сейчас все поправим». Я, забравшись на насос, кинулся резать мешок своим крисом, заточенным, казалось бы, до предела – волос рассечет, но такую материю практически не брал, увязая в ней. Она была прочна как сплетение гитарных струн; может быть, это кремнийорганика.

Правда, мешок начал раскрываться сам, высвобождая Прыг-Прыга, который все хотел что-то произнести – это у него получалось плохо, наверное, потому что глотка была залеплена слизью. Вслед за головой освободилась его правая рука, в которой был пистолет. У Прыг-Прыга-то, оказывается, оружие имелось, антикварный «Браунинг М1911» с напечатанным на тридере

прозрачным магазином. И его рука наводила вороненый ствол на меня.

Я пытался остановить Прыг-Прыга, как злую собаку: «Фу, плохо, отвали». Не помогло, о собаке тут можно только мечтать.

Я, подпрыгнув, выдернул из его руки скользкий пистолет – сбрендившего парня лучше разоружить. А Прыг-Прыг еще больше выскользнул из кокона. Однако не упал, а плавно опускался вниз, находясь на невидимой подвеске. Ниже шеи, если честно, он теперь не очень-то напоминал человека, скорее саранчу с удлиненным брюшком и высохшими тонкими конечностями.

И вот Прыг-Прыг совсем рядом. Он не видит меня, глаза затянуты бельмами, но, похоже, что чувствует. Неожиданно нижняя челюсть его раздвоилась, разойдясь на две половинки, и из нее выскочил, прямо-таки выпрыгнул сосательный хоботок с остроконечным острием…

Я выстрелил, когда остроконечный хоботок оказался в десяти сантиметрах от моей шеи. С такого расстояния не промажешь, на лицо мне брызнула густая темно-зеленая кровь.

Пока я общался с Прыг-Прыгом, меня со всех сторон окружили драуги, мелькая бельмами и громко булькая от возмущения. Сейчас их типичное «вау» превратилось в агрессивное хоровое «вай-вай». Вроде незрячие, а меня чувствуют. И сейчас они явно злее стали. Наверное, потому, что я «обидел» маленького упыря. Окружили толпой, как будто раздавить готовы. Одному из них пропорол крисом мантию, прорвался из окружения, несмотря на недовольное уханье прочей публики.

Это ненадолго замедлило бы развязку. Облепили б меня слизняки снова со всех сторон и осталось бы только помереть от омерзения, если б не ринулся я на прорыв, вверх по трапу, который окружал котел. На трапе через каждые двадцать ступенек горизонтальные платформы. А где-то вверху, по идее, должен быть выход на следующую палубу.

Однако на второй платформе мне встретилась пара бдительных биомехов типа франкенштейн: на лбу у каждого логотип и штрихкод корпорации «Стейно». Заметны следы от степлера на шее и разный цвет кожи на лице и туловище; их сшивали из трупов разных рас. «Ребята, так здорово, что я вас нашел, где ж вы раньше-то были, а то монстры кругом». В самом деле, куда ни шагни, только эти беспредельщики, так что теперь и биомеху порадуешься.

Однако франкенштейны не откликались на мои приветствия и преувеличенно дружелюбные жесты. Их суровые лица, снятые с мертвых боевиков и натянутые на карбоновый овоид искусственного черепа, презрительно кривились, а рты издавали

лишь тонкий пульсирующий звук, с помощью которого они, очевидно, обменивались информацией друг с другом. Их мозги, оживленные антинекротическими агентами, исходили из рассуждений, что монстры – это свои, пассажиры, а я – нарушитель, посторонний объект, который надо нейтрализовать. Их руки оснастились пучком кривых клинков, и те выглядели, как очень длинные когти. На лезвиях, заточенных до одноатомного предела, играл интерференционными узорами свет.

Холодное оружие – это разумно, огнестрельное может нанести ущерб важному оборудованию. По мнению франкенштейнов, я должен был обделаться от страха, после чего они бы, наверное, заулыбались и предложили бы мне туалетную бумагу. Так оно едва не вышло. У меня вместо солнечного сплетения – черная дыра нарисовалась, и на сердце тоска зеленая, да что ж такое сегодня?

Я толкнул на них тележку транспортера. Но эти черти легко перемахнули через нее. Я едва успел вильнуть в сторону, а когти-клинки атакующего франкенштейна высекли искры из ограждения платформы. Ясно, что они частично люди и поэтому соблюдение первого закона роботехники для них не обязательно.

Три выстрела отбросили одного франкенштейна и притормозили другого, однако особого ущерба им не нанесли. Осталось четыре патрона, как любезно мне показывает прозрачный магазин. Большую часть обоймы Прыг-Прыг уже израсходовал на кого-то или что-то – так что лучше поберечь.

Тогда спасай, крепежная цепь, которую я подхватил на нижней платформе. Хлестнул ею с поворотом. Один ее конец, обмотавшись вокруг играющей шарнирами шеи биомеха, прилетел обратно ко мне – в левую руку. Второй биомех сразу прыгнул ко мне. Я хлестнул вторым концом цепи, который обмотавшись у него вокруг шеи, вернулся в правую руку. Рванув в просвет между биомехами, оказался позади них. Они развернулись ко мне, цепь дополнительно намоталась на их шеи, столкнув головами, отчего один из них отрубил коготь другому. Самое время подхватить трофейный коготь и ретироваться. Только не по трапу.

Оттолкнувшись от ограждения платформы, я перепрыгнул на трубу, идущую от резервуара со сжатым воздухом. Тарзан не Тарзан, но неожиданно получилось. Пробежал по трубе до резервуара – метрах в двадцати от меня неширокая посадочная площадка лифта.

Спрыгнул на аварийный трапик и в две секунды там. Да только на площадке меня встретил еще один монстр, тоже вполне фабричного производства.

Это технозоид-арахнид, изначально разработка «Медузы» для сил специальных операций Атлантического Альянса. Хелицеры, генетически позаимствованные у паука, но откалиброванные под человеческий рост, щелкали и играли разрядами, показывая заимствования у электрического ската.

– Пожалуйста, оставайтесь на месте и сохраняйте спокойствие, – сказал технозоид приятным мягким баритоном.

Хорошо, что я не послушался. Арахнид внезапно атаковал меня, я с испуга воткнул в него трофейный коготь, и правильно, что не свой крис. Технозоид стал глубже нанизываться на коготь, чтобы педипальпами приобнять меня, а хелицерами дотянуться до моего горла. Легко самурайствовать, имея регенерацию поврежденных тканей а-ля гидра. Я отпустил коготь и резко сделал шаг назад – противник по инерции полетел с площадки носом вниз, мне оставалось только немного задать ему направление.

Рядом останавливается лифт, внутри человек в комбезе техперсонала. Вместе едем вверх. Пока не будем изъявлять радость от встречи с нормальным человеческим существом.

Лифт, поднявшись из машинного отделения, минует несколько уровней и останавливается на палубе номер десять. Человек собирается выходить.

Словно полетели среброкрылые бабочки и я почувствовал в ворохе его внутренностей компьютерную шину расширения, потом заметил и крохотный штрихкод у него на мочке уха. Значит, это тоже биомех, который выполняет команды, выходящие из стека. Дальше была короткая схватка, которую я начал с подножки, а продолжил, засунув ему руку в рот по локоть и отсоединив кабель питания, идущий от аккумулятора в позвоночнике к его главному мотору. По ходу дела он мне, блин, чуть руку не откусил. Но я, вытащив заглушку из своего шейного разъема, вставил туда чип-идентификатор, который сколупнул с решетчатой перегородки, защищающей и охлаждающей спинтронные мозги биомеха.

Теперь я назвал цифру – почти наобум – и кабина лифта послушно проехала до палубы четырнадцать. Вышел в тропический лес, почти как настоящий, в три яруса. Внизу папоротники огроменные и бамбук в два моих роста. Стрекот цикад оглушает, птицы перекрикивают капуцинов, воздух напоен жаркой влагой, камень под пальцами почти как настоящий, и мох на нем. И листья как листья, почти. Только немного шевелятся, показывая себя гетеротрофами. А в воздухе как будто рассеяны серебристые и золотистые искорки, которые понемногу притягиваются ко мне, создавая посверкивающую ауру. Это ж

пресловутые деймы. Только их мне и не хватало.

Обойдя скалу, я увидел водопад, разбивающий голубую гладь озерка, – поток изливался вроде как с «небес» этого мира. Такая идиллическая картина, плеск прозрачных вод успокаивает и даже завораживает. Вдруг сверху упало тело – в гроздь больших пузырей, предусмотрительно сотворенную мощными поверхностно-активными веществами на зеркале водоема. Следом второе тело, третье. Ничего криминального, чистая развлекуха. Вот уже группка счастливых моложавых людей с легкостью полубогов пробежала мимо меня, скрывшись в лесу. Ноль внимания на мою персону, потому что трофейный чип обозначил меня биомехом с таким-то идентификационным номером.

А немного погодя – я еще не успел разобраться, куда мне двигаться – пришлось срочно обернуться на шум.

Те, кто недавно выглядели шаловливыми полубогами, возвращались из леса. Игры закончились. Грузные, отечные, со свисающими животами и отвисшими щеками. Слизь, просачивающаяся сквозь череп, слепила волосы. Заплесневевшие глаза. Пузыри на шее. Из глоток доносятся булькающие звуки «вау». Почва чмокает под голыми разбухшими ступнями, на которые не налезет никакая обувка. С ними что-то происходило и очень быстро, инфекция, что ли, подействовала; никакие деймы их не спасли. Они трансформировались в драугов!

Их клетки делятся как бешеные. Некие молекулярные машины своими маленькими ручонками меняют экспрессию их генов. Включаются доселе спавшие участки ДНК, которые задают новую форму тела и структуру органов. Это происходит в миллион раз быстрее, чем принято в природе; в них действует какое-то свернутое в тугой клубок время.

Прямо на глазах с бывшими небожителями происходило что-то поначалу комичное, причем в цирковом темпе.

Это смахивало на авангардный балет, модный в странах Альянса. Пассажиры нагибались, расставив ноги, тужились до конвульсий, приподнимались, приседали и снова тужились, топая разбухшими ступнями и выделывая коленями, ставшими размером с футбольный мяч, почти что хип-хоповые коленца. Балет заканчивался тем, что бывших олимпийцев разрывало. Или спереди, саму грудную клетку, или сзади – понятно где.

Раньше на них работали «живые плантации» из бедных кварталов Нью-Джакарты, теперь олимпийцы сами стали инкубаторами новой жизни.

Выкатывавшиеся наружу из порванного тела комки плоти, сразу по две-три штуки, напоминали сперва колобки. Потом расправляли члены, разгибали конечности и сразу становились в

три раза выше.

Теперь колобки уже на ножках, да и какие-то хоботки у них. Это для чего?

А вот и пояснение. Один из колобков решил немедленно перекусить, вогнав хоботки-катетеры внутрь тела жертвы, такой же твари. Жертва еще жила, но была включена в метаболизм агрессора, использующего выгодное внешнее пищеварение. Упырь-колобок, делая глотательные движения, разбухал, а жертва, в свою очередь, съеживалась. И к концу стремительной трапезы превратилась в кучку хрящей и членików, обтянутых дырявой кожей.

Отожравшаяся тварь обернулась ко мне задом, и на этой части тела невольному зрителю предстало нечто, напоминающее лицо. Глаза были без зрачков, желтовато-прозрачные, в них отражалось мое лицо с упавшей от удивления челюстью. Пока я удивлялся, тварь оказалась рядом со мной. По счастью, я вовремя рассмотрел клапан ее сосательной глотки и ганглий недалеко от анального отверстия, которое находилось на месте носа. А когда она потянулась ко мне, влупил по ней рукояткой пистолета – наотмашь «по носу», точнее, простите так уж вышло, по анальному отверстию. Ушибленная тварь с жалким визгом свалилась, но, быстро вскочив, побежала прочь на шести циркульных ножках, оставляя за собой мерзкую дорожку из слизи. И исчезла за стеной водопада. Там же скрылись и ее более удачливые товарищи.

Следом за ними потянулась и компания разбухших Избранных, несмотря на лопнувшие кожные покровы и раскрытые грудные клетки. И даже кровь из них не хлестала, словно разорванные кровеносные сосуды были чем-то оперативно заклеены. Урча и оставляя пятна слизи, хоть и с невидящими заплесневевшими глазами, они прошествовали точно к водоему.

Конечно, хотелось поскорее свалить с этого пиршества жизни, но пока не знаешь куда; да и где еще такое увидишь? Поверхность водоема стала вялой, ленточки слизи поплыли по некогда голубой воде. А потом из-под поверхности появилось что-то, напоминающее по цвету комок болотного ила. То был горб, оставшийся от головы. Одновременно вышли двумя резкими буграми плечи. А там появилась из воды и разомкнутая острая грудная клетка, из нее уже выдвигались четыре челюсти. Как мне показалось, по сторонам этого «зубастого цветка» были глаза, по несколько штук.

Дружным стадом всплывали и другие монстры. Слизняки обернулись вурдалаками. Огромные челюсти высовывались из раскрытых грудных клеток, издавая скрежещущий звук. Эти

вурдалаки выглядели более продвинуто, чем их побратимы с нижних палуб. Голова съехала назад и полностью вросла в туловище, спрятав не только уязвимые шейные позвонки и затылок, но и почти все лицо. От него осталась лишь щель бывшего рта. Цветок челюстей, выдвигающийся из грудной пасти, мог отклоняться от оси на тридцать – сорок градусов. С таким «управляемым вектором тяги» у монстра имелась прекрасная возможность ухватить добычу, не сильно разворачивая корпус.

Сейчас мне совсем не хотелось дожидаться конца представления, потому что монстры явно начали проявлять ко мне интерес.

Пора делать ноги. Но у меня лишь приблизительное представление, куда можно дать деру. Если не в бок и не в даль, так, может быть, вверх? Я стал карабкаться по скале. Но твари были ничуть не менее ловкими, а точнее, они будто бы прилипали к вертикальным поверхностям. Или, может, впивались в них своими длиннющими пальцами. Заняв позицию на скальном выступе, я стал бомбить их обломками камня. Но тут выяснилось, что камни и скалы, в общем, легковесная бутафория. И приличного размера каменюкой не угробишь даже таракана. Разве что как следует раскрутив ее на лиане, наподобие пращи. С помощью самодельной пращи я приголубил пару тварей, но под конец загнали они меня на такой утес, с которого и ходу не будет даже горному козлу, как не скачи. Все – теперь в пропасть?

Но вдруг ко мне прямо по воздуху прошел человек в белых одеяниях. И лицо вроде знакомое. Обличитель? Я ж его отражение в стекле лимузина видел; вижу, что этот похож на того. И как он так ходит? Если он – святой, тогда почему я простой грешник?

Не сразу, но заметил ховерборд у него под ногами. Скорее, циркач, чем святой.

– Я принесу тебе спасение, сын мой, хотя ты явно не ожидал меня здесь увидеть.

– Только несите его скорее, господин Обличитель. Я же, в общем, отчасти благодаря вам здесь оказался.

– Ты в чертогах бессмертных, которые более всего имея от жизни, менее всего за это платят. Они отменили даже самую главную плату за жизнь – смерть. Тебе не завидно?

Легко ему плести, пока я в поте лица отбиваюсь от монстров, да еще должен, между делом, с ним общаться.

– Если бы я всем завидовал, то не дожил до сегодняшнего дня. А вам не надо поторопиться? Избавьте меня, наконец, от этих уродов и вытащите с чертова корабля.

– Это не так-то легко. Что-то сломалось в универсальной

системе защиты. Деймы то ли сами хакнули себя, то ли их кто-то хакнул.

Кажется, намечается неожиданный поворот в беседе. Но ее продолжению помешал юркий вурдалак, который едва не запрыгнул на тот узкий уступ, который занимал я. Успел накинуть ему на мандибулы свою куртку и, как следует, отдавил своими ремонтными ботинками его длинные крючковатые пальцы, которыми он цеплялся за камень. После того, как самый опасный противник улетел вниз вместе с моей верхней одеждой, появилась возможность уточнить у Обличителя:

– Погодите, на что вы намекаете? Что, деймы и есть зараза?

– А что же еще? Только то, что обеспечивает универсальную защиту, может обеспечить ее эпический провал.

– Это что, благодаря деймам, бессмертные превратились в монстров и начали жрать друг друга?

Однако, прервав беседу, Обличитель быстро удалился по «воздуху», закрывшись облачком. Даже возникло подозрение, не привиделось ли?

А рядом со мной возникла платформа другого ховерборда, и на нем какая-то парочка. Делать нечего, я оперативно заскочил на платформу. Но тут парочка монстров явно решила помешать моему отлету. Один уцепился руками за край платформы, продолжая хвататься ногами за скальный уступ. А другой прыгнул на платформу, используя для подскока спину товарища. Я, выстрелив «под яблочко», продырявил его брюшную капсулу. Этот плюхнулся вниз, и пока было видно, у него щелкали створки зева.

Но второй вурдалак не отпускает, цепляется за край платформы и вдобавок просит вежливым голосом: «Помогите же, помогите». У моего пистолета в обойме теперь три патрона, надо отчаянно экономить. Одна из той парочки, кстати, девушка, подкинула мне туфельку, которую я и воткнул острым носком в дыхательную трахею монстра, начинавшуюся на горбу – это то, что раньше было ртом. «Ну, как тебе такая помощь, дружок зубатый?» Такой «помощи» вурдалак не стерпел и улетел вниз, напоследок брызнув из зева пеной.

Ховерборд стал взмывать в колодце, протянувшемся сквозь много палуб и оформленном висячими садами, утесами, водопадами, озерками, птичками, то ли живыми, то ли синтетическими, но очень натуральными на вид.

– Давайте, знакомиться, спасители. – Отдышавшись, я обернулся к той парочке. Подростки какие-то, пусть и высоченные, как должно быть у высшей касты; ростом почти с меня, хотя я точно не коротышка. Похожие на жеребят из-за

длинных тощих ног и выпуклых крупных глаз на детских мордашках. Она – лет тринадцати-четырнадцати, может, чуть помладше, и паренек примерно такой же, может, чуть постарше. – И кто вы такие, если не Чип и Дейл?

– Надя Бонакасси.

– Мануэл Ноэл Зефф.

– А я уж думал, Ромео и Джульетта, серия первая. «Я воплощенье ненавистной силы Некстати по незнанью полюбила! Что могут обещать мне времена, Когда врагом я так увлечена?» Можно, просто Ман? У меня так одного знакомого орангутанга зовут. Между прочим, очень мудрый, чуть было не сказал человек.

Фамилии у них будто знакомые.

– А какой-то важный чувак из Трех Горгон с такой же фамилией – тебе кто, Надя?

– По большому счету, отчим, – как будто нехотя отозвалась девочка и вдруг бросилась объяснять: – Джейкоб Бонакасси, конечно, не мой биологический отец. Это шишка из корпорации «Стейно», ведущего производителя симулякров и информационных конструктов. Ну, вы что, про симулякры не знаете? Например, сделают такой, что русские или иранцы якобы напустили «серой слизи» в Вестминстерское аббатство и Ватикан в придачу – будет вам и видео, и аудио, и трехмерка, и виртуальные преступники, мало отличимые от реальных, со своей виртуальной биографией, очень похожей на реальную…

– А, вы с Маном так развлекаетесь или у вас какие-то другие, более высокие цели? Может, вас Обличитель послал?

Надя скривила свои отлично вылепленные губы.

– Запомните, господин так и не назвавший себя, мы не развлекаемся. Мы делаем революцию на «Батавии» не ради какого-то Обличителя. Мой подлинный отец был наверняка революционером, боливарианцем, он давно погиб в бою.

Папа – революционер, орел сизокрылый. А как же иначе? Когда папа незнамо где, мамы рассказывают детям всякие красивые истории, что он, дескать, ушел в море и не вернулся, улетел за облака и там задержался, или сражался за народное счастье против злодеев и погиб в неравном бою. Хотя всякое может быть. Тогда я, наверное, слышал про него в каких-то новостях. Там их поливают, этих боливарианцев, ясен пень, ведь почти все серьезные информационные мозгомойки принадлежат жирным котам. И в самом деле революционеров-боливарианцев давно уже убили американские наемники.

– Мы против универсальной системы защиты для Избранных, – оглянувшись на Надю, добавил Ман. – Не должно быть такого различия между людьми, чтобы одним полагалась

бедность и смерть, другим – практически вечная богатая жизнь и безответственность. В противостоянии между бессмертными вампирами и смертными людьми мы выбираем людей.

Что-то такое я слышал в подкастах левого сервака «Голос Че».

– Так «Голос Че» – это вы, ребятки?

– Быстро догадались, – довольно отозвалась девочка.

– Одобряю, только кто оплачивает вам хостинг в теневом интернете?

– Как кто? Нам и карманных денег на это хватает.

А, забыл. Могильщики класса вырастают из самого класса. Карманных денег у золотой девочки и такого же мальчика из числа Избранных хватит и на десять серваков.

– А ты, Ман, от кого перенял тягу к революциям? Наверняка, не от родни. Саймон Зефф, случаем, не твой папаша?

– Дальний родственник. Дядя, если вас интересует.

– Полгода назад меня только попкорн интересовал, и, если честно, еще пицца и мюсли. Можно сказать, что новое поколение олимпийцев выбирает не нектар с амброзией, а товарищ маузер. Но все равно, вам лучше со мной не якшаться. Я на «Батавии» в некотором роде нелегально, после того как монстры, расплодившиеся на ней, убили двух моих людей с ремонтного судна.

– Нет, мы как раз за вами прилетели. Мы смогли перехватить сообщение службы безопасности и поняли, что вы здесь. Дальше будем действовать вместе, – отрезала Надя.

– И как действовать, интересно?

– К примеру, утопим к чертовой матери «Батавию», – подсказал не слишком многословный мальчик.

– Хорошая у нас команда для этого. Двое влюбленных детишек из числа золотой молодежи, и обычно в фильмах на месте третьего – толстый смешной пацан. Я – толстый, как правило смешной, возможно даже сбрендивший, но не пацан, а дедушка.

– И как вас все же зовут, дедуля? – наконец улыбнулся Ман.

– Зовите меня Кид.

– У вас, похоже, тоже очень революционное имя, – похвалила Надя.

– Точно, как назло. И, если вы действительно революционеры, то я вам подхожу, только не надо резких действий.

Тут я понял, что не задал самого главного вопроса.

– Погодите, а в перехваченных вами сообщениях ничего не говорится, откуда вдруг резко взялось такое количество монстров? Это что, действительно, деймы сбрендили? Они не

помешают вам сделать революцию?

Ответила Надя, явно игравшая в этой парочке роль заводилы:

– Потому что прошла, несмотря на все защиты, нелегальная модификация деймов версии 1.4 и они, наплевав на пять уровней защиты, теперь способны самостоятельно адаптировать хоста так, как считают нужным. То есть он вроде остается бессмертным, но приобретает, так сказать, более подходящую форму чудовища, необходимую в цикле жизнедеятельности деймов. Ооцисты – это те, что разбухшие. От них происходят спорозоиты, которые выглядят как вампиры, и гаметоциты – те, что с огромными челюстями, как вервольфы.

Надя коснулась моей руки и по близкосвязи через боди-коннектор забросила мне видеозапись, которую я просмотрел на дисплее своих очков.

Тело какого-то существа плывет внутрь сканера, напоминающего по форме торпедный аппарат с подлодки. Затем появляется объемное изображение – ясно, что это деформированный человек – оно вращается вдоль продольной оси. «Торпедный аппарат» урчит, набирая все большую мощность. Тело словно теряет кожный покров, цвет тканей, окраску крови. Зато становится заметным главное. В грудной клетке нет легких и сердца, череп словно упал назад, на спинной хребет, попутно расплющившись. Ребра, скорее, напоминают створки. Легкие и сердце находятся в хрящевой капсуле, прижатой к поясничному отделу позвоночника.

Потом стало видно, как серые нити ползут у этого постчеловека из крестца по спинному хребту, и чуть ли выглядывают из тела, подыскивая себе нового носителя.

При дальнейшем увеличении и переходе от тканевого на молекулярный уровень демонстрируемые клеточные структуры, так сказать, «раздуваются». Почти что планетами проплывают ядра, вакуоли и плазмиды клеток. А вот и закувыркались белковые глобулы.

Теперь было видно, что эти ниточки, не встречая сопротивления, проникают в белковые молекулы, нанизывают их на себя, как ожерелье. Вероятно, и нуклеиновые кислоты им по плечу. Похоже, они, действительно, могут трансформировать тело человека.

Итак, сканирование терагерцевым сканером показывает, что в людях появляется нитевидная структура. Эти нити, на самом деле, наверное, являются гифами – потому что изрядно напоминают какой-то мицелий. Они спокойно перемещаются по всему телу. Действительно, единственный претендент на роль заразы – свихнувшиеся деймы.

Кино закончилось, пожалуй, попкорн сейчас в меня бы не полез.

– Мануэл хакнул это видео, когда оно появилось в закрытой базе данных у службы безопасности. Понятно вам теперь, Кид, почему надо утопить корабль? Он заражен.

– В предложении утопить корабль к едрене фене есть здравый смысл, но если мы это сделаем, то погибнем сами. Заражен не корабль, а какая-то часть людей на его борту. Надо найти источник заражения и ликвидировать его.

– Нет никакого источника, Кид, никакого там заплесневевшего бутерброда, по которому ползают мухи. Именно деймы и есть причина мутаций, а деймы на нашем корабле повсюду. Они везде и, более того, интегрированы в универсальную систему защиты всего «Мирового змея».

– Для начала я бы отсюда слинял и сообщил куда надо, в соответствующие инстанции, хоть в ООН, будь она неладна, о запредельном уровне биологической опасности на этом мегакорыте…

– Для начала вам надо стать незаметным для службы безопасности «Батавии», – сказал Ман. – Эти идиоты будут выполнять свой долг, пока не пойдут на дно.

Ховерборд, повинуясь виртуальной консоли – девочка немного только пошевелила пальцами, – вильнул вбок и влетел в один из входов-гротов. Остановился в небольшом ангаре, на палубе тридцать. Мы оставили там летающую платформу, еще несколько шагов по шестигранному коридору, и перед Надей распахнулась дверь в жилой модуль, считав рисунок кровеносных сосудов ее руки. Похоже, она пришла домой.

Затем состоялась бесплатная экскурсия по резиденции небожителя – как я понял, это был спонсон левого борта, в районе тридцатой палубы сильно выступающий вширь. Чего только не позволяют учудить материалы, созданные механохимическими манипуляциями с молекулами и кристаллическими решетками. Кровать, размером с поляну, казалось, парила над свирепым океаном, чему способствовал пол из металлостекла. А матрас смахивал на сонную морскую гладь, безбрежный такой, с легкой зыбью.

Я прошел через ванную комнату, где освежился в небольшом грозовом облачке. Прогулялся по анфиладе в стиле барокко, здесь и соответствующие картины, показывающие радости аристократической жизни.

Заглянул в кабинет, где имелось множество старинных гравюр, изображающих чудовищ. Бумага, которой пятьсот лет, сохранилась лучше, чем наши накопители информации

двадцатилетней давности. Зверь из Жеводана, точнее вурдалак с французской гравюры XVIII века, был похож на монстров «Батавии». Такого, наверное, увидела в бабушкиной постели Красная Шапочка.

Я несколько задержался на молекулярной кухне, снабжавшей кушаньями хозяина горы. Чего стоит плита, напоминающая по количеству индикаторов атомный реактор. По счастью, разбираться с ней не пришлось. На столике, к которому была приделана робофициантка, стояло энное количество готовых блюд, заключенных в платиновые герметичные сосуды. Надя вообще ничего есть не стала, лишь кинула в рот несколько зашипевших пестрых шариков, а Ман ограничился чем-то похожим на мороженое, только светящимся и искрящим. Я же вроде как мяса отведал, которое выглядело розовым суфле – Надя, хихикнув, сказала, что это сделано из эмбриональной ткани ягненка. Испытав приступ вины перед братьями меньшими, я предложил робофициантке налить мне кофейку; но и тут засада – выбор из десятков видов кофейных зерен и способов приготовления способен утомить даже Геракла.

Махнув рукой на кофе и согласившись на бокальчик бургундского с полувековой выдержкой, выглянул в иллюминатор. До воды метров сто двадцать, если даже получится открыть его и выпрыгнуть – стопроцентная вероятность летального исхода. А волнение-то нарастает, опять ветер рвет барашки на волнах. «Мозес» возвращается из отлучки. Слипшиеся мглистые тучи вытеснили на самый край небосвода небесную голубизну и вот-вот дожрут ее. Какой-то этот ураган шибко настойчивый – экран-трехмерка над кроватью показывает одновременно несколько новостных каналов – и сразу пяток экспертов вещают о вполне возможном искусственном происхождении «Мозеса». Дескать, какие-то наночастицы диспергируют в атмосфере, образовав несколько золевых слоев на разных высотах, отчего между ними создается что-то вроде аэродинамической трубы.

А один эксперт сообщает вообще интересные подробности – здесь возможно экстра-волнение, появление волн-убийц из-за проблем в области океанского дна, где через трещины происходит выброс более теплой субаквальной или субмаринной воды, которая образуется при конденсации чего-то там в подземной магме. В самом деле, на подходе к «Батавии» датчики на «Принцессе Путри» засекли, что морская вода в этом районе теплее, чем должно быть.

– Мы можем начать не с корабля, а с Саймона Зеффа, – сказала Надя, облизывая мороженое на пуфике, напоминающем

спящего белого медведя, тот даже ворочался и урчал немного.

– Почему с него?

– Потому что из-за него все это – бессмертие для так называемых Избранных. Мануэл со мной согласен. Грохнем Саймона Зеффа, и полдела сделано.

– Сейчас Ман не против. А потом сдаст нас с потрохами… Парень, извини, но это же твоя родня. Хотя и у меня Саймон Главный Говнюк Зефф симпатий не вызывает.

Я, отключившись от сытости, усталости и винца – которое меня только усыпляет, продрыхнул с час.

И во сне я видел себя на ходовом мостике будто знакомого мне корабля. Экран радара смотрел на меня зеленым подмаргивающим глазом, а я глядел вдаль, заодно подмечая рукава своего темно-синего кителя, идеальные стрелки черных брюк на стройных нижних конечностях и начищенные до смоли ботинки. А потом палуба вдруг раскололась под ногами, а металл стал гореть и рассыпаться. И не осталось ничего вокруг, кроме раскаленного железа, огня и бурлящей воды. Хорошо, что проснулся.

И то, что детишки не сдали меня за это время, не позвонили куда надо со словами: «А мы плохого дядю поймали и усыпили», выработало у меня доверие к ним.

За здоровенным иллюминатором уже вовсю неистовал ураган. Вернувшись из отлучки, «Мозес» действительно стал сильнее и злее, возможно ему добавила жару та самая субмаринная вода; и теперь было ясно, что кого-то он точно накажет по грехам их. Волны уже не волны, а валы-здоровяки, поверх которых густо летела пена, вбивались в борт «Батавии», пробиваясь к внутренностям корабля-переростка, заполненным много из себя возомнившей биомассой. Но, по-прежнему, качка на мегакорабле почти не ощущалась.

Сейчас я видел «Принцессу Путри», она находилась с подветренного борта «Батавии», укрываясь от натиска стихии. И почти такое чувство у меня возникло, как у пацана, который видит свою мамку, но не может к ней подойти. Очевидно, что ремонтные работы не могли быть доведены до конца, пусть господин Чу и поставил кого-то вместо меня на роль распорядителя. Пробоина, наверное, заделана, и понтоны то ли выведены из-под кормы, то ли их просто разметало бушующим морем. Но хода у «Батавии» не было, дрейфует как миленькая, значит винт все еще не в порядке. Не было ясно и что с полусотней даяков, что обитали на малом понтоне. Приняли их обратно на судно? Или? Об альтернативе неприятно и подумать. Связи с «Путри» не было, не добивал мой слабенький трансивер

до нее или его сигнал глушили…

А с этой стороны иллюминатора была студия. Творческая мастерская Джейкоба Бонакасси, отчима Нади, в которой он когда-то самолично креативил свои симулякры. Джейкоба давно не было в студии и на корабле тоже. Он слишком много проводил времени в компании двух златокудрых мальчиков, генетически-отредактированных клонов клетки Eros-2X производства «Медузы» – на своей собственной яхте. Но потом в их теплой компании появился кто-то третий – наверное, для перчинки – и деймы не смогли защитить Джейкоба от грубого насилия. Он сейчас где-то в коме, хотя для публики его выставляют вполне работоспособным – в виде симулякра.

Но падчерица Надя в свое время сняла отпечатки с его пальчиков, а ее дружок Ман заранее сделал голографические снимки его зрачков и запястий рук вместе с характерным рисунком кровеносных сосудов. Прочие характеристики, в основном, внешние – были почерпнуты из многочисленных видео и объемных записей, где ранее охотно фигурял Джейкоб Бонакасси. Пока я кемарил, детишки на тридере напечатали маску господина Бонакасси, необходимую для моей дальнейшей экскурсии по кораблю. Сейчас маска валялась в углу вместе с фаллоимитатором, оставшимся от незабвенного Джейкоба.

Надя, вертясь по студии в ореоле из голографических бабочек, которыми управляла кибероболочка, отслеживающая местоположение визитеров, рассказывала, что именно здесь были созданы симулякры некоторых опер с участием знаменитых певцов, давно отправившихся в мир иной.

Мановением руки Надя превратила угол студии в ложу театра. Из нее была видна сцена, на которой присутствовали разом Мария Каллас, Пласидо Доминго и Монсеррат Кабалье. В этой студии создавались и симулякры популярных артистов для участия в фильмах. К примеру, наследники Бреда Питта продали его образ для создания симулякра, получившего название Снова Бред, за скромные сто миллионов долларов.

Можно было выбрать любой сюжет из тех, что напридумывал студийный искин, и он сразу же его экранизирует. Я не удержался, ткнул наугад пальцем в сюжет номер 100500 и за две минуты он был превращен в фильм на полтора часа – режиссером был указан сам Сирилл Зильберникоф, конечно, в версии 2.0. О том, как четверо подростков находят на пустыре труп, в котором узнают свою учительницу биологии. Один предлагает вызвать полицию, а трое других предлагают быть самими собой и реализовать скрытые желания. Один мочится ей в рот, другой дрочит и спускает на нее, третий ее вообще насилует. Тот,

который насилует, понимает, что она вообще-то не совсем мертвая. Действительно, она выходит из кататонии, и трое ребят приходят к выводу, что ее надо убить, чтоб она не рассказала об их проделках. А четвертый, который с самого начала хотел вызвать полицию, с ними вынужден согласиться. И вот они носятся за удирающей от них женщиной по пустырю и, наконец, настигают ее. Убивает ее железным прутом именно тот, который более всего не хотел ввязываться в эту историю. Забрасывают тело мусором и идут подрочить, чтобы как-то расслабиться. Тут дама оживает во второй раз, только теперь она реально зомби и носится за ребятами, разрывая их одного за другим. Последнего подростка, самого хорошего, она пронзает тем самым прутом. Он, последним усилием обнимая учительницу, нанизывает ее на тот же прут, так что и ей теперь не слезть с него, даром что зомби. Так они и будут обниматься на одной железяке, пока обоих не кинут в крематорий. Называется «Вечная любовь». И хотя я киношку, где крутят такой фильм, обошел бы стороной, как лепрозорий, однако указано, что потенциальное число зрителей – пять миллионов, потенциальные кассовые сборы пятьдесят миллионов долларов.

И в этой же студии был сделан симулякр «диверсии сил Боливарианской революции против "Батавии"».

На самом деле, как рассказала Надя, партизаны-боливарианцы даже не мечтали нанести такой удар. Выходя из своих пещерных укрытий, они максимум могли рассчитывать на удачный выстрел по бронемашине полицейского эскадрона смерти или вертолету штатовцев. Но симулякр сделал свое дело. Боливарианцев вытащили из подполья. Им показалось, что их позвали на уничтожение главных сил капитала. Но в головах у них работали нейроконнекторы, подменявшие реальность иллюзорной картиной мира. Ведь партизаны вдыхали на протяжении длительного времени распыленные в воздухе молекулярные машины. Проникнув в организм человека, те собирали сетчатую структуру контроля за нейронными связями. Это был симулякр третьего уровня, когда подчиненные ему персоны сами не понимают, что являются участниками спектакля. Те подводные аппараты, которые, как думали боливарианцы, выведут к «Батавии», привели их к месту, подальше от курортных пляжей, где их просто забросали глубинными бомбами и добили подводными дронами. После этого те бойцы, что не погибли в море, стали спасаться в карстовых пещерах Юкатана, но и там им оставалось недолго…

– Откуда-то это знаешь, Надя? В СМИ была дана совсем другая картина, что боливарианцы якобы захватили в заложники

дайверов и яхтсменов и потопили, если не «Батавию», так судно с бедными мигрантами, забыл его название…

– Картинки, транслируемые через СМИ, – это симулякр первого уровня, причем для его создания даже не требуются человеческие мозги. Прорисовка его осуществляется карманным искином Джейкоба Бонакасси. Распространение по коммуникационным каналам – виртуальными журналистами. Во всех этих «Нью-Йорк Таймс», «Таймс» и Си-Эн-Эн работают преимущественно машины, генерирующие текст, что обрамляет картинки. А знаю я, что произошло, потому считала память мамы… Она была среди тех немногих выживших боливарианцев, которые укрывались в карстовых разломах Юкатана. А судно с бедными мигрантами, в количестве трех тысяч, утопили дайверы из ЧВК «Блэкджек» – наемники Трех Горгон.

Далее за боливарианцами охотился спецназ, подготовленный в Штатах и получивший одобрение ООН – той, что со штаб-квартирой в Нью-Йорке, а не в Шанхае – на их уничтожение по всей Латинской Америке. Группу повстанцев, где находилась мать Нади, выкурили из карстовой пещеры газом направленного действия. И при выходе на поверхность их, конечно, встретил враг – поскольку они маячили своими нейроконнекторами.

Погибли почти все, в том числе, и человек, который мог быть ее отцом. Осталась в живых только ее мать. Маме удалось изменить личность, внешность, имя и фамилию, и сойтись с шишкарем из «Медузы» – Джорджем Дирксеном. Но потом Джейкоб Бонакасси сказал маме, что все знает о ней, он ведь информационный спрут. Чтобы он не выдал ее, она фактически предоставила себя для его опытов.

– Извини, но женитьба Джейкоба на твоей матери – а я так понял, что этот Дирксен резко двинул кони – тоже было опытом?

– В определенной степени, да. Джейкоб Бонакасси провел перепрограммирование и переформатирование многих отделов мозга моей матери с помощью психокодов, создающих искусственные нейронные соединения.

– Пожалуй, этот Джейкоб может поспорить за звание Главного Говнюка с самим Саймоном Зеффом. Но если произошло такое перепрограммирование, даже переформатирование сознания твоей матери, откуда же ты узнала правдивую историю? Не от матери же. Ты вот сказала, что «считала память мамы», и где она была записана?

– От меня узнала, – сказал Ман. – Я раньше не такой был, как сейчас. Развлекался хакингом ради забавы. Проникнув в студию Джейкоба, я нашел записи настоящей памяти, стертой из мозга госпожи Бонакасси, а также кластеров ложной памяти и

предпочитаемых моделей поведения, загруженных в ее мозг в процессе экспериментов. Чудно́ было первый раз видеть программный код, написанный для управления человеком. Puts behavior model; Interface Bonacassi {set function to_be_or_not_to_be(in Array pscycho_paterns[])}. И такое прочее. Это было сохранено на одном из нейрокартриджей, которыми можно было пользоваться точно так же, как и картриджами для игр глубокой виртуалки. Я тогда помчался к Наде, естественно, чтобы ее сильно огорчить. Она-то думает, что ее мама – приличная леди, а на самом деле – бандитка из «боливарианских бригад», которая готова топить суда, набитые людьми…

– Надеюсь, ты Надю не сильно огорчил. Как сказано у классика: «Друг друга любят дети главарей, Но им судьба подстраивает козни».

– С той встречи мы и подружились. От моего рассказа и показа Надя расплакалась, мне стало ее жалко; потом я подумал, что не так это плохо, что ее мама воевала за справедливость. Гораздо хуже то, что с ней сделали Три Горгоны. И потопление судна с невинными людьми тоже на совести Горгон. И Саймон Зефф с Джейкобом Бонакасси – чудовища, также как и многие другие, вовлеченные в проект «Miðgarðsormr».

– Сейчас случилось кое-что похуже, – сказал я. – Я не эксперт, точнее эксперт только в кулинарных вопросах, и вообще далек от политики, но, похоже, симулякр прекрасной жизни на кораблях «Мирового змея» заканчивается. Если деймы действительно вырвались на волю и начали менять хостов под себя, отчего люди, можно сказать, за свои деньги, превращаются в страхолюдин – то это не просто печально. И вообще тянет на апокалипсис, потому что непонятно, где и когда процесс остановится.

– А почему печально? Нас с Маном все устраивает, – легкомысленно заметила Надя. – Пускай проект «Мировой змей» катится в ад.

– Дорогие мои революционеры. Вслед за богатеями из проекта «Мировой змей» в ад покатится и остальной мир. Для деймов не существует табличек «вход воспрещен», они идут вдаль и вширь. Не будет никакого предела их распространению и, так сказать, пределов совершенствования рода человеческого. То есть тому, что они творят с людьми. Они не находят у хостов никаких признаков того, что те достойны индивидуального бессмертия. У всех этих суперпотребителей с «Батавии», маркирующих себя, как либертарианцы, веганы, квиры, спиритуалисты, трансгуманисты и так далее, не имеется никакой подлинной индивидуальности. Эгоизм, напористость и жадность, оказывается, не то же самое, что индивидуализм. От того, что ты приобрел крутую тачку и

набил стильную татуху, индивидуальности тоже не прибавляется, что бы там ни говорили рекламщики. Владение баблом, стремление выпендриться и всякие понты не сделают тебя личностью, как и использование модных брендов. Деймы, наверное, воспринимают людей не как собрание индивидуумов, а как коллективный организм, биомассу с общим генофондом. И если деймы так «улучшили» пассажиров «Батавии», то ничто им не помешает «улучшить» человечество повсюду.

– Да, я как-то не подумал об этом, – признался Ман, а Надя впервые потупила глаза.

– У нас есть низкоуровневый доступ к деймам? Колитесь, ребята, тем более что вы не такие уж зеленые. Ведь всякие высокоуровневые соединения с системой DEIM имеют хорошо эшелонированную систему защиты.

– Деймы постоянно обмениваются данными по анализу окружающей среды. И у них есть своя иерархия. В деймах попроще накапливаются конкретные сведения о хосте, в узловых деймах-серверах обобщается информация о человеке как виде, через деймы-ретрансляторы идет обмен информацией. Получается этакая усредненная картина человека, к которой они адаптируются и которую они со временем начинают адаптировать к себе.

Сказав это, Ман стал подключать нейрокабель к своему нейроинтерфейсу.

– Э, погоди. Ты хочешь влезть на их каналы связи?

– Да. Устроим им что-то вроде ddos-атаки, забьем своими данными их каналы и изменим эту усредненную картину на собственную, индивидуальную. Покажем, что главный критерий – это сохранение постоянной внутренней среды конкретного хоста. Тогда они сами запустят генерацию патчей и передадут информацию о необходимых модификациях другим деймам. Возможно.

– А деймы есть во мне?

– Наверняка теперь есть.

– Мне как-то неспокойно, когда в таких экспериментах задействуют несовершеннолетних. Лучше мужчина в расцвете лет вроде меня. Давай забьем их каналы моими данными.

– Беспокоиться обо мне нечего, я – боец. Но если вы осознанно выбрали риск, то можно и через вас, Кид.

Мне посадили на шею паучок нейроконнектора.

– Придется сделать инъекцию холиномиметика, чтобы отключить «дневное сознание». Мы это десятки раз делали, – сказала Надя.

– Давай.

Чувствительный укол в шею, и я стал отключаться, если точнее переключаться. А что, подумал я напоследок, для детишек-мажоров хороший случай, чтобы распотрошить меня. «Мясной конструктор», так это у некоторых называется.

А потом я осознал, что нахожусь внутри всего DEIM, который мог быть одним существом, единым организмом, только дисперсным. Может быть, одним роем.

Первым делом я усек, что у деймов свое время, не стрела, не река, а множество мелких струек, поэтому они успевают сделать так много, пока мы даже не осознали, что прошел миг.

Я был сразу одновременно в миллионе мест, везде, где действовали деймы или бездействовали, затаившись и ожидая своего часа – впрочем, их час равнялся нашей миллисекунде. И в прекрасных постоянно обновляющихся телах олимпийцев. И в уродливых организмах монстров. И за пределами кораблей проекта «Мировой змей». Деймы действительно ушли далеко за границы, поставленные господами из «Зефф Итернити». Я чувствовал, как булькают пузырьки в кишечнике у обжоры при виде жирной хорошо прожаренной сосиски, как бурлит кровь у мачо, когда он пялится на жену соседа, которая, приподняв зазывный зад, моет лестницу, как зависть сдавливает горло у завистника, когда он смотрит на шикарный особняк соседа, чувствовал полыхающее наслаждение, которое несется по сосудам садиста из какого-то эскадрона смерти, когда под его ботинками ломаются кости стонущей жертвы.

Я сенсорно был в кровотоке некоего зверька, наверное крысы, чувствуя вязкость жидкости и легкое покалывание от эритроцитовых дисков, видя заросли мышечных волокон. Я протекал по углеродным нанонитям и ниобиевым проводам коммуникационных сетей, меня подгонял электронный ветер, который раскачивал гудящие от возбуждения ионы, я нырял в пульсирующую электронную гущу квантовых ям.

Меня погрузило на какую-то невероятную глубину, где исчезла множественность объектов. Мое сознание расстаяло во мраке без опознавательных знаков, я потерял себя. Но все же почувствовал, здесь кто-то есть, некий обитатель. Наблюдатель, хозяин? Я сразу понял, что это не человек. А потом меня разом выбросило из бездны. Я не справился.

– Э, Кид, вы слышите меня? Очнитесь, – донесся голос Нади. – Нам пора уходить.

– Черт, меня деперсонализировало.

– Служба безопасности засекла нашу активность и обрубила каналы связи с DEIM. Ребята из секьюрити скоро будут у нас. Видеокамеры показывают, что они на всех парах несутся к

апартаментам Бонакасси. Но вы не волнуйтесь, мы сейчас смоемся.

– Смоемся? Но многие пассажиры заражены. И не только те, кто превратился в монстров. Сами же знаете.

– Мы их будем распознавать, – убедительно сказала Надя и пояснила: – Они же ведут себя как-то иначе, не совсем обычно. Они либо беснуются, либо напротив очень приветливые, улыбаются приторно.

– Да, в ваших фильмах оборотни так себя и ведут. А русские в ваших фильмах танцуют калинку-малинку и хлещут водку гранеными стаканами, потом надевают шапку-ушанку ухом вперед и идут расстреливать «борцов за свободу». Ладно, куда?

Смываться надо было по вентиляционному каналу, что на кухне за плитой-реактором. Вверх, опираясь на ребра стенок – что худым подросткам давалось легко, – а меня же заставило попотеть. И далее по горизонтали.

Надя нашла люк по стыкам, ногти у нее были железные, подняла его, и мы спрыгнули в открывшееся отверстие. Помещение, куда попали, было техническое, напоминало теплоцентраль. Здесь было жарковато, что меня сразу насторожило. Так и есть, из-за кожуха пневмонасоса выглянуло хавало вурдалака, с бодрым стрекотом стали раскрываться челюсти. Я от испуга подхватил какую-то железяку и запустил в него. И тут невидимые щупальца, обхватив ногу Мана, потащили его к приветливо распахнувшейся пасти монстра. Стрелять было опасно, силуэт парня на фоне твари. Я бросился вперед, опережая Мана, чтобы отрезать щупальца крисом. Успел на этот раз, даже понял, как резать – несколько наискосок, как спаржу.

– Тикай, – крикнул я Ману, а надо мной уже склонялся стрекочущий зев, похожий на огромный морской анемон. Попутно вурдалак увещевал меня: «Закрой глаза, тогда будет не страшно, и боль не успеешь почувствовать». Пора стрелять в брюшную капсулу и это будет предательски громко. Выстрел, и, брызнув бурыми соплями, монстр испекся.

Я вскочил, поскользнулся на какой-то подлой слизи, но Ман помог мне снова встать и набрать ускорение. Из машинного помещения мы переместились в коридор. И сразу сзади голоса: «Стоять. Будем стрелять на поражение». Это секьюрити.

– Нет, Кид, не останавливайтесь, – крикнула Надя, – они не будут стрелять, потому что мы вас прикрываем. Мы ведь Избранные.

И тут я увидел, как на группу секьюрити и сверху и сбоку бросились монстры. Одного охранника сразу разорвали, только кишки и мелькнули, в сторону отлетели его ботинки и

бронежилет. Другого потащили, и, судя по дрыгающимся ногам, ему пережали глотку.

Ну, как я могу сбежать, глядя на это, пусть даже Ман и Надя тянут меня за ремень.

Выстрелил – завалил одного монстра, потому что целил туда, где у него нервный узел: в брюшной капсуле слева от пупа. Но и патронов теперь – один остался.

Рядом возникла тварь, раскрывая со стрекотаньем свой зуботрон. Я догадался, что сейчас будет и, подхватив бесхозный окровавленный бронежилет, поставил его на пути потока жестких заостренных нитей, практически игл. Затем зашвырнул его прямо в зев твари. Этого пока хватило.

– Теперь тикаем, детки.

– Оставаться на месте, кладете оружие, никаких резких движений.

Я аккуратно обернулся, трое охранников зашло с другой стороны. Среди них Бонакасси. Три ствола наставлены на меня, смотрят так пристально воронеными глазами. А ребятишек не видно – успели сдернуть, и правильно.

– Госпожа Бонакасси, я только что из этого оружия успокоил несколько монстров и спас ваших людей. Где благодарность? Я не про поцелуйчик в углу, а про то, чтоб нам разойтись миром. Я сделал то, что не делает ваша пресловутая универсальная система защиты, для которой монстры – не монстры, а вполне стандартные симпатичные объекты.

Однако тактика моя оказалась бита.

– Пятницкий, кладите оружие на палубу, плавно, но в темпе, все разговоры на потом, – распорядилась госпожа Бонакасси мерным голосом автомата, словно ей кто-то вставил и повернул ключик.

– Я знаю, как с ними бороться, уже наблатыкался; оставьте мне оружие и включите в свои ряды, точнее пошлите вперед. Ваш корабль – источник серьезнейшей биологической опасности. Это просто клоака, чертова задница, адская жопа, плывущая по волнам.

– Это не ваша проблема, вы – нарушитель, проникший в пространство, представляющее частную собственность. Согласно инструкции по мерам борьбы с пиратством и незаконными вторжениями, я имею полное право вас уничтожить в случае вашего неподчинения.

У нее там и в самом деле психопрограмма исполняется. Давить ей на совесть все равно, что заводной игрушке.

– Господи, какая собственность? «Тайна крупных состояний сокрыта в преступлении», – это еще Бальзак сказал.

Однако цитата из Оноре де Бальзака не произвела на госпожу Бонакасси никакого впечатления. Она взвела курок своего «Вальтера», ее палец начал уже давить на спусковой крючок, а татушная змейка на шее стала цвета грозового неба.

– Е-мое, я не хочу, чтобы меня убивала дамочка с красивой круглой попкой, пусть меня кокнет какой-нибудь грубый мужлан, которого потом за это будут круглосуточно жарить в аду на его же прогорклом жире.

Нет, ничего не изменить, моя голова – легкая мишень, как в тире. Мгновение, и мои мозги на стене, а я в лучшем мире. Или вероятнее, что в черном погребе навсегда.

Но в следующее мгновение вспышка, ослепление. В слепящем облаке я двинул кому-то из охранников левой рукой, похоже, нарисовал «незабудки» под глазом, еще одному локтем под дых. Около моего уха свистнула пуля, и я рванулся вперед. А затем кто-то ухватил меня за руку – я догадался по мягкой ладошке, кто это – и потащил.

Я стал что-то различать пару минут спустя. Смеющаяся Надя и ухмыляющийся Ман. Мы где-то в подсобке для интеллектуальных пылесосов, которые дружно попискивают и помаргивают светодиодами, обмениваясь информацией по прошедшей уборке, но не проявляют никакой агрессии.

– Оторвались?

– Пока что. У нас есть бомбочки-ослепушки, а также хлопушки-вонючки и козявки-липучки. Мы же революционеры. Но, кажется, Бонакасси все же разглядела меня…

– Ты называешь ее просто Бонакасси? Это ж мама.

Девочка тряхнула головой.

– Не могу ее называть мамой или как-то вроде, она ведь словно биоробот себя ведет. Бонакасси вообще никогда мне не рассказывает ни о чем, только дает мне задания – научиться играть на фортепьяно, нарисовать картинку, выучить физику. Вот и все общение с ребенком. Для нее существует только работа.

– Хорошо же, что работа, а не вечеринки какие-нибудь и не пьянки с мужиками.

Надя стала старательно перевязывать мне кисть, рассеченную нитями-невидимками, своей банданой, помахивая жесткими прямыми волосами, – как у персонажей аниме.

– А вы, Кид, думаете не только о работе и не только о себе, вы лучше. И неважно, что вы забавный толстяк, вы – крутой. Я бы хотела, чтоб у меня была такая мамаша, как вы; точнее, папаша.

Глава IV

«Батавия». Огонь

Через динамички трансивера, смонтированные мне в височные кости, прямо в голову с рычанием ворвался сигнал пожарной тревоги: где-то на нижних палубах пожар. У моих ребят, наверное, это хозяйство было покачественнее имплантировано, они даже не поморщились.

Сейчас и ежу понятно, не только специалисту по пожарной безопасности, кто-то от чего-то избавляется. К примеру, начальник склада сам поджигает его, чтобы скрыть следы хищения крупы и тушенки, а потом пишет слезливый рапорт: «Ой, не доглядели». А начальство из «Зефф Итернити» таким образом скрывает ляпы, допущенные при проектировании деймов; монстры на нижних палубах должны сгореть или задохнуться от продуктов горения.

– А теперь послушайте, несовершеннолетние граждане мажоры, что скажет старший опытный товарищ в моем лице. Надо убраться с этой палубы, пока ее не заблокировали. И во главе колонны пойду я. Если вы, дети, не представляете, как ходят колонны во главе с колонновожатым, со знаменем и барабаном, то просто ступайте за мной след в след.

– След в след? – переспросила Надя. – Но это же не мокрая земля, следа не видно.

– Да я фигурально, русские всегда так говорят, а ты потом догадывайся, что бы это значило.

Разобравшись, ребята бросились исполнять указание, как самые дисциплинированные гансы и фрицы.

В коридоре почувствовался запашок горения, что мне сразу не понравилось. Вдобавок воняло конкретно тем самым неаппетитным веществом, несмотря на всю систему универсальной защиты. Ирония судьбы – именно «говном» прямо или косвенно называли гордые олимпийцы нижестоящие страны и народы. И сейчас данное вещество сильно давало о себе знать. То ли прорвало канализацию, то ли целый табун пассажиров очень сильно перебздел.

Выйти с палубы еще можно было, но обычные трапы перекрыты, так что остается линять через аварийный шлюз.

– Ман, быстренько махни рукой перед сканером двери, должна же опознать.

Задрайки двери отошли, и это внушало оптимизм, только вскоре после выхода из шлюза я наткнулся на какого-то типа, едва лбами не столкнулись, будто он меня поджидал. И хорошо,

что детишки топали сзади.

И хотя обычно психика не настроена на сюрпризы, я уловил, что человек наводит на меня ствол пистолета калибра 3-мм, который как раз выходит из интракорпорального вкладыша около его запястья. Калибр вроде жалкий, а стреляет иглозарядами, что распускаются в теле жертвы подобием крючковатого цветочка, разрывая заодно внутренности. Про применение этих штук – ооновскими силами против боливарианцев и спецназом Атлантического Альянса против ополченцев Новороссии – видеозаписей полно в темнонете. Я отметил, что этот тип очень высокий – вроде того шестого бандита, который не успел добраться до меня в Технонезии. И представляет он службу безопасности «Батавии», судя по нашивкам.

Говнюк из секьюрити был совершенно готов ко встрече со мной и собирался выстрелить. Рефлексы, по счастью, сработали у меня вовремя, я не стал терять времени на сентенции: «Позвольте, вы меня с кем-то путаете». Уклонился в сторону, заодно отводя стреляющую руку противника, затем заехал ему коленом в живот и, когда он согнулся, приложил сверху локтем по черепу. И в конце совместного упражнения распрямил этого типа удачным апперкотом, попутно отправив в нокаут.

Нет, показалось, что отправил. «Нокаутированный», который только что упал с немалым грохотом, вдруг выгнулся отличной дугой, опираясь на руки и ноги – прямо гимнаст с чемпионата мира. И следом резко вернулся назад в вертикальное положение. Вот это акробатика!

Его стреляющая рука опять протянулась в мою сторону, отчего я сам резво шлепнулся на задницу – от испуга, конечно, а не потому, что такой ниндзя. И пучок разящих игл прошел поверх хохолка моих оставшихся волос. Все-таки удалось притормозить этого типа, одной ногой зацепив его за щиколотку, а другой ударив под колено. Он снова завалился. И надо же, непробиваемый какой, опять встал в ту же позицию – дугой. Только на этот раз он не выпрямился, а пошел этакой раскорякой ногами вперед. К нам. Тут и железная Надя взвизгнула.

Жутковатое зрелище, прямо скажем. Даже я почувствовал, как шевелятся последние волосы у меня на макушке. Голова у того типа свисает вниз, но шарит взглядом выпученных глаз, как корабельный прожектор. И суставы у него работают в обе стороны.

По счастью, и на «Батавии» были щиты с инструментами для борьбы с пожаром, в том числе и гламурные блестящие топорики, весьма отличающиеся от своих грубых собратьев с военных кораблей той поры, когда я служил. Но и у гламурного топорика

было лезвие, которое я совершенно невежливым образом загнал в лоб оппонента, как только он меня догнал. Хорошо загнал, потому что и за детей испугался. Притом почувствовал, как ломается кость. Однако этот тип и с проломом во лбу не остановился, как будто мозг у него в другом месте. Пришлось разок ему добавить для надежности – по шее.

Наконец человек из секьюрити смирно улегся на спине, загнув под себя руки и ноги и напоминая огромного издохшего жука.

– Так, мальчики и девочки, здесь детям до восемнадцати просмотр явно запрещен.

Я наклонился к лежащему, а вслед за мной, посрамляя очередной запрет, Надя и Ман. Охранник был определенно мертв, зрачки – черные дыры. Но совесть моя осталась чиста, как мне кажется; он сам этого хотел, то есть упорно нарывался.

Лицо показалось мне знакомым, тонкая полоска губ – как слот в банкомате – оттянута к низу от носа. Этот перец – типичный наемник, такой за бабло порвет родную мать на лоскутки и после этого спокойно полезет в холодильник за пивасиком. Ранее в какой-нибудь зондеркоманде работал, теперь доорудовался на «Батавии». Но в реальной жизни я, конечно, с ним не мог встретиться, просто все гады на одно лицо. Или мог, в Технонезии? Может, в самом деле, тот самый шестой… Это он что, улыбается с того света? Все, дескать, путево, в аду теперь курорт, серой почти не пахнет, начался купальный сезон в озере с расплавленным свинцом.

Нет, дело, пожалуй, в другом. На физиономии у мертвого охранника появились вибрирующие бугры. Под кожей как будто что-то билось, дергалось, металось, пытаясь выйти наружу. Это что еще за загробная гимнастика?

Я инстинктивно подался назад, потянув с собой и ребят. И прямо из пробитой головы охранника, из глаз, ушей, из раны на шее пошли, да что там, повалили пузыри, как из таза, где идет стирка с порошком. Затем стали выпрыгивать нити, первая, вторая. Елки, у каждой собственное движение. Крохотная бусинка на конце ослизненной ниточки – глазок, что ли – словно выбирала направление.

Голова покойника – а точнее, беспокойника – вдруг целиком раскрылась по теменному шву; мой удар топориком явно поспособствовал. Прямо как цветок, разве что с легким хрустом. Из нее выкатился клубок нитей с гроздью пузырей внутри. Из-за седого окраса нитей казалось, что из человеческой головы вывалилась башка ведьмы.

Этот седой кокон удалось ненадолго придавить одним из

произведений искусства, украшающих переходы корабля – конкретно картиной «Шабаш» Сальватора Розы.

В общем, если без истерики – «выпустите меня отсюда-а-а!!» – мы наблюдаем новый вариант мутации. Какая-то инвазивная структура жила в этом, с позволения сказать, хосте, не трансформируя его, сохраняя скрытость до его гибели. Наверное, такого расширения эволюционных стратегий у деймов можно было ожидать, скажет какой-нибудь ученый. Только я далеко не ученый. Поэтому с трудом преодолел приступ паники. Даже жарко стало и блевануть захотелось, после того как подумал, что такой же кокон, может быть, зреет внутри меня. И пока дремлет, вернее выжидает удобное время для эффектного выхода на сцену, чтобы, порвав меня, выскочить наружу и поздороваться с публикой, тряхнув длинными седыми волосами, как маэстро дирижер. И обратный отсчет уже идет. А пока он ползает по моему организму, опутывает все своими ниточками, небось потихоньку выглядывает из носа и ушей, но я пока не замечаю.

– Теперь созданные деймами структуры могут менять поведение хоста наиболее эффективным образом, не вызывая раньше времени заметных пугающих трансформаций, – подытожил я академическим голосом, хотя в глотке пересохло и слова с трудом продирались сквозь нее.

– Почему тогда он сдох? Что тут «наиболее эффективного»? – ехидно поинтересовалась Надя, для которой реальный дохляк был чем-то вроде персонажа из аркадной игры, где на вас ежесекундно выскакивают монстры, один краше другого, а вы их грохаете с одного выстрела – бум и блямс.

– Это ж пехота, пешки. Деймы, даже согласно техзаданию, не должны обеспечивать техническое бессмертие обслуживающего персонала, только оптимальное его использование. Да и, наверное, у них появилось собственное мнение насчет того, кто достоин бессмертия.

Беседа была прервана, потому что «седые волосы ведьмы» прошли сквозь картину «Шабаш» и, соединившись в космы, двинулись по трем направлениям, ко мне, Ману и Наде.

С визгом и криком наша компания кинулась наутек.

На бегу мне думалось, что с «Батавии» надо было поскорее линять, это однозначно, и мне плевать, заразный я или не заразный. Я чувствую растущие крен и дифферент корабля – у меня сейчас вообще чувствительность обостренная, и это тоже весьма подозрительно. Получается, с корпусом проблемы. Они никуда не исчезли, сейчас вовсю идет поступление забортной воды. Дело не ограничилось одной пробоиной в корме, я же видел на корпусе и другие пятна. А наверняка имеются и те, что я не

видел. Это же свидетельства взрывной коррозии, разъедающей и пробивающей борта «Батавии».

Но можно ли вообще слинять с корабля-монстра, где бегают орды мутантов-вурдалаков, а у охранников седые коконы в голове, и который вдобавок окольцован сильнейшим ураганом десятилетия?

Мы поднялись по трапу на палубу выше, и там можно было отдышаться, заодно оглядев пейзаж через большой иллюминатор. «Принцесса Путри» пока что болтается с подветренного борта «Батавии», всего в одном кабельтове. Тяжело переваливается через гребень каждой волны, по верхней палубе вовсю гуляет вода, однако судно не уходит пока что. Как будто ожидает чего-то или кого-то. Может, меня еще ждут. Если так, то расстроган.

– Граждане дети, я за то, чтобы сваливать с «Батавии» – всем нам. В противном случае, неизвестно, что прикончит нас раньше: шторм, учитывая, что корабль явно имеет нарастающую течь и внутрь прет вода, пожар или взбесившиеся деймы. А с такими гнилыми пассажирами и командой оно непременно утонет.

– Голосованием подобные вопросы не решаются, – сказал Ман. – Я согласен слинять отсюда, если согласится Надя.

– А я не согласна слинять отсюда, – капризным голосом произнесла Надя. – Ведь, может, получится так, что мы вынесем заразу с «Батавии». Надо думать обо всем человечестве и постараться утопить корабль вместе с зараженными… и с собой.

И она несколько истерично хихикнула.

– Надя, не впадай в крайности. Я к человечеству нормально отношусь, если не считать времени сезонных распродаж, когда оно ломится за какими-нибудь ершиками для унитазов, но оно точно о нас не думает, – напомнил я. – Может, зараза передается, как автоматическое обновление программного обеспечения у деймов, то есть по каналам связи, тогда твое самопожертвование ничего не изменит. Получится, что назло маме отморозили уши. И если мы до сих пор в порядке, значит, нас эта зараза не берет. Как говорил мой дед, зараза к заразе не пристает. Короче, надо найти шлюпочную палубу и попробовать на шлюпке преодолеть расстояние до ремонтного судна. Притом лучше пришпорить коней, «Принцесса Путри» может свалить когда угодно. На «Батавии» же наверняка отличные шлюпки XXI века, герметичные, с водометным движком и автоматическим управлением. Уйдем от подветренного борта, и будет хороший шанс добраться.

– Я как-то у дяди слямзил код доступа в киберсистему корабля и качнул оттуда подробные схемы всех палуб, ну и сохранил эти сведения в персональном чипе, чувствовал, что пригодятся, – вовремя признался Мануэл; похоже, он не такой уж

далекий родственник Саймону Зеффу. – Только они какие-то не наглядные. Выведу сейчас вам через близкосвязь.

У меня на дисплее очков открылось виртуальное окно и завертелась объемная модель «Батавии». Движением руки можно вытащить каждую палубу в отдельное окно, увеличить, повертеть вокруг разных осей. Понятно, что Ману она не очень глянулась, инженерная слишком.

– Самый быстрый проход к шлюпочной палубе через рекреационную зону «Камелия». Если не ошибаюсь, далее блок оранжерей, за ними подъемники, – подытожил я, освоившись со схемой, хотя был уверен, что Надя в ней разобралась лучше и раньше. Только сейчас она была «в отказе». – Надо торопиться. Монстры, спасаясь от огня, прут сейчас, спотыкаясь друг о друга, на верхние палубы. Огонь в железе – хуже не придумаешь, так что я их понимаю.

Под моим пальцем на схеме стал рисоваться маршрут.

– И хотя я против, пойду за компанию. – Мстительно засмеявшись, Надя кинула в меня пластиковой физиономией господина Бонакасси. – Придется на вас, Кид, нахлобучить маску Джейкоба – иначе универсальная система защиты будет распознавать вас как чужого и подавать сигналы тревоги. Вам не позавидуешь, компаньеро.

Нашла повод для смеха, я же, как восставший из ада, буду выглядеть с этим «мейк-апом».

А Ман протянул мне что-то вроде кубика Рубика.

– Это элайзер, электроимпульсное устройство. У меня с Надей такие же. В общем, самоделка, напечатанная на тридере, поэтому не перепутайте, где у нее зад и перед. Луч от ультрафиолетового лазера протыкает воздух, создавая зону ионизации с токопроводящим каналом. Мишень получает шестьдесят тысяч вольт – наверняка ей хватит. Тем, кто одобряет использование электрического стула, – получить такое угощение будет вполне справедливо. Кстати, заряда хватает на пять выстрелов.

– Где ж ты раньше-то был, дорогой? Нас чуть не прикончили несколько минут назад, меня-то точно едва не оприходовали.

Небось, боялся, что я по ним стрельну, тоже, значит, не доверял до конца. Увы, по мнению многих граждан, толстяки не вызывают доверия; и кто там будет до души докапываться через сантиметры жира.

– Это ж незаконная самоделка, – нашелся Ман.

– Тоже мне революционер в коротких штанишках. Законы пишутся так, чтобы они были выгодны именно тем, кто их пишет.

Потом пришлось натягивать эту дрянь – самого Джейкоба

Бонакасси – как маску на свою голову. Намучился по-страшному, поскольку я точно толще в щеках, чем этот глист. В зеркале я теперь был похож, скорее, не на дрища Монтверме, а на зомби, пережравшего человечинки, да и то такое сравнение выглядело комплиментом. Еще и «перчатки» надел, чтоб у меня были отпечатки пальцев, как у того перца, потому что многие ручки дверей автоматически проверяют «свой или чужой».

– Подождите, Кид, надо активизировать мимическую мускулатуру маски. Иначе будете выглядеть как сытый покойник.

Надя активизировала актуаторы маски со своей виртуальной консоли, и зомби заулыбался.

До конца коридора быстрым шагом. Задымления тут пока нет, почти, иначе бы заработали спринклеры. Лифт еще работает и доставляет нас на нужную палубу – теперь я уже не бесплатное приложение к тинейджерам-мажорам, а раздутый двойник самого мистера Бонакасси.

Через рекреационную зону шли быстро, не задерживаясь. Здесь были катки и бассейны, укрытые под кронами ранее не существовавших дизайнерских растений, огромные листья которых были размером с крышу коттеджа. Теннисные корты и гольф-поля, где трава напоминала шерсть пушного зверя. Всякие развлекалочки, например аэродинамические трубы, замаскированные под огромные цветочные бутоны, над которыми можно летать, как шмель. А еще там был здоровенный квазиживой динозавр. Залезаешь ему в пасть, вылетаешь из анала, промчавшись по кишкам – весело и с намеком.

И, когда я был уверен, что «Камелию» мы проследовали благополучно, из-под куста к нам бросилась женщина, таща за собой ухоженного, моложавого, но все же ясно, что старика с прохудившимися мозгами. И пусть кожа у него не собиралась складочками, а была глянцевой, как обложка гламурного журнала, его внутреннее состояние определялось по соответствующей бессмысленной улыбочке. И по глазам, отражающим старческий маразм, который не устраним никакими деймами. Неужели по мою душу?

– Стойте, мы с вами. Вы ведь тоже ищете спасения из этого плавучего гроба, правда же. Я час вызываю все службы, даже скорую помощь, и никто не дает никакого вразумительного ответа. А я вижу, что мы горим, тонем и вдобавок по кораблю гуляет какая-то жуть. Они похожи на орков, только страшнее! – старательно выкрикивала женщина. – Помогите нам, мы этого заслуживаем. Я – Синтия Сесспул, вы же наверняка слыхали о памперсах для взрослых фирмы «Сесспул», тех самых, с механохимической нанопереработкой жидких и твердых отходов

жизнедеятельности. А это мой отец Клод, он основал фирму после многолетней военной службы. Не сомневайтесь, он может быстро ходить. И мы можем устроить вам крупную партию памперсов с большой скидкой.

Слышал про памперсы, но, чур меня, стараюсь без этого дела обходиться. Хотя знаю, что сейчас многие офисные работники их носят, потому что начальство пускает «менеджеров среднего звена» в туалет только раз в день; если сходил два раза, то уволят и поменяют на виртуального эксперта.

У дамы острый нос, с вытянутым вперед кончиком, как у синицы; у ее папы тоже птичий, но закрюченный книзу, орлиный. Вот шайтан же вас принес, птичек быстроходящих.

– Я не пень какой-нибудь, – хихикнул старик. – Не пень, а конь. У меня еще все пучком. Месяц назад я в Маниле был с женщиной. Кинул ей пять раз за ночь, причем каждый раз она была ужасно довольна. Ей было всего…

Ужас, он вдобавок и говорливый как попка. Надеюсь, и ты, «конь», все же попадешь к сатане в гости и он тебе пять раз засунет занозистую шпалу в зад, чтоб ты тоже ужасно довольный был.

– Папа, – дернула его за руку Синтия, – не время для этого.

– Да зачем их тащить? – справедливо сказал Мануэл. – Обычные крупные буржуа, которые считают, что если у них миллионы бабла, то Господь их любит и обязательно пришлет им на помощь хранителей и спасителей. Пусть залезают в пасть динозавру и вылезают у него из задницы, если они уж такие специалисты по калу и моче.

– Нет, возьмем их, – сказал я после краткого раздумья, – будем действовать по-людски, пока есть какая-то возможность. Чтоб не у них, а у нас было все в порядке с душой. Но если они начнут превращаться, лично их кокну с превеликим удовольствием.

– Я согласна, по крайней мере, сейчас они выглядят незараженными, – кивнула Надя. – Люди, двигайте за нами. Надеюсь, мы идем правильным курсом.

Старичок сразу ухватил меня под руку, так что я быстро пожалел, что взял его на буксир. Вдобавок он стал тарахтеть мне прямо в ухо, дыша с близи каким-то яблочным запахом с легким оттенком гнили.

– Тридцать лет на военной службе, молодой человек. И всегда безупречно. Помню, лечу над лесом, в своем «А-4», а внизу тропа, по которой едут старые советские грузовички. Понятно, что полное дерьмо, телеги с мотором, и в них набиты вьетконговцы обоего пола, от мала до велика. Они меня заметили и стали

сворачивать в лес. Я, ни минуты не размышляя, нажал на гашетки. Они петляли, как зайцы, но все это кончалось одинаково: бух – и грузовичок разлетелся в хлам, бах – и руки, ноги летят во все стороны. А что, собственно, маленький вьетконговец вырастает в большого.

Вот гнида, советский ЗИЛ-131 – нормальная машина, Урал-4320 вообще супер по проходимости. Сейчас дал бы тебе по сусалам, чтоб сопли вместе с гнилыми мозгами к потолку прилипли, но нельзя; дедушек обижать – это не по-православному.

– Папа, это было не с тобой, а с твоим папой. И, вообще, не время, – пыталась остановить его дочь.

– Да, да, – легко согласился старичок, – но и со мной был похожий случай. Летел над лесом на своем «Бородавочнике». А там была грунтовка, по ней ехали дерьмовые грузовики, набитые сербами от мала до велика. Они стали сворачивать в лес. Я сразу ударил по гашеткам моей семиствольной автоматической пушки GAU-8. Они петляли, но все равно рано или поздно я их подлавливал, давал очередь на одну-две секунды – а это от шестидесяти до ста двадцати снарядов с урановым сердечником. Грузовики вспыхивали будто картонные и разлетались как шутихи, когда врезались в деревья или переворачивались, сыпля искрами словно бенгальские огни. И знаете, ни секунды не раскаиваюсь. Честно говоря, я испытал тогда почти такое же наслаждение, как от соития с юной девой – отзывающееся во всем теле, особенно в спинном хребте, волной сладких ручейков. Да, тогда у меня была жизнь. Хотя я однажды обделался в самолете, прямо в кресле пилота, с натуги – на выходе из пикирования. То есть сперва обписался, а затем, так сказать, громыхнул из главного орудия. Тогда и подумал, что, выйдя в отставку, обязательно займусь памперсами. В конце концов вылет на боевое задание должен быть, куда более комфортабельным занятием, чем купание в собственном дерьме.

Если бы ты в нем утонул своевременно, я сейчас тебя не слышал. Гнида ты в квадрате, Сесспул. Захотел людей гробить более комфортабельным образом. Еще пару слов от него, и я точно не удержусь, размажу летчика-налетчика по палубе.

– Это как раз обыграно в последнем рекламном ролике фирмы «Сесспул», – напомнила его дочь. – Там как раз летит летчик и стреляет, а потом начинает кривить нос, потому что понимает, что наложил в штаны. А следующем кадре он уже, как ангелочек, голенький, только в памперсах, летит среди облачков и прыскает из водяного пистолетика.

– Вам же сказано, идти за нами, а не с нами! – наконец

рявкнул мальчик Ман. Когда он рядом с Надей, то совсем притихший, а теперь несколько расковался. После окрика от салаги старичок прекратил нести байду и чуток приотстал.

В оранжереях было до сих пор хорошо. Панели испускают лучи – один к одному, как солнечные. Цветочки, бабочки порхают, птички чирикают, и столь мощный букет запахов, что никакой глюкософт с самым навороченным нейроинтерфейсом такое не изобразит. На ботинки налипла сырая земля и какие-то раздавленные плоды, источающие ароматы зрелого лета. Забываешь, что под здешней почвой нет незыблемой коренной породы. Что это просто уголок в стальной коробке, окруженной со всех сторон бушующей водой и психующим ветром.

Про шлюпочную палубу явно знали теперь не только мы. В оранжерее, где над яркими цветами, сочными как губы красотки, усердно стрекотали крылышками колибри, то ли живые, то ли квази, на батарейках, к нам присоединилась толпа пассажиров, человек пятнадцать. Вот тебе на, целое стадо Избранных, уверенных, что заслужили спасения.

– Извините, но я оповестила своих знакомых, – сказала Синтия и непринужденно хихикнула, Ман укоризненно посмотрел на меня, а я мысленно, но заслуженно заклеймил женщину нехорошим словом из пяти букв.

– Ингрид де Фикельмон, – Синтия показала на яркую белобрысую даму, в которой я узнал особу, которую видел в обезьяньем приюте. Успела, видно, попасть на «Батавию» в аккурат к тому времени, когда началось самое интересное. – Она – хороших лотарингских кровей, свой замок где-то во Франции. Недавно на нашем корабле, потому что любит путешествовать одна и наугад. Покупает билет в какой-нибудь первый пришедший на ум город, хоть за тысячи миль, знакомится там с первыми попавшимися на глаза людьми…

– Мужчинами, – поправила красотка и ущипнула меня за жирок; хорошо хоть не узнала, благодаря маске. И вдобавок зареготала, как лошадь, аж уши заложило. – И непременно отдаюсь им при первом удобном случае, как настоящая трансгуманистка. Бесплатно! Некоторые думают, что заражают меня или закидывают мне живчика. Да только наоборот, всегда. Я их оставляю с полным набором гаденышей, микромехов, которые во мне инактивированы, а в них наоборот. И что? Правильно, нечего напрыгивать на первую же попавшуюся невинную деву, пусть она и похожа на потаскуху. Так что я не Ингрид, а Немезида.

Расстрелял бы ржущую тварюгу, впрочем, они тут все как на подбор. А Клод маразматически одобряет, тоже ржет, не боясь

потерять вставные зубы в отличие от старичков прежних времен, и вдобавок по-приятельски тычет мне в бок костлявым локтем: «На такой кобылке хотел бы покататься любой уважающий себя ковбой».

– Я бы не стал на ней кататься, даже если б она поделилась со мной замком.

Синтия же считает своим долгом представить остальных драпающих – как принято в «хорошем обществе».

– Тот самый Фельшман – король чипсов и прочих снэков, – показала Синтия на человека, у которого на лице собрались в кучку, как на тарелке, глазки, носик и ротик. Он точно не лотарингец и не бургундец. – Наверное, вы не знаете, что он был президентом в какой-то периферийной стране, и религиозным лидером он тоже был. И даже комиком был, от его танцев на каблучках можно было помереть.

Да знаю его, начинал он с рейдерства, потом его взяла под крыло одна известная ОПГ, у которой «авторитеты» тусуются в городе Вашингтон. Ну и, по совокупности грехов, посадила на самый высокий пост в той самой стране. Президент большого бабла, карательных батальонов и пыточных заведений; если подойдет ко мне ближе чем на метр, точно двину ему по физиономии, напоминающей утюг. Справа хуком – этот удар у меня поставлен, только, в основном, стесняюсь применять. Ясно, он из так называемых «гостей» не слишком приличного происхождения.

– Да, для него был вступительный взнос не сто, а гостевой – двести миллионов баксов, как и для Пепе Рональди, главы центральноамериканской наркомафии, который помогал Альянсу уничтожать боливарианцев, – разгадав мои рассуждения, сказала Синтия и снова захихикала. Подобострастно захрюкал и экс-президент, словно понимая, что здесь он на птичьих правах. А старичок Клод откровенно заржал: «Я не раз ездил в его страну, когда он был президентом. Он – хороший руководитель. Снять там девку было дешевле, чем съесть стейк. Поэтому я обычно делал так, лопал стейк с кровью и одновременно заставлял ее полировать мне нефритовый жезл, вы понимаете как. Одновременно! Незабываемые, прямо скажем, ощущения».

– А потом Богу молились? – не удержался я.

– Если вечером – то потом, если утром, то до этого. Бог любит деловых парней, поэтому я дожил до таких солидных лет и у меня всегда найдется в кармане сотня-другая миллионов.

– А теперь, пожалуйста, без дальнейших представлений, мы не в общественном туалете, – двигайтесь быстро за нами.

Ананасы, кофейные кусты, какао, папайя, дуриан, карликовые

бананы, камелии, орхидеи и так далее. То, что в обычном мире разнесено на сотни и тысячи километров, в оранжереях под боком друг у друга… Разделено невидимыми барьерами из деймов – которые мгновенно вспыхивают радужными жужжащими просверками, когда проходишь сквозь них.

Мы подошли к кустам близкой моему сердцу малинки, и здесь она была разноцветной. Но прямо на глазах крупные ягоды стали вспучиваться, идти темными пузырями, которые слипались и протекали дурно пахнущей пеной. Для меня такое, как надругательство над святыней, как сопли у пианиста во время исполнения Моцарта. Из пены стали выходить извивающиеся ослизненные нити, что мигом свивались в клубки. И вот уже клубки покатились – четко направляясь на людей, словно имели головки самонаведения. Как седые перекати-поле, только по воздуху; наверняка они за что-то цеплялись, но этого не было видно. Невольные зрители завизжали от ужаса. И я понял, что дальше легкого пути не будет.

И тут же иллюстрация к моим мрачным мыслям. Какая-то дама из нашей толпы беженцев с испуга свернула не туда и свалилась в водоем с живописными гигантскими лилиями, именуемыми Виктория регия. Вода здесь, в отличие от той ласковой и умной, что была в корабельном бассейне, не собиралась выталкивать дамочку, и даже отпускать ее не захотела. Пострадавшая пыталась вскарабкаться на трехметровый лепесток Виктории регии, но тот, покрывшись предательской слизью, два раза сбросил ее. А на третий раз она не выплыла. Никто не полез ее спасать, даже не остановился, включая меня. Я потом себя не раз спрашивал, почему тогда не рискнул? Наверное, не почувствовал ее своей, рисковать своей шкурой за кого-то вроде Синтии Сесспул или Ингрид де Фикельмон не захотелось.

– Через оранжереи проскочить не удастся, тут все подряд заражено модифицированными деймами, – подсказала Надя, которая держала нос востро и получше меня разобралась со схемой палуб. – Включаем план «Б», выметаемся через боковой секторный выход. Потом спускаемся вниз – на ярус техобеспечения – и движемся по нему, пока не находим вертикальные вентиляционные каналы, ведущие к шлюпочной палубе.

Оказывается, у Нади имелся план «Б» и наш драп приобрел осмысленный характер. «Ведьмины головы» катились за нами, задорно подпрыгивая и оставляя след из пыли и пара. И катились быстро, цепляясь своими «волосами» за все подряд. Когда убегаешь от волка, то, наверное, кажется, что вот-вот линейка

острых зубов войдет тебе в ляжку. А сейчас казалось, что эти нити уже окрутили тебя, входят в кожу, вползают в нутро, обвиваются вокруг спинного хребта, затягиваясь петлями на позвонках, и вот-вот начнут резать внутренности на ломтики, начиная с мозгов и кончая яичками. Даже появилось ощущение неприятное – словно потроха у меня уже обвиты. Ну да, готов признаться, я – невротик. Но только никто не может дать невротику стопудовой гарантии, что его ощущения – фальшивые.

Убегали мы всем табуном знатно, с ветерком, даже старичок Сесспул – с заметным попукиванием, для ускорения, мчался, как испуганный осел. Чуть секторный выход не проскочили, который вообще-то был едва заметен на стенной панели – та, с помощью голографического экрана, имитировала джунгли.

Когда до выхода оставалось совсем немного, я почувствовал: что-то есть, прямо перед ним, преграждает путь. То ли облако аэрозоля, то ли разряженный студень. Я, подхватив валяющуюся на дерне сливу, швырнул в ту сторону. Слива, успешно пролетев несколько метров, неожиданно застыла в воздухе и распушилась, словно обросла серебристым пухом. Несмотря на мой предупреждающий окрик, в это марево по инерции вбежал Фельшман. И сразу король снэков и хрен знает из чего сделанных чипсов покрылся паутиной, засеребрился. Красота его была недолговечной. Физиономия Фельшмана не успела отразить ужас, когда паутина стала шинковать ее и быстро превратила в блюдо из мелко порубленной свинины – по палубе запрыгали глаза. Из рассеченного брюха выпал обед из первого, второго, пятого и десятого, которые господин Фельшман недавно запихал в себя на очередном банкете. Содержимое гнилой головы, думавшей всегда только о том, где бы что урвать да захапать, упало на палубу горкой фарша. Вот и все, что осталось от экс-президента, вызывавшего уважение у «всего мирового сообщества». Я зафиксировал автоматическое появление у меня мысли – хоть этим меньше стало. Даже элементарной солидарности, как у толстяка к толстяку, не почувствовал.

И сразу же мелькнула тоненькая зеленая молния и волна огня растеклась по облаку, это Надя использовала электроимпульсное устройство. Огонь, казалось, имел форму и дышал, как дракон, даже был пронизан яркими жилками, но пара секунд, и он резко свернулся. На его месте повис недолгий дымок, а потом вернулось облако, словно выплыв из ничего. Значит, выстрел элайзера не помог.

– Это «изгородь», дисперсная среда из деймов, которая нас не пропустит, – оценила Надя. – Тогда снимаем в темпе слой почвы. Его толщина не более двадцати сантиметров. Мы с Маном

проверяли не раз.

Ага, у нее есть и план «В». И я вынужден снова принять командование со стороны девчонки. Она ж здесь местная. И она точно в маму пошла, которая когда-то партизанкой была.

С помощью пожарного топорика я сорвал и завернул набок шматок дернины, под ним был еще слой пластика, похожего на поролон, только водонепроницаемого, который я мигом разгреб. Ниже съемные, но хорошо примыкающие панели из металлокерамики. Ман кинул мне вакуумную присоску – без таких ни один технарь нынче не ходит – и я смог с натугой оторвать одну из панелей; тяжелая, блин.

Люди соскользнули вереницей в образовавшийся колодец и сразу поверху прошел ветерок, швырнув ворохом опавшей листвы и комьями земли. Вслед за тем в тоннель заглянули «волосы ведьмы». Не только седые, но вдобавок очень живенькие, подвижные, извивающиеся, крутящие в разные стороны своими блестящими головками, которые походили на жемчужные бусинки. Это, естественно, способствовало ускорению драпа.

А перемещаться в тоннеле было очень непросто. Он же предназначен для гибких ремонтных роботов змеевидного типа. Мрачный люминесцентный свет панелей – единственное, что сопровождало нас в пути, если не считать оптоволоконных и энергетических кабелей, аккумуляторных батарей, труб, кронштейнов с оборудованием и очень низкого потолка. Каждые пятьдесят метров – люк. Удобно передвигаться только на карачках – если такое вообще можно назвать удобным. В Англии, кстати, не столь давно детей загоняли работать на шахты, потому что те могли в низких тоннелях, не разгибаясь, толкать вагонетки с углем.

Хотя срочную я служил на подлодке (я на медкомиссии специально свой рост занизил, ходя на полусогнутых, чтоб меня на подводный флот взяли) и там обстановочка схожая, – но сейчас язык свесился до пупа, тем более что за меня активно цеплялись Клод и Синтия. Минут десять такого мучительного бега, и Надя, наконец, скомандовала:

– Остановка, мы под шлюпочной палубой.

– Послушайте, – включился мистер Сесспул, и сейчас от него несло гнилью даже больше, чем яблоком. – Я так благодарен вам. Вы уж приняли меня за милитариста. Нет, просто я не стыжусь того, что сделал на благо своей родины. Гораздо большее пристрастие я имел всегда к простым радостям жизни, не обязательно связанным с обладанием большими деньгами. Правда, правда. Обладать радостями жизни можно и без особых расходов. Одной тайской девчонке я просто пообещал, что увезу

ее в Штаты, что там будет все в шоколаде. Что она только не вытворяла, в благодарность, с моими, так сказать, бубенцами. Потом она попросила, чтоб я выкупил ее у хозяина притона, но я отказался; бесплатно так бесплатно. Кстати, с возрастом мои пристрастия стали обращаться на тех, кто помоложе. И это только доказывает, что у стара и млада есть много общего.

Я, не выдержав трезвона старого упыря, высадил ржавую решетку вентиляционного колодца – коррозия болтов она и у миллиардеров коррозия.

Трапа внутри колодца не было, но его функции выполняли выступы, снабженные дымовыми датчиками.

Движение по чертовой вертикали выматывало куда больше, чем по горизонтали, хотя немалый опыт карабканий по веревочным трапам у меня имелся.

Второе дыхание никак не открывалось, так что получилась зверская потовыжималка, учитывая, что на мне опять старались повиснуть Клод с Синтией. Да и маска урода Джейкоба не справлялась с газообменом на таких мощностях. Я умолял адские силы, чтобы производителя памперсов поскорее хватил инфаркт и он бы отправился в преисподнюю, избавив меня от мучений. И, если честно, разок все же ткнул его каблуком в лоб, чтоб отвязался.

Наконец мы на шлюпочной палубе. Только не с парадной стороны зашли, а через вентиляционный колодец.

И здесь нас ожидал очередной неприятный сюрприз. Здесь было полно людей. Значит, был сигнал шлюпочной тревоги, который я с детишками-революционерами почему-то пропустил.

Одного из присутствующих я узнал – сенатор-демократ Майкл Дамп в собственном соку, он же лорд Дамп. Первый американский сенатор из числа восточноевропейских «борцов против царизма-коммунизма», бывший когда-то Мишей Свальным. Точнее, из числа блогеров, продвинувшийся от скрытой рекламы крема для мастурбации («скольжение – это свобода») до безжалостного обличителя «царистко-коммунистической орды», которую он обличал как стадо скотов, вытаптывающие все ростки свободы и жаждущие поиметь своими медными удами все трепетные и нежные «молодые демократии».

У него был выбор, сделаться британским лордом или американским сенатором – Миша стал и тем и другим, ради него были изменены законы двух стран. Потом выяснилось, что обеими странами управляют, в общем-то, одни и те же люди, которых никто никогда не выбирал – ну, разве что по принципу «один доллар – один голос», а английская королева, по сути, клон американской президентши. В итоге, Англия с Америкой

объединились в Атлантический Альянс Свободы, куда затем вписалось сто двадцать восемь государств. Впоследствии многие выписались, потому как выяснилось, что свобода удава весьма отличается от свободы кролика, но Восточная Джорджия и Западная Юкрейн там остались.

Несмотря на восемьдесят пять лет, у лорда сенатора сверкающие белые зубы, лес волос, пересаженных с молодого ближневосточного трупа, яркие глаза, вырезанные у клона в стране четвертого мира – с отредактированным иммунитетом, чтобы прижились у нового хоста. Значит, сокол капитолийский вовремя почуял, что пора срочно сваливать. Был он вместе с секретаршей, наверное, сто двадцать пятой по счету в его трудовой биографии, сработанной по всем правилам эротической науки. Ремастеринг зада с помощью коллагеновых пружинок – иначе откуда тогда у белокурой особы такие мощные африканские стати, стимуляция генов, ответственных за торчащие формы, глянцевая манга-кожа, выращенная на плантации органов в орбитальном Плантс-Бей.

Дамп – персонаж известный. Там, где появлялся этот задорный сенатор лорд, омоложенный со всех концов с помощью волшебных плюрипотентных клеток и наиболее качественных трансплантатов, всегда что-нибудь происходило. Война программ, бунт блогеров, восстание вирусов или майдан роботов, в результате чего куш получала корпорация «Медуза», которую лоббировал сей мощный джентльмен. Он тот самый, что внес большой вклад в раскручивание балтийского конфликта, неустанно призывая заблокировать «царистско-коммунистический анклав в Европе», то есть Калининградскую область. Сенатор лорд Дамп добился своего. «Блокирование» в итоге обошлось натовцам в потерю от русского гиперзвука пяти эсминцев, да еще полусотни самолетов, включая несколько стратегических бомберов. А бодрая армия одного прибалтийского государства превратилась в крупную партию органов и тканей для производства франкенштейнов.

Здесь полсотни людей, выглядящих на все «пять»; никаких отвисших щек и пивных животов. Среди них был лауреат Нобелевской премии по химии за поверхностно-активные вещества, создавший неуничтожимые пузыри с рекламными надписями на боках; легко узнать этот высокий лоб от бровей до затылка. Про него рассказывали, что он спер открытие у одного вьетнамского ученого, который не имел таких возможностей пиариться и не принадлежал к людям «первого сорта». Потом вьетнамский ученый поехал через океан доказывать свои права в суде и не доехал. Исчез по дороге, в Лос-Анджелесе, где

хозяйничает Мара Сальватруча; от него только забетонированные вьетнамки нашли.

Сенатор лорд Дамп в плаще а-ля римская тога и его секретарша в скромном (по размеру) красном мини располагаются около небольшого автомата, выдающего чипкойны – валюту «Батавии». В метре от них бодигард. Тип с квадратной челюстью, жующей smarty gum, то есть резинку-бормоташку, с короткой автоматической винтовкой булл-пап под беспатронный боеприпас. Нобелевский лауреат трется неподалеку, с интересом посматривая на зад сенаторовой секретарши. Как будто она делает своей дорогостоящей филейной частью какие-то знаки крупному ученому.

Пришедшие с нами люди мигом бросились занимать свои законные места в очереди и, наконец, прекратили мешать. Ингрид даже хотела меня поцеловать своим большим ртом и пообещала мне, если я останусь жив, доставить мне массу удовольствий, ведь у нее и член есть, как у всякой порядочной современной феминистки. Елки, да она приняла меня за жирного педика; и не потому, что я добрый и отзывчивый, а из-за маски Джейкоба Бонакасси, который, как известно, мастер именно в этом жанре. Последним удалился Клод Наложивший-в-штаны Сесспул, который жал мою руку, делился впечатлениями от своей богатой удовольствиями жизни и желал мне испытать того же.

А когда я перевел взгляд от чипкойн-автомата к катеру и обратно, то секретарши там уже не было. В целом виде. Прошло каких-то двадцать секунд. Мое сознание словно замедлилось. Я видел, хоть и несколько дискретно – словно из тьмы выскакивали одно за другим изображения крупным планом.

Съехавшая назад голова сенатора лорда и его воздевшиеся плечи. Распахнувшаяся тога и выдвигающаяся вперед грудная пасть, похожая на сопло реактивного двигателя. Исчезающие в ней зад секретарши, туго обтянутый красной материей, и ее ноги в ажурных чулках.

Мой наверняка растерянный взгляд перехватила Надя, все поняла и направилась, доставая свое электрооружие, к сильно раздувшемуся сенатору.

Из-под плаща Дампа выпали туфли секретарши – лабутены со световыми эффектами на шпильках – и ее левая нога, которая, видно, не поместилась. Сам он был вполне здоров и ясен, только голова просела вниз и мандибулы не до конца задвинулись обратно. Надя навела на него элайзер. Бодигард готов был стрелять в Надю. Я швырнул ему в башку пожарный топорик – на срочной службе с гранатой у меня неплохо получалось, но сейчас промахнулся, попал по тыкве кому-то из свиты сенатора лорда.

Однако бодигард переключил внимание на меня и развернул ствол. Я укрылся за капитальной теткой с лошадиной челюстью. Наверняка ж какая-нибудь аристократка, из тех, у кого прадедушка торговал неграми и мочил аборигенов на завтрак, обед и ужин; по такой даме сразу стрелять не будут. Но времена изменились. Три пули застряли в ее мощном теле, изрядно взболтав внутренности. И она стала валиться назад, на меня.

Следом затрясся сенатор лорд Дамп, вместе с тем его голова совсем провалилась в плечи, а из его зева брызнула пена вместе с клубами пара и дыма. Это Надя выстрелила из элайзера и попала.

Почему-то отреагировали системы пожаротушения, прыснув тысячами струй из спринклеров на подволоке.

Я, метнувшись к Наде и Ману, потащил их назад, ощущая, к чему все идет.

Деймы, видимо, сочли опасность нешуточной и спешно пошли на выход, прежде чем тело хоста стало для них ловушкой.

Крупно вибрирующий сенатор лорд Дамп просто лопнул – обрывки плаща, внутренности, слизь, нити, струи густой бурой жидкости полетели во все стороны, вместе с останками секретарши.

Нобелевского лауреата, недавно тесно общавшегося с секретаршиным задом, разорвало – вскрыло посередине, из зияющей дыры стал выглядывать скользкий тонко пищащий упырь.

Бодигард смотрел на то, во что превратилось охраняемое им тело, и это бездеятельное созерцание дорого ему стоило. Соседний упырь в один миг прокусил ему затылок, будто тот картонный был, и жадно, свернутыми в трубку губами, присосался к дыре в черепе. Было заметно, как втягиваемая им гуща проходит по горлу.

Выкатившийся из тела сенатора лорда словно бы намыленный клубок нитей, как челнок ткацкого станка сновал между людьми. Катаясь, подпрыгивая, прошивая и прорезая их насквозь блестящими ниточками. Он расчленил Синтию, растащил на куски красотку Ингрид де Фикельмон, так что от нее остался только член. И Клода Сесспула опутал – тот пытался дать деру, и опять с натуги у «коня» бабахнул главный калибр, отчего от него на пять метров несло дерьмом. Нити слиплись на лице у мистера Сесспула в сплошную пелену, а он почему-то тянул руки ко мне. Но я увильнул от его смрадных объятий, и гифы вынесли остатки мозгов из птичьей головы старичка. Его вставные зубы, оставшиеся от прежней эпохи стоматологии, покатились по полу.

«Волосы ведьмы» выскакивали и из некоторых других пассажиров, спутывая и шинкуя тех, кто оказался поблизости,

словно пытаясь не пустить их к шлюпке. Надя и Ман стали стрелять по клубкам агрессивных нитей, отчего те обращались в клубы густого словно бы жирного пара. И через полминуты на месте десятка живых людей остались только груды ослизившихся внутренностей, напоминающие плавленый сыр, и куски человеческой кожи, превратившейся во что-то вроде густой мыльной пены. В этом вареве лежали искусственные детали – линзопроекторы глазные, разъемы боди-коннекторов, чипы нейроинтерфейсов. По нему, с радостными чмокающими звуками, прыгали клубки «ведьминых волос», и, брызгая слизью, катались коконы с пузырями.

А уцелевшие пассажиры, огромными прыжками устремившись к шлюпкам, затолкнули внутрь тех, кто дотоле чинно заходил на борт – как шайбы в ворота.

Прозвучал сигнал готовности, и автомат шлюпбалок стал спускать первую шлюпку.

На «Батавии» это хозяйство работало быстро – никаких тебе заевших ржавых механизмов, – и вскоре я увидел, как загерметизировавшаяся шлюпка с помощью своего неслабого водометного движка прет во весь опор к «Принцессе Путри».

Везет же людям, убрались из этого плавучего бедлама. Были спущены и две другие шлюпки этой палубы, они также направились к «Путри», куда ж еще.

– Похоже, что эти кареты не для таких сирых золушек как мы.

Лицо Нади немного замаралось от копоти, а брызги от системы пожаротушения проделали на щеках слезливые дорожки. Но на ее лице не было ни печали, ни сожаления. И она была права.

«Принцесса Путри» не стала покорно ждать толпы пассажиров с «Батавии», как будто догадавшись, кто торопится к ней на встречу. Она поспешно снялась с бакштофа и стала уходить в бушующее море, которое явно накинуло пару баллов со времени предыдущего наблюдения. «Путри» шла грамотно, носом к волне, да и тоннажа с лошадиными силами ей хватало, чтобы держать курс. Тот, кто сейчас ею командовал, не имел никакого желания повстречать на жизненном пути массу пассажиров с зачумленного корабля.

Метров через сто закончилась зона относительного затишья, образованного подветренным бортом «Батавии». Огромные волны начали играть шлюпками как щепками. И, похоже, то, что убило десяток пассажиров здесь, действовало и там. Я и моя маленькая банда увидели открывшиеся люки одной из шлюпок, из которых повалил густой буйный пар. Море, радостно вспенившись, поспешило в возникшие дыры, и, закрутив, потащило

плавсредство к себе в чрево.

Тринадцать лет назад. «Адмирал Мэхэн»

На экране стереонаблюдения спасательный борт X128, являющийся, по сути, скромным челноком с двадцатимегаваттным ядерным движком, был всего лишь тусклой звездочкой, на которую наваливался своим огромным томатным пузом Юпитер.

– Борт X128, вас вызывает «Адмирал Мэхэн», корабль Атлантического Альянса. Сколько пассажиров у вас на борту?

– X128 на связи. На борту пятьдесят один человек, спасенный с орбитальной станции «Юпитер-12», код происшествия «Сулавеси». Из них двадцать один в активном состоянии, тридцать – в капсулах продолженного сна. У нас запас кислорода только на девяносто шесть часов. Можете ли вы принять пассажиров?

– Прием всех пассажиров подтверждаю. У нас, как вы понимаете, военный борт, штатного стыковочного модуля для работы с гражданскими судами нет, так что будем действовать с помощью внешнего переходного контейнера J-2.

– Эта система нам знакома. «Адмирал Мэхэн», передайте ваши осевые координаты.

– X128, я обязан у вас спросить, есть ли инфицированные у вас на борту? Количество, степень изоляции.

– «Адмирал Мэхэн», инфицированных на борту нет. Все пассажиры прошли контроль по тесту ViruB-12, результат негативный. Один человек, который сам заявил, что считает себя зараженным, содержится в медицинском боксе. Очевидно, это посттравматический психоз.

– Мы примем его на общих основаниях – надеюсь, не придется заставлять его перейти к нам на борт, а здесь также поместим в медицинский изолятор.

– Понял вас, «Адмирал Мэхэн». Мы сделаем ему укол успокоительного.

– Активные пассажиры могут перейти к нам сразу. Спящих мы заберем в течение часа.

Командир «Адмирала Мэхэна» видел на экране, как стыковочные стержни X128, напоминающие жвала жука, вошли в приемное кольцо переходного контейнера J-2 и как надуваются его оболочки под действием закачиваемого воздуха.

– X128, не желаете посетить «Адмирал Мэхэн», так сказать, с визитом дружбы? Вместе с остальными членами команды. Ждем вас на капитанский коктейль. Заодно расскажете, что там, на самом деле, случилось на «Юпитере-12».

– Не откажусь, «Адмирал Мэхэн». Нас в команде всего трое. До встречи.

Пассажиры радостно галдели, глядя на огромный и надежный борт «Адмирала Мэхэна», рядом с которым Х128 был, как пчелка в сравнении с яблоком. Говорили о чем угодно, только не о том, что пришлось пережить недавно, – о барбекю, рыбалке, сёрфинге, теще, стриптизе. Несколько шутливых слов, и все охотно ржут. Некоторые хлопали по плечу заместителя госсекретаря Атлантического Альянса – ясно, что с таким попутчиком их бы не оставили в беде. И тот, оставив обычную спесь, хлопал по плечу некоторых.

Им всем казалось, что сделай шаг и окончательно забудется кошмар последних дней. Залепленные белыми выделениями глаза и выцветшие губы еще живых людей, их головы, ставшие горбами, уползшие вверх безжизненные лица, сизая ослизненая кожа. Их преследовали воспоминания о друзьях и коллегах, которые не просто погибали, а перерождались перед тем в чудовищ.

Их сплющенные черепа, наполовину провалившиеся в грудную клетку, больше не были вместилищем для человеческого мозга и человеческой души. Их грудные клетки, выдвинувшиеся вперед, больше не были вместилищами для человеческого сердца и легких. Из них, когда они трескались и раскрывались, как адский цветок, сперва выплескивалась бурая гуща, в которой копошилось что-то похожее на мерзкую тварь, потом выдвигались огромные челюсти. И вместе с поднявшимися заострившимися плечами, разросшимися суставами и веером почти невидимых щупалец – бывшие люди становились смертоносными прожорливыми монстрами. Но самое главное, никто из эвакуирующихся с «Юпитера-12» не понимал, откуда взялась зараза и как распространялась.

Кроме одного человека, которого вывели из индивидуального медицинского бокса. И сейчас под действием мощного средства, блокирующего сознание и введенного длинной тонкой иглой прямо в мозг, он смиренно переступал босыми ногами по направлению к шлюзу.

Когда пассажиры Х128 столпились у шлюза, сообщения с военного борта пошли по близкосвязи на боди-коннекторы каждого из них. В дополненной реальности засияла яркая вывеска, которую держал в руках пузатый мультяшный шкипер: «Добро пожаловать на борт «Адмирала Мэхэна». Заходи, не пожалеешь».

Когда открылся люк переходного контейнера, то сразу почувствовался воздух другого корабля, какой-то резкий, с

запахом озона.

– Сразу видно, что вояки у себя не проветривают, – отреагировал пассажир-острослов, и все остальные с готовностью загоготали, отдавшись чистой радости. Наконец, спасение; кошмар навсегда остался позади.

С веселым гомоном они двинулись навстречу «Адмиралу Мэхэну», навстречу родной планете, подальше от всех космических ужасов. И первым – заместитель госсекретаря Атлантического Альянса, придумывая, как напишет в «Таймс» о героических космоплавателях «нашего содружества свободы», которые всегда готовы прийти на помощь терпящим бедствие людям.

За пассажирами тем временем закрылась дверь шлюза Х128. И, сделав несколько шагов, все люди, недавно испытавшие приступ радости, почувствовали толчок. Направление инерционной силы уловил только капитан Х128, который сейчас, в парадном мундире, тоже находился в переходном контейнере вместе со штурманом и механиком. Он сразу догадался, что сейчас «Адмирал Мэхэн» сбросил переходной контейнер. Так что впереди – ничего.

Капитан бросился назад – к рычагу, открывающему дверь шлюза у Х128. Но та не поддалась, из-за разницы в давлении воздуха – в переходном контейнере оно уже упало. Капитан рвал рычаг и рычал что-то нечленораздельное, а находившиеся в переходном контейнере люди ничего не понимали. Не понимали умом, но чувствовали – что-то случилось. И вот, позади капитана, с нарастающим шипением стал открываться наружный люк переходного контейнера.

И когда лихо засвистел воздух, нашедший выход на волю, всем стало ясно. Несколько мгновений, и в переходном контейнере не осталось ни одного человека – всех выбросило резким потоком исходящего воздуха в открытый космос, где они через десять – двадцать мучительных секунд закончили свою жизнь. Заместитель госсекретаря Атлантического Альянса еще успел подумать о том, что вся его жизнь – это грубая ошибка. Выбросило и капитана Х128, который отправился в свой последний рейс, глядя в космические дали вытекшими глазами. Впрочем, было одно исключение – тот самый пациент из медицинского бокса, намертво впившийся в ручку шлюзовой двери. Но живой, что зафиксировали инфракрасные сканеры «Адмирала Мэхэна».

А на мостике «Адмирала Мэхэна» из-за спины капитана корабля выступил человек в комбинезоне научного персонала, прикомандированный к экипажу штабом космического флота

Атлантического Альянса. Человек от корпорации «Зефф Итернити», как знал капитан.

– Бинго! Это тот, кто нам нужен. Структура Омега поддерживает его жизнь даже спустя две минуты нахождения в вакууме. Но не будем рисковать дальше, забирайте его, капитан.

Вскоре рядом с неумирающим пассажиром появились люди в боевых скафандрах – с «Адмирала Мэхэна».

Он был отцеплен от рычага и перемещен в изолирующую капсулу.

Затем группа военных с «Адмирала Мэхэна» принудительно открыла шлюз Х128, что привело к разгерметизации обитаемого отсека спасательного корабля. И двинулась на его мостик, где отключила борт-компьютер от доступа к системам наблюдения и хранения данных. Затем стала вынимать из слотов платы памяти бортового компьютера, «чистить» их импульсником и снова вставлять. Тридцать пассажиров, находящихся в состоянии продолженного сна, были уже убиты разгерметизацией. Так что военные с «Адмирала Мэхэна» просто выбросили их тела через открытый шлюз в космос.

А единственный человек, принятый с Х128 на борт «Адмирала Мэхэна», вдруг вышел из оцепенения, когда его помещали в криокамеру. И выключил четырех сопровождавших его военных, хоть те и были в силовом снаряжении – умело приводя очередного противника к жесткому соударению с переборкой или палубой. Но все же не успел завладеть оружием и был обездвижен ударом электрической нейронной плети.

Затем у него было семь недель сна – его тело было охлаждено, а гликопротеины-антифризы, влитые в его кровь, препятствовали образованию в ней кристалликов льда. В начале и в конце холодного сна были кошмары. Вначале пугающе похожие на реальность, где он видел людей, которых разрывала живая слизь. Знакомых людей. Даже на уроке в школе – где он снова оказывался маленьким. Во сне он не умел читать и писать, получал двойки и хотел, чтобы все это прекратилось. И, отвечая его желаниям, учительница вместе с одноклассниками и одноклассницами вдруг брызгали слизь и лопались, выпуская гроздья пузырей. И у него самого распирало грудь, рвалась белоснежная рубашка, а вместе с ней трескалась грудная клетка. Он и во сне чувствовал боль, но отдаленно и приглушенно. Из разрыва появлялся цветок огромных челюстей, а потом он видел только потолок, потому что голова клонилась назад на обвисшей шее и проваливалась в плечи, и в конце взгляд тонул в красной мути.

Когда он проснулся – его мозг взял паузу, потому что не мог

обработать информацию, поступающую от зрительных рецепторов. Он был словно в темном тесном провале, лишь откуда-то сверху просачивался медленный свет и доносились тягучие звуки.

Наконец провал стал срастаться. Все гуще и ближе был льющийся сверху свет, он растягивался в нити, давая всему протяженность, и стягивался в узлы, давая всему количество. У недавнего пассажира «Адмирала Мэхэна» в опустевшей емкости сознания стали постепенно оседать впечатления.

Он пока не чувствовал своего тела, знал лишь, что существует, что втягивает питательные вещества, что его пронизывают самые разные колебания, с разной амплитудой и плотностью энергии, и некоторые приходят очень издалека.

Потом он ощутил окружающее пространство, хотя и не почувствовал возможность самостоятельного движения.

Все, что было вокруг него, находилось как будто за завесами. Большой мир то ли просвечивал сквозь них, то ли проникал в них, растекаясь по ним разводами.

Вначале эти разводы были плоскими, потом стали обретать объемность и, наконец, охватили его.

Он ощущает себя как нечто очень малое, застывшее в толще воды. Наверное, так себя чувствует какая-нибудь микроскопическая, но живая частичка планктона. Но он становится больше и больше, у него появляется куполовидное тело и щупальца. Он дрейфует вместе с морскими течениями, лениво вбирая и выдавливая обратно окружающий его жидкий космос. Его тело заостряется, а щупальца удлиняются – такая головоломка, как двигать ими всеми; он по-прежнему всасывает и выдавливает воду, но теперь прилично мощнее и выбирая направление. Его тело еще более приспосабливается к мягкой силе воды, выгребая плавниками и толкаясь хвостом, он резко уходит в давящую изумрудную глубину и взмывает вверх, к хрустальному свету, раскрыв жерло глотки, чтобы ухватить еду за мягкое сочное пузо. И ему кажется, что бесчисленные обитатели моря, и бентос, и планктон, и нектон – это продолжение его самого.

А когда все завесы упали, он увидел себя в большом аквариуме. Похожий на те, что в дорогих магазинах, где держат живую рыбу на продажу. Только не вода в этой емкости, а некий гель. Этим веществом заполнено и его горло, и его легкие, но он дышит. Хотя с бóльшим усилием, чем раньше. Стекло у аквариума не простое, металлическое; как не психуй, не разобьешь. В тело впилось несколько капельниц, на тело и голову понаклеено множество датчиков, сквозь стекла аквариума видны

приборы всякие, что по его душу. Многочисленные светодиоды и индикаторы напоминают глаза целой стаи зверей. Руки слушаются, а вот нижнюю часть он совсем не чувствует – ему, кажется, вводят анестетик в поясничный отдел позвоночника. Так что особо не поплещешься, не говоря уж о том, чтобы дать деру.

Выделяет он, не отходя от кассы, под себя, причем органы выделения не спрашивают разрешения. И питается он не как человек с большой буквы. Хорошо хоть не сыплют корм, как аквариумной живности. Сначала подавали питательные вещества через канюлю, введенную в вену, потом «обед из трех блюд» по шлангу, засунутому через рот прямо в пищевод.

Он стучал ладонями по стеклу, мол, выпустите меня отсюда, буду жаловаться в ООН. Господа с той стороны аквариума лишь сдержанно ухмылялись, и ему вскоре стало ясно, что ООН до него дела нет. Что он, скорее всего, не числится нынче в списках живущих и здравствующих людей. Попалась птичка. Или, учитывая аквариум, рыбка. Его рассматривают как животное. Притом опасное, считай, как монстра.

Здесь он научился усмирять свои чувства. Как ни бесись, как ни угрожай расколоть свою голову о бронестекло, а сделаешь хуже только себе. Господам, находящимся по ту сторону аквариума, это все по барабану, разве что увеличат дозу успокоительного средства.

От его прошлой жизни остались только жалкие осколки воспоминаний, которые он никак не мог собрать воедино, как ни старался. Будто кто-то ударил молотком по хрупкой конструкции его памяти и вдребезги разбил ее. Хуже всего он помнил то, что было недавно; впрочем, и отличить недавнее от давнего у него редко получалось. Единой биографии не склеивалось.

Из-за огромных дыр в памяти ему хотелось рычать и плакать, но и этого он не мог сделать, потому рычание оборачивалась каким-то глухим бульканьем и становилось трудно дышать. Вот какой-то осколок воспоминания: он стоит у входной двери, а ее ручка возле его носа, а до звонка ему не дотянуться – тут он совсем клоп. Да, он ходил в школу, даже помнит, как она выглядит, примерно. Но совершенно не может вспомнить дороги от дома до школы, где она вообще находилась? Вспоминается какая-то квартира, но его ли или его подружки? Он вспоминает морской корабль, кто он там? Дым, раскаленное брызгающее окалиной железо, бурлящая и смыкающаяся над головой вода. Это было с ним или увидено в каком-то фильме? Могучий торс, обвитый пулеметными лентами, и не менее мощные руки, которые крепко держат двадцатикилограммовый авиационный пулемет, извергающий тысячу восемьсот пуль в минуту – это ведь

точно фильм, забыл только название. Зеленых маленьких инопланетян, пупырчатых как огурцы и вылезающих из-за шкафа, он тоже вспоминает – наверное, они киношные. Но уверенности в этом нет.

Многим картинкам, которые присутствовали в его памяти, он не мог дать словесного описания. Кто этот человек? Чье это лицо? Кто эта пожилая женщина? Он не мог вспомнить даже имени своей матери. Не мог определить причину появления шрамов у себя на теле. Хирург, похоже, поработал над ним, но что случилось?

Вот какой-то старик, пахнущий дешевым табаком, с руками похожими на корни дерева. Он достает из пыльного шкафа китель с орденами, надевает и улыбается щербатым ртом. Его собственный дедуля или просто старичок, показанный по телевизору? Однако до деда ли сейчас, если он не помнит, как зовут его самого.

Возможно, его имя начиналось на букву К. Примем это за основу. Буква К – это звук Ка. Сойдемся на том, что его зовут Ка. Хотелось бы, конечно, что-то подлиннее, например Кака. Но это слово слишком напоминает о том, что регулярно появляется в аквариуме благодаря ему. Да и явно по-бразильски звучит. Есть же такая страна Бразилия, но он точно не оттуда, потому что там всегда солнечно и тепло, а он вырос в таком месте, где, как правило, пасмурно и холодно. Или он все-таки из Бразилии? Иначе почему звучит у него в голове навязчивая мелодия: «Samba! Samba de janeiro, samba, samba de janeiro»? И хочется делать и руками, и ногами, и тазом разнообразные движения, потому что до смерти надоела неподвижность. «Sempre assim, Em cima, em cima, em cima. Sempre assim,em baixo, em baixo…»

Затем экспериментаторы убрали паралич с его нижних конечностей и перевели из аквариума в приличных размеров бассейн, типа заслужил. Там уже не гель чмокал, а плескалась как будто нормальная вода. Теперь он дышал то воздухом, то в воде. При температуре двенадцать градусов. Именно такая была для него теперь терпимой. Приучали его и к водичке похолоднее, понижая температуру в бассейне сперва на несколько часов, а затем и насовсем. Бывало, что становилось неуютно, тесно как-то, будто его шнуром прошили и перетянули, и очень больно делалось местами, но все же он и к этому притерпелся.

После таких улучшений закономерно настало время свершений и дальняя дорога. Его перевозили, предварительно сильно успокоив транквилизаторами, при заторможенном ритме дыхания и сердцебиения. И по-настоящему Ка проснулся, считай, в освежающей воде какого-то моря, явно не южного, на глубине

нескольких метров, без какого-либо подводного снаряжения, и он снова дышал в воде. Потом его доставали на поверхность и погружали опять.

Вопреки рефлексу, он должен был сильно выдохнуть перед погружением, чтобы легкие затем выдержали подводное давление. Ему снижали инъекциями реакцию дыхательного центра, чтобы тот вдруг не отреагировал судорожным вздохом на временную гипоксию – в тот момент, когда Ка переходил на жидкостное подводное дыхание. Потом из носа выходили пузырьки, давление в легких снижалось, но дыхание продолжалось, причем очень частое. Легкие теперь работали иначе, по крайней мере, интенсивнее. А вдобавок под водой он отчетливо ощущал стук другого сердца, которое находилось справа от обычного.

Нередко возникало ощущение удушья, а попутно паническое желание поскорее всплыть, так сказать, покинуть мрак глубины. Но Ка учился справляться с этим, к его услугам и внутренний капитан на ходовом мостике, который давал подсказки – откуда, интересно, тот взялся. Именно паника пожирает кислород и может привести к тому, что Ка отчаянно втянет этот мрак. Но у него есть запас надежности. Миоглобин, создающий в мышцах резерв кислорода, гликопротеины-антифризы и факторы-шапероны, которые поддерживают стабильность белков, вырабатываются в нем самостоятельно.

Доктор Олленбергер сказал, дескать, что считалось раньше «мусорным» ДНК, стало производить все эти необходимые вещества для поддержания устойчивости организма в самой неблагоприятной среде. Это постарались крохотные нанорги, введенные в его организм и играющие роль транскрипционных активаторов.

А еще его испытывали «на прочность» в барокамере и камере, из которой отсасывали кислород, где понижалась температура до минус ста двадцати и повышалась до ста. Он много раз почти умирал, но все же оставался жив. В нем было то, что увеличивало его адаптацию и сопротивляемость.

Потом Ка снова препроводили в контейнер, заполненный водой, – он понял, что впереди опять дорога. Он чувствовал ускорения и замедления, и передвижение закончилось хлестким падением; как выяснилось, его сбросили с самолета. При ударе о поверхность – по счастью это было море, хотя и штормящее – крепко шмякнуло волной, контейнер развалился и он, несколько ошарашенный, оказался под водой. Но внутренний капитан помог ему быстро собраться и сориентироваться. Здесь было еще холоднее, чем обычно, но Ка вскоре привык. За ним неотрывно

следовало несколько подводных дронов; от одного из них получал питание, но выживание, во всем остальном, зависело только от него самого.

Спустя несколько суток пребывания в холодной воде Северного Ледовитого океана Ка слышит строго-писклявую команду «обратно» словно бы под сводом черепа. Испытуемый уже догадался, что внутренний капитан – это лишь имплантированный ему нейроинтерфейс, который, проникая в слуховой центр Вернике, преобразует сигналы управляющего сервера в пронзительно-зудящий тенорок. Ка возвращается на борт исследовательского судна, замаскированного под траулер, в свой бак, где может налопаться до отвала желтой маслянистой жижи, похожей на тюлений жир. Но вскоре после приема пищи и небольшого отдыха, совмещенного с медицинским обследованием, его опять «выгонят на улицу».

Скоро Ка должен стать совершенно автономным. Так сказал доктор Олленбергер. Должен стать своим в Ледовитом океане. Вместе с ним своими в Арктике должны стать и его хозяева. А про будущее доктор Олленбергер говорил, что для продолжателей Ка сделаются своими и глубокие подледные океаны на спутниках Юпитера и Сатурна.

В самом деле, в холодной воде Ка чувствовал себя теперь настолько на своем месте, что не очень торопился вернуться туда, где тепло и можно дышать воздухом. Он мог даже «отдохнуть на природе»: поспать прямо в воде, или устроив себе лежачок в самодельной иглу на льдине.

Ка научился пользоваться без напряга экзоскелетом-буксировщиком, воспринимая его плавники и манипуляторы, как свои собственные конечности. Силовой экзоскелет, напоминающий элегантный труп дельфина, позволял рассекать подводный мир на большой скорости, узлов сорок не меньше. У экзоскелета имелся и гидролокатор, и пара манипуляторов, с шестью пальцами на схвате, полезными при подводных работах. Такой вот рукастый «дельфин».

Чтобы делать все безошибочно, проводились тренировки с участием суперкомпьютера, подключенного через нейроинтерфейс к структурам лимбической системы его мозга, ответственным за запоминание и обучение. Один раз, правда, не рассчитала что-то эта суперсчиталка, и Ка, тренируясь, тюкнулся лбом о борт. С приличного разгона. Но голова крепкой оказалась, и обошлось небольшим сотрясением – у него и у судна. Только внутренний капитан сменил тенорок на какой-то хрипловатый бас, который иногда становится нечленораздельным.

В один непрекрасный день (после того, как он оклемался от

сотрясения) подопытного Ка зарядили калориями по полной программе, и к тому же сделали несколько инъекций в разные места. Доктор Олленбергер пояснил, что ему вводят питательные полисахариды в фуллереновой упаковке, с разным временем распаковки. Понятно теперь, что начинается большой заплыв.

Надев, так сказать, на себя «дельфина», Ка выплыл из док-камеры судна и отправился на задание. Вместе с плоской магнитной миной. Она находилась в багажнике экзоскелета, то есть, в принципе, у него на животе.

В виртуальных окнах, создаваемых линзопроекторами, высветилась карта данного сектора Арктики в двух проекциях; на ней замерцал проложенный для него зеленой стежкой курс. Присутствовал на карте и он – в виде точки (весьма жирной, надо заметить со всей гордостью), украшенной координатами, показателями линейной и угловой скоростей, векторами перемещения.

Вот и товарищи по несчастью: белуха-самка по имени Бланш и морской заяц, то есть тюлень-лахтак Леопольд. С ними Ка на предыдущих тренировках познакомился, хотя издали. Бланш, дама как дама, по всем показателям напоминает тетю: щебечет, повизгивает, попискивает, как заведенная – даром что под тонну весит. Усы и выпуклые глаза придают Леопольду вид прусского офицера в пенсне. Этот тюлень – мужик, по счастью. Еще одну щебечущую морскую тварь Ка бы не выдержал.

В разговорах белух он без аппаратуры пока что может разобрать лишь немногое: «попутать берега», «держать хвост налево», «кувыркнуться», «ну, что съел», да и то нет уверенности, что это не идиомы. С аппаратурой несколько больше. Нейроинтерфейс, подключенный к выходу гидроакустических антенн, охотно берется за подстрочный перевод языка белух. Но слишком часто выдает многословную пургу, совершенно перпендикулярную к тому, что имеет в виду животное.

Так что Ка учится разбирать разговор белух самостоятельно, пользуясь лишь аппаратным понижением высоты их канареечного голоска.

Язык белух, кстати, весьма богат в части описания слоев воды и поверхности моря, течений, льда. Причем описываются разные цвета там, где для людей одна темнота, глубоко под водой, или там, где для людей одна белизна, как у льда. Есть у них в языке слова для восприятия магнитных и электрических полей. Есть слова для чувств, уверений в дружбе и любви. Вообще белухи – мастера общаться, отчего их стая напоминает светский салон XVIII века.

Акустика играет для морских наших братьев и сестер совсем

другую роль, чем для нас, образуя пространство форм, причем гораздо более обширное, чем пространство зрительное у нас, поскольку включает сведения о начинке объектов, которые «просвечиваются» ультразвуком.

Свисты, щелканья и трескотня зубатых китов, жужжание и пыхтение всякой рыбешки, мычание, скрежет, стоны усатых китов, хлопки и пощелкивание криля, гудение и вздохи самой пучины – это все не ради концерта, а образует для белух и тюленей реальность. Воспринимаемое как округлое, мягкое и покатое – для них хорошее и приятное, а как твердое, особенно угловатое и острое – то плохое.

И разумность у них есть, только другая, чем у нас. Китообразный может за здорово живешь подталкивать дохлую акулу к поверхности воды, считая ее своим раненым товарищем, которому надо надышаться. Это вовсе не неразумность, а, скорее, особенности гидроакустики, вернее ее минусы; и, возможно, наивность.

У Ка имеется гидроакустическое передающее устройство, оно выглядит как шуруп, вставленный в шею а-ля Франкенштейн в исполнении Бориса Карлоффа. То, что он произносит про себя, но четко, нейроинтерфейс ухватывает и переводит на белуший язык, а «шуруп» передает. Сейчас Ка приветствует Бланш. Наверное, это смахивает на речь неандертальца в благородном собрании. И вместо приветственного: «Досточтимые господа, примите мои уверения в глубоком уважении», получается что-то вроде: «Эт я, че пялитесь?» Бланш делает «бочку», может, со смеху, и мотает головой, мол, не парься, давай-ка лучше поиграем: хочешь покататься у меня на носу? Ну, прямо, китенок, а не взрослая особь на сносях.

С тюленями дело обстоит несколько лучше. В отличие от белух лахтаки являются одиночками, поэтому их мысли и чувства, да и язык более бедные, что ли, без оттенков. Оттого общаться с ними куда проще. Ка и без нейроинтерфейса понимает Леопольда недурно, слов у того немного и каждое дорогого стоит.

На Альянс Бланш работает за еду, она на третьем месяце беременности. Леопольд, скорее всего, запрограммирован на исполнение команд. Сейчас они плывут втроем, им надо иногда всплывать, ему нет. Тогда Ка должен подождать. Над ними нет сплошного льда, то и дело полыньи и разводья, но Бланш все более беспокоится. Когда над головой ледовый покров, то многое меняется – получается, что суша наверху, а «атмосфера» внизу. В ней иногда проносятся серебристые стайки птичек, пардон, рыбок. А если проплывет здоровенный гренландский кит, то это вроде тучи. Впрочем, где-то там имелась и «твердь небесная», по-

нашему дно. Бланш видела ее с помощью своего «встроенного» эхолокатора – это был хребет Гаккеля. Она рассказывала о его крутых склонах, и глубоких каньонах, по которым широкими реками стекает илистая порода.

– Скоро у нас будут гости, – сказала Бланш и любезно, хотя и не очень понятно, предупредила: – Осторожно, впереди – мягкое, но острое.

Пока Ка размышляет о сложностях перевода, Леопольд без долгих раздумий просто шмякнул арктическую цианею хвостом. Единственное, кого он по-настоящему боялся, были белые медведи, хотя ему много раз объясняли, что так далеко в море те не заплывают.

А вот и гости – в сравнении с ними любой медведь покажется вполне приятным культурным зверем. Люди-кальмары, люди-кошмары, трое особей. На борту исследовательского судна, они с Ка находились в соседних баках, и он знал их по позывным «Дрейк», «Рэли» и «Морган».

Как-то доктор Олленбергер разоткровенничался насчет своих любимых созданий, поведал, что трансформация, которая была отработана на Ка, стала основой для более продвинутой трансформации у них. Так что люди-кальмары обладают лучшей адаптацией к условиям окружающей среды; у них появился внутренний панцирь-гладиус и разрастание тканей, пышно именуемое мантией. В ней, кстати, не только жабры, но и щупальца могут спрятаться. Но сейчас кальмаролюди не прячут, а гордо выпустили это хозяйство на несколько метров. Среди щупальцев, по слухам, имеется и особо шаловливое – именуемое гектокотиль и несущее половые функции. Недаром мадам зоопсихолог проводила с кальмаролюдьми куда больше времени, чем с Ка, и всегда выходила от них в приподнятом настроении. Кровь у этих «аристократов моря» прозрачно-голубоватая, он сам видел; за счет того, что соединение меди, гемоцианин, переносит кислород. Их ткани пропитаны хлоридом аммония, придающим им положительную плавучесть. И самое противное, пожалуй, в них – радула, язык-терка с зубчиками в раскрывающейся нижней челюсти, который любую самую твердую добычу перетрет в съедобную кашицу.

Какое счастье, подумал Ка, что из него сделали всего лишь полурыбу, полутюленя, а не такого урода. Хотя, прямо скажем, с питанием им проще.

– Они мне тоже не нравятся, – пропищала Бланш и снова добавила парадоксальное: – Они мягкие, но острые.

Кальмаролюди пристроились к Ка со всех сторон.

– Сегодняшнее задание является не учебным, а боевым, –

сообщил по гидроакустическому каналу Дрейк, их вожак, сохранивший на предплечье «Вольфсангеля» – татуировку бандербата «Азов». – Мы вас сопровождаем.

– Но…

– Засунь это «но» себе, знаешь куда; исполнять, – рыкнул тот, насколько можно в воде.

Ладно, ладно, урод, чтоб тебя косатка сожрала.

В «окне» гидролокатора уже отметилась группа целей, какие-то суда в походном ордере, прямо целая флотилия.

Значит, всего ничего – Ка должен установить мину на одно из этих гражданских судов. И это не макет, а самое настоящее взрывное устройство. А кошмаролюди его «подстраховывают», чтобы он не увильнул. Пришла и соответствующая команда от управляющего сервера, которого Ка не мог ослушаться.

Итак, прелюдия закончилась, и испытуемому пора отработать бочку неприглядной жрачки, которую нещедрые хозяева израсходовали на него, а также дюжину поцелуйчиков от зоопсихолога (не удивительно, если она лижется и со всеми остальными морскими тварями). Ка считал, что притворяется покорным, чтобы, когда станет нужно, удрать, однако вопрос питания постоянно удерживал его от бегства. А потом он привык исполнять те приказы внутреннего капитана, которые занозами вонзались в мозг. И радовался, как ловко у него стало получаться.

Флотилия, к которой Ка неотвратимо направляется, – Гринпис в собственном соку, международные «экологи без границ». Узнать «пиратов ее Величества» можно по характерной раскраске труб и надстроек. Гринписуны обычно появляются там, где надо зарубить какой-нибудь национально-ориентированный проект, подняв по всем СМИ ор-крик о кошмарном загрязнении окружающей среды. Проект под угрозой санкций сворачивают, после чего в этот район приходит транснациональная корпорация с правильной пропиской в Лондоне или Калифорнии и начинает без всякого шума бурить и качать в интересах западных акционеров.

Итак, масштабная провокация налицо, в типичном стиле Альянса.

Роль Ка будет эпизодической, но важной. Он прикрепит мину к борту головного судна флотилии. Получив пробоину, гринписовская посудина может отправиться ко дну, во всяком случае грохота и дыма окажется предостаточно. Остальное легко предугадывается. Атлантический Альянс обвинит Северный флот России в том, что он цинично утопил международных экологов после того, как те углядели какой-то российский военный секрет или ужасающее загрязнение среды в русской экономической зоне.

Затем – эскалация, аргументы у западной стороны подменяются вселенским визгом по давно отработанному сценарию. Тут и свистопляска в СМИ, которые в очередной раз засовывают перчик под хвост политикам, и танцы с бубнами в нью-йоркском ООН. Россия-де должна передать контроль над своей долей Арктики «мировому сообществу».

Ка мало что помнил о России, но теперь был уверен, что это его родина, судя по татуировке на плече, на которой фигуряли якорь, Андреевский стяг и надпись «Северный флот», которую он смог наконец прочитать. А своей родине Ка даже сейчас не хотел нанести ущерб.

Ка старался правильные мысли из своей головы изгонять, чтобы хозяева не засекли их с помощью внутреннего капитана, то есть, по сути, шпионской «закладки», и не всполошились. Однако свято место пусто не бывает, на их место являлись предательские мысли. Если ничего изменить он не в состоянии, то, может, примкнуть к силе и преданно поцеловать в зад Мамону с Молохом?

Конечно, хозяева могут убрать его после диверсии, чтобы замести следы, но, с другой стороны, в воде следы не остаются. Ни с кем он не общался, кроме этих секретных кальмаролюдей, доктора Олленбергера и зоопсихологички. Да и вообще он – товар штучный, дорогой, так сказать, многоразовый. Его можно использовать и для других акций в подобном стиле.

Но все же ребята с щупальцами конкретно напрягали, проносясь мимо, как возле затонувшего бака с мусором. Чем-то они по вертлявости напомнили гламурных мальчиков и девочек, которые прыгают, как заводные, на экране телевизора, который ему иногда разрешали посмотреть. И Ка тоже так вертеться придется, чтобы сохранять полезность для хозяев?

Ка никогда раньше не молился, даже не пробовал, потому что не помнил из молитв ни слова, но сейчас обращался к небу, чтобы океан пришел к нему на помощь. Когда почти потерял надежду, гиперборейская глубина обернулась бездной, в которой жила душа китов, и душа всей твари морской. Бездна как будто выслушала его безмолвную мольбу. «Забери хоть одного из этих извращенцев, а дальше я как-нибудь сам выкручусь». Ка старался не горячиться, ведь внутренний капитан, а точнее шпионский нейроинтерфейс сразу засечет бурление его чувств.

До цели оставалось три мили, когда из серой глубины выскочила гринда и схватила Рэли. Она приняла его за самого настоящего кальмара, наверное, за счет душка́ от хлорида аммония. Схватила и мигом утащила в пучину, от человека-кошмара только крик остался.

И тут у Ка в голове что-то перевернулось – он понял, что может сопротивляться. Попутно подумалось, что некоторые искусственные нейронные соединения в его мозгу, которые, собственно, и представляют работающую психопрограмму, оказались разрушены. Это возможно, например, при воздействии ЯМР-томографа. А Ка ведь проходил томографию, после того как двинулся башкой о борт судна во время тренировок. И теперь «блок обработки прерываний» при поступлении сигнала от «устройств ввода-вывода», то есть его органов чувств, уже не мог направить психопрограмму на совершение угодного хозяевам поступка.

Кинулся к Дрейку – и Ка не парализовало! Только силовой экзоскелет сразу перестал его слушаться – отключили его хозяева. Ка, расстегнув крепления, выскочил из него, но потерял на это драгоценные мгновения и, к сожалению, внезапности не получилось. Дрейк раскусил его и увернулся, крутанувшись вокруг оси, отчего Ка налетел на Моргана. Дрейк, оставшись сзади, ухватил Ка за шею, а второй человек-кальмар вцепился в него спереди. И своей радулой, снабженной острыми мелкими зубчиками, собрался основательно поскоблить его, до дыр. Вроде все, туши свет, за дверь не выскочишь. Но двух противников оказалось слишком много для победы над одним.

Ка удалось отпихнуть Моргана ногами – жаль, что по органу между ног ему не врезать, гладиус мешает. А Дрейка послал в нокдаун «датским поцелуем», засадив ему затылком промеж глаз. Ошеломленный вожак кальмаролюдей отпустил шею Ка. Однако до нокаута Дрейку было пока далеко и он оплел несколькими своими щупальцами ноги Ка. Что ты с этим паскудником поделаешь, если из всей амуниции у тебя только плавки? Вот и Морган, перехватив руки Ка своими толстыми щупальцами, снова намерен отскоблить ему череп до глянца. Нижняя челюсть человека-кальмара разошлась «скобками», открыв радулу, скользкую и острую одновременно.

Выручил Леопольд, проплыв рядышком и откинув Моргана ударом хвостовых плавников по физиономии. Нет, не запрограммирован лахтак, а если и да, то для него работа в команде показалась сейчас важнее всех инструкций.

Ка отчаянно рванулся вверх, потащив следом ухватившего его щупальцами Дрейка. Бланш пыталась помочь, взяв Ка на буксир, но кальмаромонстр спугнул ее выстрелом. Промахнулся, по счастью, потому что Ка выбил из его руки хеклер-коховский подводный пистолет. Впаявшись в кромку льдины, Ка резво оторвал от нее крупную сосульку. Дал утащить себя вниз, и приблизившись к Дрейку, воткнул ледяную пику тому в глазницу,

отчего человек-кальмар, излив облачко голубоватой крови, отпустил его. А Морган как раз бросился наутек от вернувшейся гринды, однако нарисовавшаяся лента из крови показала, что ему вряд ли удалось оторваться.

Только теперь Ка обратил внимание на хриплое бурчание внутреннего капитана: «Немедленно прекратить операцию и вернуться на базу для проведения тестирования».

«Так тебя я и послушаю, шайтан-сервер, зуди дальше», – подумал Ка. Теперь он сам знает, что ему делать, хотя занудливое бормотание под сводом черепа способно достать любого.

Ка подплыл к своему невовремя отказавшему экзоскелету – может, удастся запустить его в ручном режиме? А тот взял и ухватил Ка за глотку своим схватом о шести титановых пальцах; значит, такая команда ему пришла с командного пункта. Сработал эффект внезапности, и Ка не успел отплыть. А теперь против неумолимо сжимающихся металлических пальчиков и электропривода ничего не попишешь. Звенья схвата остановятся, когда будут раздавлены шейные позвонки Ка.

Еще немного, и сознание закрылось бы темными пятнами, затем каюк. Но экзоскелету и этого мало, тянется вторым чертовым манипулятором к паху Ка. По ходу дела настоящие садисты перехватили управление экзоскелетом! Ка ухитрился дотянуться до провода, который передает координаты звеньев схвата на устройство управления приводом. Вырвал его с мясом.

Термин «отдышаться» в отношении его неприменим, так что Ка настраивается на звучание глубины и на какое-то время отрешается от своего тела – ждет, когда все ритмы придут в норму. Теперь пора, и в самом деле, «вернуться на базу», только сперва кое-что из сломанного экзоскелета надо вытащить. Будет голый гражданин с миной под мышкой и весьма агрессивными намерениями.

«Ну, вот и поквитались», – подытожил Ка, когда ударная волна упруго швырнула его. Под мышкой уже не было мины. Он оставил ее на корпусе исследовательского судна, в районе мидель-шпангоута. За что боролись доктор Олленбергер сотоварищи, на то и напоролись. Только не успел Ка отплыть достаточно далеко, точнее, не совсем правильно рассчитал время для таймера мины – хотелось же поскорее. Из-за контузии минут пять ничего не соображал, а из ушей и носа темными пузырьками выходила кровь. Контузия – это посильнее ядерно-магнитного резонанса; наверняка, массивы электродов в его голове были порваны в хлам. Не гундел больше и управляющий сервер. Благополучно затонул вместе с «траулером».

Но все равно Ка, похоже, погорячился. Потому и оказался

посреди Ледовитого океана в одних плавках. Пути назад нет. В голове пусто. Мимо проплыл белый халат с надписью на кармашке «Доктор Олленбергер» – есть надежда, что хоть с этим специалистом попрощались. За халатом тянется шлейф легких искорок – может, это такие же деловые «малыши», как и те нанорги, что меняли тело Ка. С ним сейчас лишь тюлень Леопольд, почему не уплывает, непонятно. Охватывает не только дурнота, но и слабость, он уже давно в море, скоро начнет мерзнуть и тонуть.

Но прошла пара часов и Ка не так уж и ослаб, потом столько же, но силы пока что были, хотя определенно стало холоднее и сердце билось медленнее. Наверное, оставались еще запасы гликогена и прочих полисахаридов. Или же что-то меняло его, приспосабливая к холодному морю. В пустоте, занимавшей всю его голову, слышались говоры моря. И не только больших тварей, но и общий голос мелюзги, и мощный рокот гиперборейских глубин.

Появилась белуха, которую Ка не видел все время после схватки.

– Бланш боялась, – гордо сообщила она, он понял ее щебет сейчас и без нейроинтерфейса, и поделилась рыбой. – У тебя живот тоскует.

Придется есть сырой, от такого душевного подарка не откажешься, тем более что это деликатесный сиг.

Глава V

«Батавия». Волны

Спуститься со шлюпочной палубы на уровень ниже – и будет прогулочная номер девятнадцать. Здесь я ожидал увидеть истерирующие толпы, пыль столбом от бегущих ног, звон бьющейся посуды и заламывание рук. В общем, «бей бокалы, рви червонцы, на Пересыпи японцы», атмосфера, в которой легко затеряться.

Но ничего подобного. Мы шли по прогулочной палубе, которая по своим размерам напоминала набережную где-нибудь в Каннах. Под ногами переливающаяся разными цветами «веселая мостовая», над головой солнце, ничем не отличимое от настоящего. По сторонам бутики, бары, стриптизы, где девы с увеличенным количеством гениталий, и недевы с таким же двойным боекомплектом, и представители еще четырех-пяти полов разной степени гибридности. Тут и нейротеки, и бюро виртуальных путешествий, где происходит полное отключение от реальности в режиме долгого сна, и 3d-призраки, выплывающие там и сям с рекламных щитов и щебечущие о таких радостях жизни, которые вы даже нафантазировать не смогли бы. И все за смешную, для приличных людей, цену.

По палубе фланировали люди, которые ни капельки не страдали от страха, как и вообще от чего-либо – пусть страдает, мучается и мечется двуногая шантрапа, а не бессмертные. Они не собирались никуда бежать, словно все неприятности происходили где-то в параллельном измерении. Хотя я сейчас чувствовал, что крен и дифферент корабля увеличились, значит разрушение корпуса идет ударными темпами. Кстати, основная масса дам и господ вроде как собралась на мероприятие. Многие даже поменяли свои обычные античные одеяния, не сдавливающие чресл, на более подобающие в данном случае фраки и длинные платья.

Надя сказала, что и в самом деле, на этой палубе, в одном из театров «Батавии», конкретно в оперном, что размером не уступает знаменитой миланской Ла Скала, должна выступать сама Камена Вочи ди Тутти. Такая примадонна, смахивающая габаритами на шкаф, которая способна, благодаря дизайнерской мутации, петь даже голосом влюбленной слонихи.

Вокруг слегка гомонящая и напомаженная публика, как всегда перед концертом. За исключением того, что некоторые дамы слишком на мужиков похожи, ничего выделяющегося. А, учитывая свободу поменять пол или вообще отказаться от пола,

словосочетание «ничего выделяющегося» можно выкинуть. Отказаться от своего пола – это вам не то, что отказаться от своих миллиардов в пользу каких-нибудь голодранцев, много ума не требуется.

Некоторые здороваются даже со мной, «мое почтение – наше вам с кисточкой». И мне приходится напрягать извилины, чтобы не перепутать, кому «мадам» сказать, кому «сэр», и я представляю, какой конфуз может случиться при более близком знакомстве.

Раздражают, конечно, улыбочки их сахарные, приклеенные не к месту, но это можно списать на неизменно-радостное состояние всех обитателей «Батавии». Они же поди всегда такие, жизнь-то у Избранных явно удалась.

Однако, видя такое благорастворение воздухов, естественно предположить, что кто-то – ты или они – сошел немножко с ума.

Может, Избранные настолько верят в деймов и считают, что те будут спасать их всегда и везде, даже в аду? Наверное, они настолько уверовали, что высшей касте ничто не имеет права угрожать. Они ж привыкли, что где-то кто-то кого-то мочит, грабит, насилует, выдирает органы, чтоб было, что поесть, выпить и чем уколоться. А вот у них, у Избранных, всегда все в шоколаде, потому что они вообще из другого теста.

И разве не так? За последние четыре-пять столетий столько волн кровавой окраски прокатилось над миром и столько в них потонуло народонаселения. Доставалось и крестьянам, и дворянам, и пролетариям, дикарей вообще стирали в порошок. Даже королей и царей сильно обижали. Но хозяева больших денег всегда умело переводили стрелки на других, шутя выскальзывали из всех ловушек. И если по месту их жительства затевалось буйство, эти господа – раз на белый пароход и отчаливали. Или садились в не менее белый личный аэроплан, и перелетали на новое более комфортабельное место жительства. А деньги свои заранее переводили в надежный банк на офшорном островке.

Это они дергали за ниточки остальных, придумывали им работу, чтобы не продохнуть было, организовывали войны и нашествия, стирали лишние народности с лица земли. А сами жили долго и счастливо, имели всегда с массовых кровопусканий хороший навар и преумножали свое состояние за счет того, что кому-то было хреново. И даже производили необходимое количество потомства, если не ударялись совсем в извращ, педофилию или онанизм с пластиковым мешком из-под мусора на голове. А нынче вообще собрались проживать вечно, окончательно закрепив разрыв в уровне жизни и смерти…

Возможно, они еще не знают, что три шлюпки уже потонуло?

Но ведь был сигнал шлюпочной тревоги. Никто из этих дам и господ даже не надел на себя спасательный жилет. Не исключено, впрочем, что капитан Утияма дал тревоге отбой, а я с детишками-революционерами это почему-то пропустил, проблемы со слухом или со связью. Значит, система универсальной защиты справилась с пожаром. В самом деле, задымление едва теперь чувствуется. Ну, и незачем Избранным париться. «Батавия» как-нибудь дождется ослабления шторма, а потом к ней подойдет новое ремонтное судно или буксиры, чтобы оттащить куда-нибудь, где спокойно, где ремонту и дезинфекции ничего не помешает.

Но вот что конкретно настораживало на этом празднике благолепия. Пассажиры «Батавии» реагировали на нас как-то излишне синергично. Организованно расступались, давая проход. Конечно, в высшем свете не дано услышать простосердечное «Куда прешь, козел?», но эти господа даже легкой гримасой не показывали, что ты вообще-то придурок некультурный. А мгновением позже закрывали проход за нами, опять-таки очень организованно, не сговариваясь даже взглядами. А ведь по примеру муравьев известно, как действуют паразиты, вроде жучка ломехузы, на психику. И мы от муравьев недалеко ушли.

Стоп, я себя остановил. Не надо перебарщивать и подгонять картинку под свой страх. Вполне возможно, что персоналу удалось локализовать незапланированную модификацию деймов или даже устранить ее каким-то спешно разработанным и исключительно мощным антивирусником. Проблема же, по сути, сводилась к несанкционированному изменению программного кода. И они такие организованные, потому что не толпа бомжей на выдаче бесплатного супа, которые через одного психи и скандалисты. Я, наверное, этим немного разочарован, в глубине души, потому что в той самой глубине все же мне хотелось восстановления высшей справедливости, как тогда, с Содомом и Гоморрой. Да и ускользнуть мне с «Батавии» в случае, если «все системы работают нормально», будет куда сложнее.

Но вдруг – когда мы, несколько расслабившись и поверив, что все сделалось обычным, подходили к лифту – трое прямо перед нами не отошли в сторону и не дали пройти. Нет, руки не растопырили. Одеты вроде прилично, не хуже других, но взгляд как у нарконавтов, мутный, направленный невесть куда. Один из них сам капитан Утияма в белоснежном кителе. А другой – его любовник; тот, похожий на сумоиста. Возникла, конечно, идея бежать в противоположную сторону, однако там толпа густая, по-быстрому не пробиться будет. На вежливые слова «позвольте, сэр, разрешите» эти трое не откликаются. И на невежливые тоже.

– Эй ты, баран, дай пройти, мы тоже на концерт, – наконец не выдержал я.

Взгляд капитана вдруг сфокусировался на мне. Нехороший такой взгляд. И на его гладком круглом лице нарисовались ненависть и презрение к негодяю, посмевшему проникнуть на его корабль.

– Ты не Джейкоб Бонакасси. Властью, данной мне королевой, я имею право на суд и вынесение приговора пирату. Я осудил тебя и приговорил к смерти.

– А я думал, королева очень любит пиратство. И работорговлю тоже. И резню заодно. Сэр Джон Хокинс и сэр Фрэнсис Дрейк могут подтвердить, их за это в рыцари произвели.

Вообще-то капитан Утияма, согласно англосаксонскому прецедентному праву, может меня немножко того – вздернуть на рее, сопровождая это матюками, или, по-новомодному, под приятную музыку расчленить на органы и ткани, которые всегда пригодятся для производства франкенштейнов. Вопрос только в том, как им меня поиметь? И эти трое показали, как.

Мне, конечно, надо было бить первым, учитывая численное превосходство противника, но это, увы, не мой стиль. Наверное, в подсознании засели нравоучения мамы или детсадовской воспитательницы – хороший мальчик никогда первым не ударит плохого мальчика. И сперва просто обязан получить по морде. Так что начали схватку они.

Резко изогнувшись назад, они встали, как принято у монстров – дугой, и пошли к нам навстречу на четырех конечностях, спиной к полу. И сэр Арчибальд тоже, показывая, что человеческого в нем осталось мало. Суставы гнутся в любую сторону, голова свешивается вниз. Затем раздается звук рвущейся материи и человеческих тканей. Из-под лопнувшего капитанского кителя показывается напряженно изогнутая грудная клетка, которая с треском раскрывается двумя створками, щедро плеснув бурой жижей вместо крови. Из раскрывшихся грудных створок разом выдвигается цветок огромных челюстей. А лысая башка сэра капитана, болтающаяся внизу, не при дамах будет сказано, напоминает мошонку; впрочем, она быстро убирается в плечи.

С подобной гимнастикой я ранее встречался и понадеялся, что в такой позе двигаться неудобно. Но оказался неправ. Твари атаковали нас со всей стремительностью. И вдобавок эта Камена заголосила, словно с дуба рухнула, так что мурашки по коже побежали и даже захотелось в туалет. Звуковое сопровождение, как в аду.

Попутно я отметил, что когда монстры наехали на нас, остальная публика никак вообще не отреагировала, будто все это

по телевизору показывают.

Один из трансформантов, кстати, лично сэр Утияма, словно играя в чехарду, прыгнул с опорой на живот своего мясистого любовника. Я увидел, что на меня летит огромная пасть, разводя зазубренные лепестки челюстей, с которых свисают полоски слизи. Почему-то в глаза бросились по три здоровенных клыка с каждой стороны, и зубы-премоляры с острыми бугорками. Я кое-как увернулся, нападающий кувыркнулся, но готов был атаковать снова. Надя отреагировала верно – вообще реакция у нее что надо, чувствуется геймерская практика – кинув ему в пасть горсть козявок-липучек, которые все там склеили.

Следом и я выстрелил из элайзера в багровый зев любовника-сумоиста. Проскочила тонкая зеленая молния, и оттуда повалил смрадный дым, затем извергся целый водопад утробной слизи. Отвратительное, прямо скажем, зрелище. Так что мой блистательный наскок на следующего противника обернулся падением и скольжением. Но в этом был свой прок. Я проскользнул под развернутой пастью третьего вурдалака и оказался у него под спиной. Ткнул снизу, что есть мочи, своим крисом, ему в брюшную капсулу и, судя по всему, проткнул. Существо рухнуло на меня сверху. Под ним я бы коньки отбросил от отвращения, если б Надя и Ман не вытащили меня.

На том, однако, ничего не закончилось, к нам с интересом на лицах направлялось еще пяток джентльменов со словами: «Куда же вы? Нам рассказывали о вас много хорошего». Немного стрельбы, и мы, сменив маршрут, юркнули в открывшийся проход, отчего сразу попали в оперный театр. Здесь, кстати, стояли не кресла в ряд, а куда более уютно отдельные столики-стулики с цветочной растительностью и фонтанчиками по сторонам.

Пока неслись между столиков и фонтанчиков под мелодичную арию Камены, напоминающую скрежет цепи при поднятии корабельного якоря, меня, конечно, посетила мысль, что эволюция деймов продолжается, в смысле использования людей-хостов. Деймы научились скрывать трансформацию человеческого организма до самой решающей поры. Монстр может долго мимикрировать под обычного хомо сапиенс, а затем, когда надо, превратиться в монстра. Или, точнее, человек может трансформироваться в монстра, но внешне долго оставаться человеком. И если эта мерзость во мне, то она чего-то ждет. Только чего?

По дороге через оперный театр пришлось стрелять по как-бы-людям и почти в упор. Пару раз я не вполне был уверен, что передо мной действительно трансформант. Все решалось за

мгновение; их кожные покровы распахивались, открывался зев, оттуда как рвота вылетал поток слизи, прошитой жесткими нитями. И сразу же прыжок, они цеплялись чем-то невидимым, но клейким за подволоку – отчего получалось высоко и далеко. Успел такого попрыгунчика зацепить электрическим выстрелом – ты жив, а не успел, он тебя оприходовал. На удивление, остальные присутствующие в зале вообще никак не реагировали на творящееся безобразие, а Камена вытворяла своим адским голосом невесть что; сейчас ее бельканто напоминало грохотание падающих шкафов.

Бежать пришлось прямо через сцену. И, когда один из вурдалаков протаранил Камену, «шкаф» действительно опрокинулся, но она продолжала голосить лежа. Пока кто-то из преследователей не сбил трос, удерживающий занавес, который и упал на певицу. Но это привело лишь к малозаметной запинке. И только когда один из вурдалаков швырнул ее в партер, предварительно оторвав ей ногу, пение закончилось. И раздались аплодисменты публики, означающие окончание концерта.

Едва мы выбежали из оперного театра, к нам направилась немного шаркающей походкой старая женщина со спицами для вязания в руке. Можно сказать, с ретроградной внешностью бабушки, мало характерной для глянцевого мира «Батавии». Улыбается, зубы крепкие, как у бабули из «Красной Шапочки». Мне всегда у старичков хочется спросить: «Чего скалитесь?»; я вот всего лишь пожилой, а мне уже сильно не до смеха. Но, наверное, человечество, смеясь, расстается с будущим.

– Я искала того, кто может мне объяснить, что происходит? Я позавтракала – мне так нравятся местные пончики, потом пошла на концерт, а тут что-то странное. Вы не находите? – спросила она милым слегка дребезжащим голосом возрастной мадам. Скорее всего, она недавно попала сюда, когда добрый внучек оплатил ей пожизненный билет. У такой всегда хочется спросить: «Вас через дорогу не перевести?»

Когда я собрался что-то объяснить, Ман поднял элайзер и из головы бабули пошел пар с дымом, глаза ее брызнули наружу, и она, как срезанная, рухнула навзничь. Я только и успел сказать «упс», даже Надя взвизгнула.

– Фу, парень, что ты натворил? Я, конечно, никому не скажу, но тебе самому будет потом неприятно. Она, наверное, была самой безвредной на этом корабле; чаек, пончики, вязание – весь ее репертуар. Максимум агрессии – пукнуть в стул. Я и сам такой скоро буду, если не хуже.

Ман показал на приоткрытый люк технического отсека, из которого выбралась пострадавшая персона.

– В таких местах настоящие бабушки не гуляют, только ремонтные биомехи. Или твари. Подождите немного.

Ман не ошибся. Сперва я заметил на одной ее вязальной спице кровь с остатками мозгового вещества, а потом то же самое и на другой – похоже, эти как бы мирные инструменты успели сделать кого-то трупом. Затем у бабушки с вытекшими глазами вдруг задергалось туловище и лицо как будто ожило, расплывшись то ли в оскале, то ли в широкой улыбке, которая появляется при произнесении слова «cheese». Я даже выкрикнул непроизвольно: «Бабуля, завязывай». Но в ответ с треском разошлась грудина, порвав кофту, плеснула бурой жижей и вот уже разомкнулись грудные мандибулы. Да, не только пончики в ассортименте…

А дальше пути не было. Время мы потеряли, эта палуба оказалась буквально забита мирно гуляющими людьми, которых там не должно было быть в таком количестве.

Мгновение, и несколько из них как бы случайно направились в нашу сторону. Потом еще и еще. Пятнадцать человек или как их там, особей. Они и не бегут, соблюдая декор, но скорость как у чемпионов по ходьбе. И люк технического отсека хлопнул и снова открылся, оттуда полезла очередная мадам в возрасте.

Блин, на самом деле нормальных пассажиров на «Батавии», похоже, вовсе не осталось. И те, что на нас реагируют, и те, что никак не реагируют. И те, что спокойные, и те, что беспокойные. Это не люди. А наши элайзеры уже почти все. И только один проход, ранее использовавшийся персоналом, более-менее свободен.

– Вот туда и тикаем.

Оторвались ненадолго. Едва мы оказались на прогулочной палубе, как за нами опять припустила стая монстров, теряя по пути одежду. Их головы съезжали назад, а челюсти выдвигались вперед. Я тоже маску Джейкоба с себя сорвал, без нее удирать легче, а толку от нее теперь никакого. Сейчас по дороге встречались лишь совершенно апатичные пассажиры. И, если я случайно сбивал их с ног – мне же не перепрыгнуть через них, как это получается у монстров – те, полежав чуток, спокойно вставали и продолжали фланировать, как ни в чем не бывало. А эти безразличные, кто они? Или что?

– Эй, молодые штурманы – что у нас по схеме? У меня дыхалка на пределе. Попробуй, побегай со ста двадцатью килограммами живого веса.

– Третья дверь направо, – крикнула не особо запыхавшаяся Надя. – Там проход по трапу для персонала на нижнюю палубу.

– Давайте вы вперед, я их немного задержу. Исполнять без

разговоров.

Когда ребята отчалили, мне недолго пришлось думать, как задержать преследователей. Для начала они задержали меня. Что-то невидимое ухватило меня за ногу и сдернуло на ковер. Три раскрытых «цветка челюстей» уже рядом, шипят, стрекочут, роняя слизь, сейчас один из них прянет ко мне и я пополам.

Успеваю подняться, ухватить край ковра и, дернув его к верху, накинуть на передних тварей. Затем забегаю по растелившейся «ковровой дорожке» на спину одной из них и, чуток потянувшись, цепляюсь за решетку вентиляционной вытяжки. Решетка вылетела, но что-то стопорило меня, значит, кто-то из монстров все же ухватил мою ногу. Я наудачу ударил крисом сквозь ковер, под дырой булькнуло и взвыло. Вытащить лезвие не получилось, зато хватка ослабла и мне удалось влезть в вентиляционное отверстие, едва не потеряв по дороге штаны.

Ну, почему, почему, в решительную минуту, в трудный час, в годину суровых испытаний, у вас лопается молния, расстегивается ширинка, или развязываются шнурки, или, вообще, в руках авоська с колбасой и кефиром, которые жалко бросить?

За мной сразу бросилась тварь, чуть не откусила мне все хозяйство, располагающееся ниже пупа, но промахнулась. И вместо того, чтобы сразу атаковать снова, вдруг затряслась, задрыгалась в конвульсиях, покрылась багровыми прожилками и… все, до свидания – окочурилась.

Это было неожиданно и приятно, но у меня не было времени думать о том, кто приподнес мне такой подарок. Пять шагов на карачках по вентиляционному ходу, и я свалился в шахту. На сей раз падение было недолгим… Я выбил ногами решетку вытяжки, и кто-то рыкнул от неожиданности.

Это был клуб. Приятная атмосфера и все такое. Я – со свалившимися штанами – вполне ей соответствовал.

Хотя, конечно, надо было еще пройти фейсконтроль. У меня поинтересовались, кто я собственно такой. Спрашивал мужчина крепкого телосложения, маскирующийся под обычного клубного завсегдатая: манга-прическа геометрически правильными прядями, расстегнутая до пупа рубаха с бегающими радужными разводами. Рубаха его и подвела.

Я не стал отвечать на вопрос, а просто дернул его рубаху от ворота вниз, сковав ему руки. Потом ткнул двумя пальцами ему в один глаз и вытащил через глазницу стартовый чип. Это дабл, я как-то почувствовал. Извините, подвиньтесь, теперь проход был открыт. Осталось только подтянуть и закрепить штаны.

Здесь собралась, наверное, публика попроще, желающая

развлечений полегче, чем та, что решила покайфовать от вокала Камены Вочи ди Тутти. Впрочем, и тут и там – пир во время чумы. Народу не то чтобы много, но присутствовал.

У шеста извивалась и даже взмывала по нему, словно теряя бозоны Хиггса, девушка с весьма округлыми формами, как будто пятый размер, но «стоячий». Если то была не Асука, тогда точно ее клон. И опять я не рассмотрел, что у нее там промеж… промеж ног у нее был шест. Она, увидев меня, облизнула палец с кроваво-красным ногтем и поманила. Но, по счастью, от шеста пока не оторвалась.

Еще четыре практически обнаженные Асуки крутились в сферах из искрящегося диамантоидного углерода, подвешенных к потолку на сверхпрочных, но невидимых глазу углеродных нанотрубках. Эти особы, за неимением шеста, то и дело немыслимо изгибались, расплющивая свои немалые, если не сказать выдающиеся округлости бюста и ягодиц, на хрустальной поверхности сфер. Как атакующие твердь соски, так и то, что пониже спины, посверкивало золотом. Кажется, что девки расположились очень высоко, хотя до потолка едва ли шесть или семь метров. Черт, чем они дышат в этих шариках? А сферы сталкиваются друг с другом, постоянно издавая мелодичный звон. «Динь-динь-динь, динь-динь-динь! – Колокольчик звенит… Этот звон, этот звук Много мне говорит». Какая фигня в голову лезет в самое неподходящее время.

Был там еще один тип другого пола в таком же шаре, тоже похожий на Асуку, но на него я старался не смотреть, потому что фигурял он несколько другими деталями.

Дополнительно одна Асука, сияя улыбочкой, бултыхалась в большом аквариуме, словно залитом жидким светом.

Ясно, Асуки – всего лишь линейка клонов со смоделированным геномом.

Самый расколбас был на полусферической сцене, где ползала толстущая рептилия с радужной чешуей, из которой пыталась выбраться опять-таки голая грудастая Асука. Из огромной змеиной пасти показывалась то ее голова, то верхняя часть с бюстом, то нижняя часть по самый, извините, лобок, но змея снова заглатывала ее обратно. А рептилия выплясывала жуткий танец под риптайл-бит, змеиное тело ладно выделывало кольца.

Немного поозиравшись, я увидел Обличителя. Тот самый тип, который вытащил меня из обезьянника в Технонезии. И который приходил ко мне «по воздуху» на «Батавии». Сейчас я мог рассмотреть его получше, и имел он отнюдь не «протокольную рожу». Намазанные люминесцирующей краской волосы, тонкий пуловер с большим вырезом, демонстрирующий голографическую

татуировку на крепкой загорелой шее – огненный дракон реет над призывно лежащей дамой. Несколько ослепительно ярких точек на коже – тату-проектор. Какого цвета у него радужки так и осталось неясным. Не из-за контактных дисплеев, а из-за винтажных черных очков, которые в фильмах носят одинокие ковбои, которые убивают или трахают все, что им попадается на пути. Его красный тонкогубый рот скалится, показывая зубы – новенькие, недавно выращенные из дивных плюрипотентных клеток, несколько мелковатые для взрослого человека, зато нечеловечески острые. Не книжный червь, не ботан, а мачо.

Обличитель кивнул мне, одной мощной рукой направил в рот коктейль, состоящий из разноцветных шариков, другой поймал очередную Асуку, которая обслуживала клиентов за столиками. Только эта была с кожей красновато-бронзового оттенка.

– Да, тут все – варианты одной и той же андрогинной клономодели «Асука Си-Бокс», экспрессия генов управляется с помощью деймов. Это было, между прочим, первое применение малышей версии 1.4. А в результате появился «человек, сделанный по науке». Данный вариант Асуки называется «Изнасилованный Рай» в память о девушках Нового Света, которые не знали, что такое брать плату за оказанные интимные услуги и что такое отказать вонючим гнилозубым чужеземцам, припершимся из Европы.

Он постучал по стеклу аквариума, и к той Асуке, которая там бултыхалась, подплыло что-то вроде осьминога и, обклеив ее щупальцами, стало совершать что-то фрикционно-непотребное.

– Это для любителей хентай, сплошные тентакли, – пояснил Обличитель. – У осьминожки рекомбинантный ДНК, имеются генные кластеры, отвечающие за интерес к человеческим самкам. А русалочка Асука отвечает ему тем же. Вы присаживайтесь, я никуда не тороплюсь и вам не советую.

Ладно, поведем светскую беседу, только недолго. Мы устроились за столиком, у которого и ножек не было; он был сделан из чего-то сверхпроводящего и парил в электромагнитном поле. Вместе с бутылкой виски Макаллан 1955 – знаю, знаю, вьетнамцы давно навострились его делать, если надо, и 1926 года смастерят. А также со стаканчиками, похожими на застывшие струйки воды, и кубиками льда.

– Все это чудеса от «Зефф Итернити» и «Медузы» для людей с невзыскательными вкусами? – начал я.

– Что-то вроде того. Подрочив заснувшие в ходе эволюции гомеозисные гены, можно способствовать, к примеру, появлению жабр. Пока мы откладываем освоение океанов и космоса, это легко применить в шоу-бизнесе.

– И, похоже, шоу-бизнесом и ограничится. Бывает, что и на Золотом Тельце далеко не уедешь.

– Послушайте, а зачем, в общем-то, ехать далеко? Чтобы прокормить и разместить еще десять миллиардов людей в океанах и космосе? И кому, собственно, они нужны эти дополнительные миллиарды? Прививали им дух – не привился. Чем дальше в будущее, тем духовность жиже. Прививали любовь к труду и творчеству – не привилось. При первой же возможности бросают трудиться и плюх на диван, оставляя все дела машинам. Я уж не говорю про творчество; они и думать-то разучились. Вот в неолите надо было головой работать, чтоб тебя не сожрали волки, а сейчас нет такой необходимости. Или в Афинах древних, где за вычетом рабов и женщин, имелось лишь тридцать тысяч населения, зато каждый второй был философ, Сократ, Платон, поэт, скульптор, драматург. А у нынешних миллиардов любимый труд – это заниматься онанизмом в виртуалке или, зайдя в паблик, поливать говном что-нибудь светлое и возвышенное, которое как-то сохранилось в мире. Вам-то, господин Пятницкий, самому никогда не хочется, чтобы человечество исчезло?

– Конечно, особенно, когда я смотрю MTV. Господин Обличитель, почему вы тихо-мирно отдыхаете в клубе, рассказывая эти басни, а не мечетесь в панике, пытаясь найти спасение?

– Я просто не беспокоюсь. Заражение почти сто процентов, потому что деймы были во всех. Что в таком случае делать? Какая бизнес-логика должна быть? Правильно, поскорее избавиться от зараженных объектов. И заполнить палубы «Батавии» дублями. А дальше думать о выпуске на рынок деймов следующего поколения, не имеющих уязвимостей прошлого. Ведь никакая неудача не должна сильно уменьшить капитализацию проекта.

– Дублями?

В самом деле, это многое объясняет. Благостное равнодушие всех этих как бы пассажиров, которые попадались на прогулочной палубе, их манеру двигаться, ухмыляться. Так что, все господа и дамы, спокойно фланирующие по палубам и сидящие на концерте, в большинстве своем просто дубли? И сигнал шлюпочной тревоги тогда, получается, не для них.

– Мужчина, следите за моими губами, если со слухом так же плохо, как и со штанами. Я четко артикулирую – дублями. Если вы еще не в курсе, это биомеханические киберорганические устройства, имитирующие конкретного человека согласно генеральной лицензии «Стейно», с программным и дистанционным управлением, частично способные к автономному функционированию.

– И кто ж убил пассажиров «Батавии», господин Обличитель? Как там с первым законом роботехники?

– Деймы легко его могли обойти, потому что трансформант, собственно, уже не человек. Но именно само руководство Трех Горгон дало команду на терминирование хостов и замену их на дублей. Да-да, есть такая низкоуровневая команда, кстати, страшно секретная, для деймов всех версий – на тот случай, если что-то сильно пойдет не так. И они не могут уклониться от ее выполнения.

А ведь та тварь, которая чуть не откусила мне причиндалы, являлась по документам пассажиром «Батавии», но сдохла враз, словно ее выключили.

– Замена четырех тысяч пассажиров на биомеханические устройства, это, по-вашему, как помочиться в подъезде? Никто не заметит?

– В отличие от вас, Кид так сказать Иванович, я никогда не мочился в подъезде, но замечу, что в недавнем прошлом и не такие штуки проделывались. Вспомним хотя бы уничтожение небоскребов нью-йорского WTC с полной подменой причин того, что случилось. Кстати, современный биомех класса 5+ не уступает человеку по набору интеллектуальных функций и обладает полной матрицей эмоций. И когда поет: «Тихая ночь, дивная ночь» поверхность его искусственных глаз увлажняется.

– Но это же откроется. Рано или поздно.

– Скорее, поздно, чем рано. К тому же «Батавия» со своей потерянной мореходностью и разваливающимся корпусом скоро станет жертвой чего-то сильно нехорошего, вроде взбесившегося океана. Так что вообще все концы в воду. Океан есть океан, то тихий, то буйный такой, с него взятки гладки.

Понятно, что задаю ненужные вопросы, ведь у людей уровня Зеффа все варианты бизнес-стратегии продуманы, также как у меня продумано, что я буду есть на завтрак, если кончится овсянка.

– А другие корабли «Мирового змея»?

– Если Зефф не успеет произвести там свою модификацию и залатать дыры в системе безопасности, то вынужден будет повторить то же самое. Он даст команду на терминацию хостов, с последующей заменой пассажиров на дублей. Ну а потом как-нибудь избавится от тех, кто мог бы выявить правду и поднять кипиш. Кто-нибудь случайно выпадет из окна, еще кто-то подавится вилкой, и так далее. А там и потоп Зеффу в помощь.

– Получается, господин Обличитель, что проект начинает существовать ради самого проекта. И даже пассажиры ковчега для него не слишком важны.

– Скажу больше, для успешности проекта вполне достаточно, чтобы выжил вообще один-единственный человек. Самый достойный, так сказать. Как там у классиков: «Спасителя имени всех растений и семени рода человеческого, В страну перехода, в страну Дильмун, где восходит солнце, боги поместили».

– Послушайте, господин Обличитель, это все, конечно, очень интересно, но есть один ребенок, настоящий человеческий, не дубль, мать его. Он должен покинуть корабль мертвецов, который к тому же скоро утонет. Как это сделать? Вы же на «Батавии» знаете все ходы-выходы.

– Пути в отсек «Зефф Итернити» нет. Универсальная система защиты заблокировала пассажирские лифты. Так что все дела закончились, остался только праздник. И, кстати, дорогой Кид Иванович, по большому счету я вам ничего не должен.

Я встал. Воспользовавшись пуловером собеседника, скрутил ему руки и одновременно накинул тугой узел на шею, сильно затруднив ему дыхание. Он меня все-таки разозлил.

– Извините, но я оказался здесь благодаря вам. В значительной степени. Этого достаточно для быстрого и результативного завершения нашей беседы? – спросил я. – Напомню, что помимо пассажирских лифтов есть грузовые подъемники.

Обличитель еле продавил в глотку звуки согласия. Я отпустил его, даже разгладил ему волосы, от которых разлетелись искорки, и одернул его пуловер, по которому с полминуты ходили переливы света.

– Я вам помогу. Не из-за девочки Нади. Она сейчас мило-романтичная, ищет справедливости – а пройдет десяток лет и станет такая же, как все богатые стервы. Помогу, чтобы вы встретились с Саймоном Зеффом.

– Договорились.

– Смотрите. – Он вывел на дисплей моих очков план нижних палуб. – Вот этот отсек, где находится система экстренной эвакуации – непосредственно собственность «Зефф Итернити», он на три палубы ниже. Когда Зефф находится на корабле, то пребывает именно там. И нет ни одного способа проникнуть туда по корабельным переходам – лифты заблокированы, коридоры и трапы перекрыты. Но. Там есть бортовой лацпорт, открывающийся наружу. Вы понимаете, о чем я?

– Да, я ж моряк. Приемный порт для грузов с водонепроницаемой дверью.

– Тот не моряк, кто не имел семь раз трипак; так, кажется, у вас говорят. Я могу открыть его дистанционно.

– То есть войти в отсек можно снаружи?

– И вы сделаете это. Потому что я пьян и труслив. Откроете иллюминатор, спуститесь на тросе с нашей палубы. Дальше через лацпорт попадаете в грузовой трюм, там отдраиваете дверь – надеюсь, что она вполне обычная – и вы в отсеке «Зефф Итернити». Поскольку предусмотрены некоторые изъятия из действия универсальной системы защиты, то оттуда можно, с использованием определенных кодов, отправлять и принимать грузовые подъемники.

– Звучит неплохо, господин Обличитель. Я не пьян и буду делать вид, что не труслив. Однако наверняка есть «но».

– Конечно, много «но». Главное тут, что спускаться придется по наветренному борту, а до уровня лацпорта волна прекрасно достает. Войти через лацпорт в трюм тоже нетривиальная задача. – Обличитель глубоко икнул, и я испугался, что он сейчас перейдет в режим опорожнения желудка. – Поскольку я, скорее всего, смогу узнать, что вы попали внутрь с некоторым опозданием, дверь лацпорта вам надо будет закрыть вручную и притом не захлебнуться. Воды там будет очень много и под хорошим напором. А дальше, будете решать сами – как вам одолеть тех, кто окажется в отсеке «Зефф Итернити»; вы ж герой, такой основательный, упитанный. Если у вас все получится, дадите энергию на грузовой лифт, на нем спустится девочка Надя. И, кстати, подумайте, что вы скажете Саймону Зеффу, если встретите его там. Он наверняка будет недоволен вторжением в его приватное пространство.

– Последний вопрос, почему, на самом деле, вы не хотите спастись с «Батавии», господин Обличитель. Совесть закушала?

– Меня совесть заесть не может. Напомню, что слово «совесть» в английском языке не означает давления высшей морали, а всего лишь набор убеждений.

И только сейчас до меня дошло. Какая позорная дубовость.

– Все понял. Вы – дабл. Зачем тому, кто стоит за вами, рисковать физическим бессмертием, если он собирается стать повелителем синтетических существ, франкенштейнов и биомехов? Зефф проделал для этого господина большую часть работы, но теперь ему надо избавиться и от Зеффа. Хорошо, я иду на сделку с вами. Я убиваю Саймона Зеффа, вы помогаете Наде Бонакасси спастись с этого корабля. Только я хочу знать, чей вы дабл?

Тут посетителей клуба покрыла серебристая паутина, они так и застыли на своих местах.

Та Асука, что извивалась возле шеста, изогнулась с невероятной силой, согнув и свое орудие. А потом треснула посередине.

Я успел запустить в треснувшую Асуку дорогущей бутылкой Макаллана – кажется, попал. Вместе со звоном стекла и треском из ее мощного тела вырвалось кровососущее существо. И, просвистев, как камень, выпущенный из пращи, надо мной – я успел свалиться со стула – впилось в горло одному из посетителей клуба. Но через секунду упырь отбросил посетителя с возмущением – это ж всего лишь дубль. По счастью, я успел приголубить упыря сверхпроводящим столиком, который в моих руках перестал левитировать и превратился в тупое орудие.

Подвешенные хрустальные сферы хрустнули под крепкими ударами изнутри и разбились. Вырвавшиеся из них Асуки стали догонять и кромсать посетителей, разрывая их или, в лучшем случае, отрывая им конечности.

Та Асука, что выделывала трюки со здоровенной рептилией, похоже, стала представлять с ней единое целое. Она и есть змея. Из девичьего рта высовывается раздвоенный длинный язык, а челюсти раскрылись на сто восемьдесят градусов.

Асука-русалка, что пробила стенку аквариума, напоминала полумоллюска-полудаму. Это существо быстро ползло, используя извилистые движения восьми щупалец, а двумя захватывало посетителей, перекусывая их огромным клювом. Но из оборванных искусственных артерий у даблов брызгал лишь какой-то белесый кровезаменитель. Она захватила и разорвала на куски Обличителя и, кажется, была сильно недовольна его содержимым. Моя очередь была следующая, хотя я и закатился под другой столик.

Оторванная голова Обличителя сказала мне, когда я бодро пополз прочь: «Сделка в силе. Идите, я все помню. Я открою дверь лацпорта через информационные каналы грузовой системы». Его рука, которая вместе с куском тела лежала поодаль, перекинула мне универсальный ключ. Метко, прямо в руки.

На Асуку-русалку пришлось израсходовать последний заряд элайзера. Под шипение, напоминающее звуки от жарки кальмаров на сковородке, я дал деру из клуба и, наконец, получил сигнал по близкосвязи от Нади.

Когда мы встретились, она выглядела заплаканной. На сей раз у нее было не уверенное лицо ниспровергательницы, а растерянное и смущенное как у нашкодившей девочки.

– Мануэл.

– Что? Неужели сказал, что любит другую? Отдавай мои игрушки и не писай в мой горшок?

И я сразу понял, что сморозил.

– Он побледнел, из-под век у него пошла кровь, а на шее появился большой отек. Он попросил меня идти дальше без него.

Наверное, он заражен. Скоро это произойдет и со мной.

Смахивает на последний эпизод «Ромео и Джульетты», который я боялся смотреть, даже будучи взрослым дядей. Только закрывал лицо шляпой и слушал жуткие монологи, чувствуя, как в солнечном сплетении появляется черная дыра ужаса.

– Надя, я тебе гарантирую, что с тобой ничего не случится, раз ты до сих пор ни капельки не трансформировалась. Ты не такая, как эти тысячи миллиардеров; у тебя личность подлинная, а не заимствованная из учебников по экономикс и рекламных роликов. Как и у твоей мамы до того, как ее запрограммировал Джейкоб. Поэтому тебя зараза не берет и не возьмет.

Пять минут втолковывал Наде, что я ее не брошу и непременно спасу. Да, после исчезновения Мана она потеряла половину уверенности, и такое впечатление создавалось, что непрочь поиграть в какие-нибудь девочкины игрушки вроде квазиживых куколок Барби.

– Я не революционерка, а просто… одинокое существо. Мне было очень одиноко среди этих самодовольных типов. Мануэл мне так помог, а теперь и его не стало. А мамы, наверное, уже нет. И очень стыдно, что мне ее, в отличие от Мануэла, совсем не жалко.

– Нет, ты все-таки революционерка. У тебя революция одиночества.

– И многих из этих трансформантов, которых мы обработали элайзерами, мне почему-то было жалко.

– Будь на моем месте положительный герой из голливудского ужастика, он бы рассказал притчу про принцессу; как она пожалела несчастного оборотня, который предстал перед ней со всеми своими ранами и жаловался на судьбу. А потом несчастный оборотень, выковыривая принцессины туфельки из зубов, удовлетворенно бы подумал, что его стратегия выживания абсолютно верна, и рассмеялся бы. Трансформанты не люди, вот и весь сказ.

– Не люди, вы уверены, Кид?

– Точно не люди, а возможно, и раньше ими не были. Люди-то – смертные, а эти захотели стать бессмертными как боги, а на самом деле стали как бесы, потому что окончательно оторвались от людского коллектива, мол, ничем не обязаны. Теперь слушай. На «Батавии» есть особые средства спасения. Так сказать, не для всех. Такие, как Зефф, не пропадают. У него было предусмотрено все, в том числе гибель корабля.

Не знаю, почему я ее стал так обнадеживать. Конечно, мне не нужно было, чтоб она начала истерить. Или же захотелось выступить в забытой роли заботливого папаши. Наверное, и то, и

другое вместе.

– Зефф не собирался ни в коем разе превращаться в куски обмыленной и ослизненной плоти, он ведь не совсем дурак. У него был предусмотрен выход. И я только что узнал, какой.

На удивление она кивнула.

– Да, Мануэл что-то такое мне говорил. Мол, у Саймона Зеффа все предусмотрено. Что в отсеке «Зефф Итернити» есть особая система спасения, предназначенная не для всех пассажиров «Батавии». И даже показывал мне одну видеозапись. На записи испытаний было видно, что спасательный аппарат с ракетным двигателем сбрасывается в море, затем стартует из-под воды.

– Охотно верю, – горячо поддержал я. – Напоминает некоторые морские боевые системы. Я такую штуку во время морской службы видел и при стрельбах присутствовал. РПК-6М «Водопад» – знатная штука, которой оснащались тяжелые крейсера. При запуске с корабля ракета ныряет в воду, далее включается маршевый двигатель, она взлетает из-под воды в воздух и доставляет боеголовку в район, где засечена цель. Боеголовка, то есть, по сути, торпеда, снова оказывается в воде и начинает искать подлодку. На «Батавии» вместо торпеды – спасательная капсула. А сейчас мне надо добраться до точки, находящейся выше по вертикали, чем лацпорт, чтобы я, спустившись по борту, мог проникнуть в отсек «Зефф Итернити» снаружи.

– Годится? – Надя, перестав шмыгать носом, вывела на дисплей моих очков схему этой палубы и пометила точку.

Мы шли по коридору – двери многих кают были открыты. Внутри никого, иногда следы борьбы, пятна крови и прочих неприятных внутренних жидкостей на мебели и переборках, иногда куски человеческого мяса или внутренности. Поразили кишки, висящие на люстре. Но никто больше не урчал, не стрекотал и не рычал из углов. Много останков в самом неприглядном виде. Трансформанты жрали друг друга, после чего деймы терминировали их, как умели.

На наших глазах молчаливые служители-биомехи складывали в сосуды Дьюара куски разорванной плоти одного из пассажиров, нос и руки в один, голову в другой. На вопросы не откликаются, только протяжно приветствуют нас, как заведенные: «До-о-обрый де-е-ень». А другие биомехи принесли большой белый ящик и достали из него того же самого пассажира, так сказать, в улучшенной более прочной версии. Легким тычком в лоб включили дабла. Тот поднялся, оттестировался по-быстрому, выплюнул сгусток технологических отходов, оставшихся от фазы

сборки. Надел одежду, полученную по наследству от своего предшественника, и как ни в чем не бывало приступил к обычным делам бездельника-миллиардера. Единственное необычное в его поведении – он совсем не реагировал на нас. Значит, так происходит замена выбывших людей на даблов – буднично.

У «Зефф Итернити» было все готово на случай, если деймы начнут пороть отсебятину и пассажиров придется терминировать. В том числе необходимые материалы для производства дублей в количестве четырех тысяч штук, чтобы внешне все осталось по-прежнему. Вот что значит, думать о капитализации проекта.

Мы с Надей прошли через ресторан восемнадцатой палубы. И там смотрелось все внешне нормально, а на самом деле дико. За столиками сидели прекрасно одетые пары или семейства, неспешно разговаривали, ни следа ужаса и паники, никто никуда не торопился, некоторые здоровались с Надей, жизнеутверждающе играл оркестр – и оркестранты в красном, как принято в день рождения королевы английской. В небольших бассейнах плескалась рыбешка, которую, по выбору посетителей, готовили тут же повара – некоторые рыбки совсем чудные, как шары из полупрозрачной фиолетовой или сиреневой плоти, без плавников. Согласно последним веяниям кухня не была отделена от зала; дым и пар, происходящие от готовки пищи, отсекались туманным барьером из деймов. Так что были видны языки пламени, с которыми играли кулинарные искусники. Все было симулякром, никто из дублей ничего не ел. И блюда, после того, как постояли на столе, убирались официантами и заменялись на следующие.

Наверное, для биомехов все биологические существа на один подбор, и, наверное, они нас всех, от медузы до нобелевского лауреата, называют «полужидкими» или, возможно, «соплевидными». Когда «соплевидных» не станет, биомехам больше не надо будет притворяться и имитировать людей, есть, пить, носить шматье.

– Биомехам революция не нужна, – признала Надя и снова утерла слезу. – Людей нет, а проект «Мировой змей» остался на плаву.

– А мы сделаем ручкой «Мировому змею», очень скоро. И посмотрим, кто останется, в итоге, на плаву, и кто пойдет с бульками на дно.

Снарягу я брал в спортивной каптерке – такие были на каждой палубе, бухту четырнадцатимиллиметровой веревки, обвязку, дюралевую «восьмерку» для спуска и карабин. А еще Надя вручила мне свою косметичку, я так понял, что в ней есть полезные вещи.

Иллюминатор я открывал универсальным ключом от Обличителя, это ж цифровой коннектор, который, то ли подбирает, то ли хранит код открытия, подходящий для замка. Тот открылся, я открутил несколько задраек, иллюминатор задрожал, а когда открутил последнюю, полетел как снаряд из пушки, чуть не снеся мне голову.

А вслед за ним с неистовым воем ворвался ветер, сразу создав тысячу вихрей на палубе, бодро закружив все, что было весом меньше трех килограммов.

Я, помахав Наде рукой для бодрости, рывком вышел из проема иллюминатора. Увидел океан под собой и зажмурил глаза из-за невыносимого зрелища – да разве ж с этой кипящей бесконечной массой можно поиграть в игры? От рева стихий забило уши. Когда я пришел в себя, то понял, что не могу спускаться. Ветер прибивает мое тело к борту, а при любой попытке двинуться, меня начинает мотать, как блоху на шерстинке, которую бьет лапой медведь. Свободный конец веревки бешено бросала вода, беснующаяся внизу.

Но все же я начал спуск, пытаясь попутно обнять борт. Прошел десятую часть пути вниз и потерял половину сил. Остановился, чтобы отдохнуть; если можно назвать отдыхом, когда тебя швыряет из стороны в сторону, словно боксерскую грушу под ударами тяжеловеса. Точнее, рассвирепевшего Посейдона. Сейчас бы не помешало мне весить килограммов на пятьдесят побольше.

Водой меня стало хлестать и заливать, когда осталось метров семь до лацпорта. Теперь волны в компании с ветром по полной издевались надо мной, не давая передышки хотя бы на три секунды. Но я уже у лацпорта – вижу стыки двери, даю сигнал оторванной голове Обличителя, который должен через грузовую систему открыть водонепроницаемую дверь. «Пора, мать твою!» Почему-то я поверил, что он действительно хочет, чтобы я встретился с Зеффом.

Ненароком оглянувшись, я увидел в кабельтове волну, настоящую адскую махину могильного темно-зеленого цвета, высотой раза в два выше, чем остальные, перед которой девятый вал Айвазовского был просто струйкой из-под задней лапки таксы. Мамма миа. Скоро Большая Сатана должна была обрушиться всей своей многотонной массой на меня и размазать.

Я не забился в панике. Наоборот даже отключился немного. Я – пена, просто пена, сползающая по борту.

И тут дверь лацпорта поползла в сторону. Я кое-как ухватился одеревеневшими пальцами за край проема и последним рывком впихнул себя внутрь. Дернул рычаг закрытия

лацпорта. Дверь поползла назад, но нарочито неспешно. Бешеный поток воды ударил в проем. Меня швырнуло, крутануло пять раз вокруг всех осей и шмякнуло о переборку.

Все помещение заполнилось бурлящей водой, а мне уже не хватает воздуха. Дверь лацпорта закрывается, но так медленно, как будто издевается. Я дернулся к ней, помочь, но встречный поток воды не пускает меня. Тогда надо проплыть по круговороту и зайти сбоку, чтобы руками подтолкнуть ее. А воздуха нет от слова совсем. Удушье распирает меня изнутри – еще немного, и порвет мозг – тогда я труп. Вот я у двери, толкаю ее, ничего не соображая. Наконец, чувствую, что вода идет назад, теперь цепляюсь за дверь, чтобы меня ненароком не вытащило наружу. Надо чуть выждать, чтобы в помещении появилось пространство для дыхания. А куда дальше ждать, легкие сжались и схлопнулись, темные пятна проели мой мозг.

Вода все же отошла от моего лица. И я вздохнул. Рай, в натуре. Дверь закрылась, отгородив меня от океана – рай в квадрате. Господи, как же я люблю дышать.

Семь лет назад. Лазурный берег

Со всех сторон от него была насыщенная синева. Тем, кто снаружи, вода кажется одинаковой и молчаливой. Особенно якобы печальна и тиха, как смерть – Глубина. На самом деле оттенков в ней – цветовых, температурных, вкусовых, по прозрачности и проницаемости взглядом – не меньше, чем на суше. И она говорит многими голосами. Хотя смерть в ее владениях тоже обильно присутствует. То, что медленными белыми хлопьями, изрядно похожими на снег, опускается вниз – останки прежде живых существ.

Ка слышал мощное урчание пучины. Вода полнилась разговорами морских существ. Кто-то ищет кого-то, чтобы слопать. Или ищет, с кем поиграть. Или сперва поиграть, а потом слопать. Или познакомиться в матримониальных целях. Или наставить потомков на путь истинный. Или собрать команду единомышленников, чтоб вместе бродяжить по морям. Некоторые особо крупные господа и дамы обожают общаться друг с другом на расстоянии тысяч километров – звук в воде, если умеючи его издать, в нужном слое, в состоянии пробежаться по всему океану. И тему общую всегда находят – насчет питания или насчет воспитания молоди. Вспомните, как иногда разговаривают друг с другом с разных концов автобуса два выходца из южных краев, нисколько не смущаясь толпы остальных пассажиров. Под водой примерно то же самое.

Здесь слышны разговоры дельфинов – они окликают друг

друга с любого расстояния по имени: брат Петя, не узнаешь брата Жору? Жужжание больших рыбьих косяков – рыбонька моя, не потеряйся, держись всегда моего хвостика. Крики китов – у них есть мудрые вожди, которые отдают указания на сотни миль – плыви, мой верный, в Южное полушарие. И шепот планктона, изначальной жизни, лежащей в основе бесчисленных пищевых цепочек.

Организм Ка замечательным образом способен настраиваться на условия среды. Дыхательный центр теперь сам предотвращает непроизвольный вздох – а иногда и под водой бывает душно, особенно если застываешь на месте. Центр в продолговатом (про него доктор Олленбергер сказывал) мозгу стал регулировать ритмы обоих сердец, замедляя их при длительном погружении. Ка научился вмешиваться в работу тех органов, которые раньше были недоступны сознанию. Это, конечно, не так, как у штурмана в ходовой рубке судна, который скажет «малый ход», и судовая машина сбавляет обороты. Ка точно течет вместе с кровью, чувствуя вязкость жидкости, подталкивавая ее в пузырчатую гущу легких или выжимая ее из каких-то сосудов. Может поглаживать одно из своих сердец, как котенка, успокаивая и замедляя его.

Когда Ка отрубался от усталости, то продолжал пересекать водные просторы на автопилоте, то есть полуспал-полубодрствовал на плаву. Что-то наблюдая в яви, а что-то в не-яви. Там он видел серебристые сполохи, которые растягивались в нити, дрожащие, трепещущие и даже жужжащие. Иногда они рассыпались ворохом искр, а порой становились будто бабочки с серебристыми крылышками и, слетаясь, образовывали новые ниточки. В своем полусне Ка двигался вдоль такой посверкивающей нити, которая показывала ему путь в пространстве и времени…

В полусне он даже лучше чувствовал самых молчаливых и опасных обитателей пучины, которые обычно становятся слышны, когда уже убивают свою жертву, звучно вырывая зубастой пастью сразу пять кагэ мяса. Впрочем, однажды Ка столкнулся нос в нос с семиметровой зубастой красавицей. И только то, что он с перепуга направился прямо на нее, заставило белую акулу свернуть в сторонку. Он еще долго и с содроганием вспоминал ее улыбку в триста зубов.

Сейчас в сновидение Ка ворвался хоровой металлический звук и мгновенно пробудил его – приближается она, плавучая гора.

Ка всплывает на глубину двадцать и движется параллельным курсом к движению огромного корабля.

А следом за Ка из синевы выплывает морское чудище, словно

бы имеющее гребень, длинный кольчатый хвост и несколько голов с фиолетовыми зевами. То ли морской змей, то ли молодой, еще не округлившийся Левиафан. Но нет, это всего лишь многочисленные и разнообразные морские существа, планктон и нектон, кишечнополостные, моллюски, асцидии, мшанки, черви, личинки, мальки и так далее. Ка прекрасно чувствует эту гущу – она как будто продолжает его тело, потому что подвластна его воле. Его мысль падает в нее, летит по ней, оснастившись серебристыми крылышками и, постепенно замирая, производит ее изменение и движение.

Сейчас корабль проплывает через это скопление живых существ. Они не воспринимаются корабельными гидролокаторами и подводными беспилотниками сопровождения как опасность, потому что отражают акустические волны, как самые обычные порождения природы.

Мириады крохотных телец налипают на борт корабля, особенно на корме, на его руль и винт, погибая во множестве, но оставляя слизь даже на лопастях.

Пока ничего особенного как будто не происходит. И ничего особенного не будет происходить долгое время. Как будто.

Только через несколько лет по бортам огромного корабля расплывутся бурые кляксы, словно язвами покроются лопасти винтов.

Еще прилично погодя заморщинится недавно такая гладкая легированная сталь, и вдруг «распустится» огромными цветами. Системы контроля зафиксируют поступление в отсек забортной воды. Ничего не понимающий капитан даст команду задраить водонепроницаемые двери, клинкеты, горловины и ввести в работу водоотливные средства. Но тут начнет поступать вода в другой отсек. Борта корабля будут выглядеть – при осмотре с помощью подводных дронов – словно пораженная плесенью картофелина. Винт лишится лопастей, и гребной вал лишь зря будет расходовать мощность двигателя.

Забавно, но корабль, огромный и твердый как гора, станет едой для склизких тошнотворно мягких существ.

Эти «пожиратели железа» своими крохотными едкими телами будут вызывать быстротечную питтинговую и межкристаллитную коррозию металла. Чтобы дело спорилось, в каждой едкой крошке имеется органелла, занимающаяся сверлением корпуса корабля маленькой дрелью со сверлом из ионов-активаторов. Она является усовершенствованным потомком стрекательной нити медуз и подпитывается за счет взрывного окисления металла.

Ка научил этих существ быть такими, когда они оказались в сопровождавшем его шлейфе среброкрылых бабочек. Ощущая

искорки накопленной ими энергии и паутинки электромагнитных взаимодействий, улавливая мелкие вибрации химических и вандерваальсовых связей.

Обучая живую слизь, Ка нередко скатывался на ту границу, где вещи теряют реальность и множественность, а пространство создается ручейками организующего времени, которые просачивается сквозь мембрану вакуума. За ней Бездна, наполненная бушующей хрональной энергией. В ее сердцевине живет Оно, которое порождает нас всех, а потом принимает обратно, сглаживая те небольшие различия, которые мы приобрели в процессе недолгого индивидуального существования…

Однако и Ка, кажется, иссяк, такая усталость пропитала его насквозь, проникла в каждую клетку…

К нему подплыла Бланш, потом вторая белуха, третья, четвертая, целая стая, закружились хороводом.

Они приглашали его, и Ка, ухватив за плавники сразу двоих, давай рассекать так, что бедный тюлень Леопольд едва поспевал за ними.

Вдруг белух рядом не стало, зато все больше рыбешки. Вскоре ее так много, что рябит в глазах. Ка догадался, что его тащит траловая сеть. Финал близок – неумолимая сила затаскивает его через кормовой слип рыболовецкого судна. Затем он куда-то падает, приходится бороться, отчаянно работая руками и толкаясь ногами, чтобы его не погребло под толщей рыбы.

И вот он лежит на груде улова, заполнившего рыбозагрузочный бункер, этакий русал. Хорошо, хоть плавки не потерял. С флагштока к нему склоняется российский флаг. Слышатся слова на родном языке.

– И что за зверя выловили?

– Кажется, моргает. А упитанный-то какой.

Это было последнее, что он услышал.

Ка хотел, выхаркнув влагу из глотки, объяснить, что он не упитанный, а адаптировавшийся; без слоя жира в холодных водах не выжить. Но не получилось. Он отключился, когда попытался произнести свое имя: «Кха-а-а».

А когда очнулся, уже в тепле, под одеялом, на койке, то попросил кусок сала и стакан водки. В счет следующей получки. Его спросили, как его зовут, он ответил: «Ка». И все присутствующие, заржав, нарочито начали переспрашивать: «Как, как? Ка-ка или просто кака?» И какой-то мужик, показывая пальцем на его татуировку с якорем, сказал: «Ну, надо ж так упиться, морячок». А парень в очках, судовой радист, сказал, что у древних египтян словом «Ка» обозначался двойник человека,

сохраняющий его жизненную силу.

И тогда Ка показалось, что его, на самом деле, зовут Кид Иванович Пятницкий. И когда он назвал свое имя, фамилию и отчество, то все перестали смеяться и посмотрели очень сочувственно. Поскольку люди требовали подробности, то пришлось Киду Ивановичу из осколков и обрывков памяти на скорую руку соорудить свою биографию. Дескать, служил срочную на ВМФ, а после морского училища недолго был штурманом на судне. Уволился, неудачно занимался бизнесом, потому что не смотрит на людей, как на предметы, приносящие прибыль. Кажется, у него есть бывшая жена и сын. У жены пять котиков, против чего он не возражал, и какие-то френды, с которыми она общалась виртуально, пока он был дома, и вполне реально, когда он дома отсутствовал. Это вызывало у него протест, поэтому они давно развелись.

О том, как он попал в воду Баренцева моря, пришлось откровенно наврать – мол, упал за борт во время морской прогулки на яхточке. А когда Ка слепил из обрывков воспоминаний и догадок свою человеческую биографию и некое подобие человеческого прошлого, то пучина морская с ее разговорами и видениями стала таять в его памяти, как медуза, выброшенная на берег…

Васильевна, как вскоре выяснилось – судовая буфетчица, отнеслась к просьбе найденыша ответственно и принесла сала и водки. И вообще занималась им последующие сутки, безмерно удивляясь тому, что он иногда любит полежать вместе с уловом во льду, умеет разговаривать с рыбами и мастерски прослушивает чужие разговоры через канализационную трубу. И, конечно, его прожорливости.

А в итоге состоялась содержательная беседа с капитаном траулера.

– Я запрашивал все суда в радиусе ста миль, ни у одного из них нет лиц, упавших за борт, и прочих потеряшек. Документы у тебя отсутствуют. Ты кто, мать твою? – напрямки спросил седой мужчина, в котором чувствовалась военная выправка отставника.

– Отдыхающий, поправляю здоровье на море. И кто ж вам расскажет про меня, если я был на яхте совсем один. Вышел из гренландского порта, как его… Ангмагссалик, в восточном направлении. Вы же знаете, что сейчас в Гренландии буча; вождь эскимосов Нанухак вместе со своим отрядом «гренландских китов» устраивает диверсии, американские «морские котики» бурят лед, пытаясь его найти. Так что Гренландию запрашивать бесполезно. И какие документы, если я остался в одних плавках?

– У меня на борту не может быть отдыхающих, да еще с таким

аппетитом.

– Возьмите меня в свою команду, Иван Викентьевич, – взмолился Кид Иванович. – На море случайных людей не бывает. Пусть матросом, пусть второго класса. Я ж не в старпомы прошусь, хотя мог бы.

– Мне тоже сдается, что ты не так прост, как кажешься. А если ты также за борт уйдешь, как оттуда пришел?

И седой капитан кивнул в сторону лееров. – Что мне писать в судовой роли?

– Ничего пока не пишите. Работать я буду за еду, и в штате присутствовать мне не обязательно. Как и тем филиппинцам, что у вас на разделке рыбы стоят.

– Ну, стоят, – несколько зарумянился Иван Викентьевич. – Сейчас их к нам на севера́, знаешь, сколько набежало, с разных южных островов. Все про наше Белое Эльдорадо наслышаны. Ладно, если за еду – хотя понимаю, что в этом ты рекордсмен. Но лучше бы я тебя ученым сдал, чтоб изучали и радовались; да только, где их тут возьмешь.

– Вот ученых не надо, Иван Викентьевич, всех этих химиков, физиков, биологов, проктологов. Я же человек, который иногда звучит гордо, а не морская свинка им для опытов.

Работал Кид Иванович и с тралом, и на обработке рыбы – простоять такую смену, прямо скажем, круче, чем под водой двадцать миль проплыть.

А на Карском море, в заливчике с издевательским названием Благополучие, где шла выгрузка улова на плавбазу, Кида Ивановича смыло за борт ударом новоземельской боры.

Ветер бросался от норда и как будто сверху. Траулер сорвало с якоря, развернуло, сильно накренило и ударило о борт плавбазы. Этим толчком Кида Ивановича перекинуло через леера. В следующее мгновение траулер отбросило от плавбазы и падающий угодил в полосу кипящей воды между бортами. Он ушел вниз, в студеную муть; есть, от чего запаниковать. А ему наоборот, вдруг захотелось остаться в том холодном глубинном покое, в котором он не столь давно пребывал. И чуть там не остался, еще немного бы, и воссоединился с миром планктона, нектона, тюленей и китов. Но Кид Иванович, преодолев это желание, ответственно заставил себя вернуться к людям. Одолев метров двадцать, проплыл под килем и выплыл с другого борта, чтобы суда не могли раздавить его очередным навалом. А товарищи ухитрились вытащить его из лютующего моря, ловко спустив ему веревочный трапик, и быстро оздоровили чисто народными средствами…

Кид Иванович понял, что доплавался, и, если хочет остаться

человеком, а не числиться тварью морской, то пора двинуться по стопам кистеперой рыбы – на сушу. Он списался на берег в Мурманске, когда траулер ушел на ремонт. В кармане был паспорт на Кида Ивановича Пятницкого – благодаря содействию ушлого капитана здесь ему выправили документы на имя, которое, как ему казалось, он должен был носить. А в базе данных МВД действительно имелась некая персона с такими персональными данными и схожим внешним видом, пропавшая без вести немало лет тому назад. Кид Иванович нашел в сети странички людей, которых он считал своей бывшей женой и своим сыном, но пока не рискнул написать им. Как объяснить им, что столько лет отсутствовал? Он и себе это объяснить не мог.

На суше Кида Ивановича никто особо не ждал, так что возникло было желание устроиться на какое-нибудь грузовое судно: заработок-то нужен, если постоянно хочется поесть или перекусить. Не во все уголки Севера смогли пройти на своих длинных ногах-опорах ажурные эстакады новых дорог, да и экранопланами немного навезешь. Так что на снабжении рабочих поселков и военных баз по-прежнему ишачат немолодые сухогрузы с полосами ржавчины под клюзами, похожие на подсохшие кровавые слезы.

Но неожиданно Кид Иванович получил благоухающее эротическими духами письмо на розовой бумаге от юридической фирмы «Гран Аффэр» о том, что на него вместе с именем свалилось и наследство – особняк в три этажа на Лазурном берегу.

В общем, Пятницкому причитался от двоюродной сестры его бабушки, Елизаветы Жозефовны, урожденной Жопризо, особняк с садом, который она, в свою очередь, унаследовала от своей бабули, настоящей графини, некогда прикупившей участок на Лазурном берегу, неподалеку от Сен-Рафаэля. А также неплохой счет в банке.

И что подумал Кид Иванович: дают – бери, а бьют – беги.

Там, на северах, вечный бой, в Сен-Рафаэле – покой, тишь, гладь и рыночная благодать. Если кто еще не жил в Сен-Рафаэле, то, конечно, покупайте местную недвижимость – в миллион евро можно всегда уложиться – и тогда вам будет классно и вы станете такой, каким вы должны быть. Если верить рекламе.

Сказать по правде, Кид Иванович не очень помнил родственницу Елизавету Жозефовну. Вернее, совсем не помнил никакую бабу Лизу. Хрен знает с чего эта Жозефовна посчитала его своим родственником. Однако Кид Иванович пришел к выводу, что из-за травмы или там посттравматического синдрома забыл много полезного из бывшей жизни, какие-то родственные

связи, к примеру. Не исключено, что его с кем-то спутали; однако грех этим не воспользоваться, жилплощадь – свободная, самой Елизавете Жозефовне земные блага как бы нынче по барабану.

Вместе с недвижимостью стоимостью около миллиона евро свежеиспеченному домовладельцу полагался и вид на жительство. Новым буржуям страна на Средиземном море всегда рада, учитывая, что ее собственные жители, рангом попроще, валом валят на заработки в Саудовскую Аравию и Абу-Даби – радостно драить унитазы и бодро выносить стул из-под тамошних пенсионеров. А некоторые саудо-аравийские и абу-дабийские пенсионеры особо предпочитают французов, которые частенько квиры или би. А побежали трудовые французские мигранты в южные страны после того, как вся французская промышленность загнулась, включая сырную. Она не вынесла конкуренции с азиатскими механохимическими фабриками, которые производят из крысиного дерьма отличный камамбер, Бри де Мо и рокфор. Благо что разница по запаху между входящим и выходящим веществом не велика.

Еще в распоряжение господина Пятницкого переходил ряд одноэтажных построек с плоскими средиземноморскими крышами, образующими двор с садом, которые он обязан был отреставрировать от уровня развалюх до степени виллы в римском стиле. И прогуливайся себе с тросточкой по комнатам и саду, забрасывая в рот разную полезную ягоду, только жилетку не забудь надеть; и напевай что-нибудь подходящее: «Dans les prisons de Nantes Il y a un prisonnier Il y a un prisonnier Que personne ne va voir Que la fille du geôlier». Только никто тебя Кидом Ивановичем не назовет, максимум «месье», и это единственное, что тогда огорчало. Пробовал он за пять евро научить мальчишку, доставщика пиццы, произносить слово «Иваныч», но у гарсона получалось лишь что-то вроде «Бонвиванич», как его не пинай.

Утекла пара лет сытой, но бездумной жизни, и выяснилось, что поводов для огорчения куда больше, чем казалось на первый взгляд. И, что верхние этажи особняка, также как и двор с садом, являются спорными, есть на них и другие претенденты. Но скромному господину Пятницкому и одного этажа о девяти комнатах показалось достаточно. Мол, остальные двадцать комнат и не приберешь-то по-человечески, иначе с тряпкой и шваброй замучаешься целый день носиться. Не говоря уж о саде и дворе. Наверное, он бы и на меньшее согласился, комнатку под лестницей; кому, собственно, нужны эти покрытые слоем пыли и мусора бесчисленные квадратные метры?

Со времени обретения милого дома многое изменилось. Раздобрел недавний рыбак, подрос вширь, стремясь, как и

небесные тела, к идеальной форме шара. Много ест и спит, за неимением других осмысленных занятий. И его не столь давняя подводная жизнь кажется ему теперь просто дурным сном.

А снится ему, в основном, другой «сериал» – как появляются посторонние субъекты в его большом захламленном доме. Во сне он запирает парадный и черный входы на три замка, но незваные гости все равно как-то просачиваются. Замки оказываются неисправны, рассыпаются ржавью. Чужие входят через двери и окна, проходят сквозь стены или просто возникают в темных углах. Лиц не различить, они подернуты туманом, видны лишь клинья подбородков, острые кадыки и заостренные кверху уши. Во сне Пятницкий видит себя даже более грузным, чем наяву, настоящим окороком – живот и бока украшены бесчисленными складками. В одних трусах он бегает от незваных гостей по комнатам, тряся складками, громко шлепая босыми разбухшими ступнями и оставляя жирные следы. В конце концов запирается в туалете, но здесь тоже гаснет свет и незваные гости начинают конденсироваться из мрака.

Материальная основа этих снов не по Фрейду – то, что господин Пятницкий проигрывает судебные процессы. У Елизаветы Жозефовны нашлись другие внучатые племянницы. И это не бывшие рыбаки-чудаки, и не какие-то невесть откуда взявшиеся русские, не поддельные буржуи вроде месье Пятницкого, а солидные господа с глянцевыми физиономиями и стеклянными глазами из банковских офисов Лондона и Цюриха. Денежки Кида Ивановича, легко доставшиеся ему, теперь легко утекали и за пару-тройку лет совсем утекли на покрытие издержек по проигранным судебным процессам. А также на гонорары юристам и походы в ночные клубы с юристками. Была там одна, которую господин Пятницкий вначале полупрезрительно именовал «лягушатницей» и «профурой», потом горделиво – «содержанкой» и «кокоткой», и, наконец, с придыханием – «mon amour».

Вообще, если б не сладкоголосая, длинноногая и прекраснорыжая стрекоза Беа из солидной адвокатской фирмы «Гран Аффэр», то Кид Иванович, может быть, и не задержался бы так надолго в Сен-Рафаэле. Получается, из-за нее он сейчас разоренный, разжиревший на пятьдесят кило, в дупель больной. О, разбухшая печень и агрессивно урчащий кишечник, о, учащенное мочеиспускание, о, скрипящие суставы и засоренные сосуды. Но, кроме Беатрис и изобилия квадратных метров жилплощади, у Кида Ивановича никого и ничего не было, ни друзей, ни работы. Да, у него была еда, которая постепенно обращалась в жратву, загружаемую словно конвейером в брюхо –

прописанное заокеанским доктором средство от скуки, тоски и страха. Но из-за этого, после смерти, господин Пятницкий попадет в ад для жиробасов, где совсем нечего поесть.

В общем, Кид Иванович не слишком доверял и любовным мурлыканьям Беатрис Леблан, особенно когда она садилась на его колени, каждое из которых было толще ее талии, и невзначай просила заплатить за ее сегодняшние покупки у Сваровски: «Oh, mon chaton, avant de s'embrasser, n'oublie pas de payer mes achats». Кид Иванович не настолько неискушен; он подозревает, что, подвернись возможность, красотка Беа мигом продала бы его на органы. Хотя, может, у него даже не осталось органов, находящихся в приличном состоянии.

Мадемуазель Леблан стояла в начале его падения, и в середине тоже. А в конце траектории падения стоял ночной горшок, задвигаемый в светлое время суток под кровать – потому что до ватерклозета лень тащиться через девять комнат. Получается, что на этот горшок променял господин Пятницкий и Арктику, и буфетчицу Васильевну.

Однако Кид Иванович все летел как мотылек к лампадке, навстречу Беа, несмотря на многочисленные свои килограммы, стараясь мыслить иррационально, или вообще не использовать мыслительный орган.

Когда господин Пятницкий набрал гордые сто сорок кило, Беатрис перестала с ним встречаться, заодно унизив его наименованием «бегемот». Tu es gros comme un hippopotame, j'ai honte d'être avec toi. Возможно, она назвала бы его как-нибудь поласковее, например Пантагрюэлем или жуиром с картины Рубенса, если бы не оказалось, что живых денег у него стало где-то около нуля. Недолгое время навещала Кида Ивановича одна слабовидящая и многокушающая дама, при помощи собаки-поводыря. Она не сумела разглядеть в нем бегемота – возможно из-за проблем со зрением или оттого, что находилась с ним в одной весовой категории. Потом собака сбежала со службы, так что последние полгода Пятницкий совсем один. От слабовидящей остался на память бюстгальтер пятого размера, играющий ныне роль мухобойки.

Один без всякой игривости. Один, как червяк, прячущийся под камнем от палящих лучей солнца.

Что означает: быть неинтересным никому?

Означает, что интерес к Киду Ивановичу проявляют только черные риелторы, трансплантологи, тоже черные-пречерные, продавцы чудодейственных аюрведических таблеток «от всех болезней» и не менее чудесных приборов, создающих «магнитный резонанс» и «торсионное поле», которые надо прикладывать к

любому занедужившему месту. А еще разносчики пиццы – с тех пор, как Кид Иванович решил, что за пределами дома он все видел и в большом мире ему делать нечего. Демонстрировать свое толстеющее лысеющее неуклюжее тело на фоне поджарых господ с кубиками на животах и стройных дам с тугими попками – типичных обитателей Лазурного берега – будет не комильфо.

Если быть точным, все же не совсем один был Кид. Как-то пришел к нему друг человека кот – на запах гниющих остатков рыбы в мусорном бачке. И как бы остался. Или, точнее, зверь очень часто заходил на огонек к Киду Ивановичу, вместе поедят, затем пообщаются. Если б то была кошачья дама, тем более рыжая, то господин Пятницкий ее бы не пускал, несмотря ни на какие игривые мяуканья – зачем ему этот ненужный эротизм? Одно слово «киска» навязчиво напоминает о мадемуазель Леблан. А коту-мужчине и имени не надо давать, он несет на себе все родовые черты всего своего племени. Кид каждый день зачитывал коту свой трактат, который он писал также каждый день по несколько букв, и четвероногий приятель одобрительно мурлыкал. До чарующего словоизвержения Набокова трактату было далеко, зато его содержание было куда глубже и целомудреннее.

Собственно, Кид Иванович относился к редкому нынче роду кухонно-туалетных философов, что были совершенно вытеснены на обочину истории хлесткими 3d-клипами, которые распространялись по сетям миллионами ботов. Наверное, и писал-то Кид Иванович свой труд, потому что никак не получалось убить время на просмотр телесериалов, несмотря на телеэкраны-обои во всю стену. Ведь он не мог понять, зачем надо растягивать на сто часов то, на что хватило бы пятнадцати минут. Да и от интернета его отрезали, когда деньги кончились, так что в онлайн-играх и Блаблере уже не убьешь время, которого слишком много. Все его вещи тоже отключились от сети. И стол, и стул, и дверь, и плита с холодильником, и пылесос, и чайник с кофейником перестали быть умными, не могли теперь обращаться на «вы» и желать «доброго утречка», разучились спрашивать «вам покрепче?», забыли как шутить и рассказывать забавные истории, сделались обычными, серыми. Последним, кстати, отключился унитаз. Так что, когда компьютер был отрезан от сети, а унитаз пока нет, то Кид Иванович часто использовал его не по прямому назначению, а для РПГ-игр, глядя в него как в монитор.

Была в философском трактате Кида Ивановича, к примеру, «котовья теория». Мол, коты – это типа ангелы. Иногда типа бесы, которые есть падшие ангелы, ангелы навыворот. Может, у них

немного интеллекта, но с эмоциями – все в порядке. Совсем как у ангелов, как вам скажет любой эзотерик. Настоящих ангелов немного, а котов много и их хватает на всех, ведь в материальном мире главное – количество, а на небе – качество. Или вот раздел о либералах и консерваторах. Либералы размораживают то, что консерваторы замораживают. Если сравнить это с действием холодильника, то замораживание всегда требует больше энергии, чем размораживание. Значит, либералы будут, как правило, побеждать, потому что им требуется меньше расходов на энергию. Но в размороженном холодильнике поселяются бактерии и плесень и быстро портят еду, значит, если либералы победят окончательно, то ничего, кроме гнили, не останется. Ударился Кид Иванович и в поэзию, вечную спутницу праздности и безделия:

Как-то поздним вечером, наверное, в Сан-Франциско,
Но, может быть, в Париже, что, в общем, где-то близко,
Три бомжа обкуренных, войдя вдруг разом в раж,
Отправились кондитерскую брать на абордаж.

Ни капитал, ни Маркс, и ни Генон Рене
ни дали шансов им вкусить эклер с буше.
Трусливых критиканов в сети не перечесть,
Но три бомжа готовы жизнь отдать, чтобы вкусняшку съесть.

Пакет засаленный на голове, лишь с прорезью для глаз,
До булочной-кондитерской вчера прорыт уж лаз.
Намек на страх, о воин улицы, в душе своей сотри,
Гранатой станет баночка с уриною внутри…

Хозяином кондитерской был граф Раймонд Прованский,
по матери из Грузии – Багратион-Мухранский.
Любовник вместе с графом сражаться был готов,
А также посетители, всех четырех полов.

Не меньше часа длится битва – бездомных с капиталом.
И выбитых зубов ей оказалось мало.
Сломалось дилдо графа, любовник пал без чувств,
И баночка с мочой коснулась чьих-то уст.

И аромат «Шанель» был смешан с перегаром,
А стулья венские вдруг вымазаны калом.
И глаз мадам Фуко упал в корытце с кремом,

Чтоб сделаться той битвы недолговечным мемом.

Приехал полисмен, трансгендер молодой.
Натужно размышлявший, стать мужем иль женой.
Ни в чем не разобравшись, изрешетил он всех,
Процесс роботизации заменит людей тех.

И вот Кид Иванович получил извещение, что истинно европейские родичи бабы Лизы собираются отнять у него и последний оставшийся этаж – конечно же, по суду. У кого больше бабла на адвокатов, у того и больше прав человека. Так что один весьма упитанный червячок останется под палящими лучами солнца без камушка. И возвращаться некуда – даже на рыболовецком флоте его бы теперь признали не за человека, а за моржа.

Когда Кид Иванович совсем отчаялся, ему позвонила Беатрис. Нет, вовсе не собирается фирма «Гран Аффэр» предлагать Киду Ивановичу юридическую помощь. Она помогает только богатеньким, а его даже от канализации отключили за неуплату; приходится ходить под «грибочек» на ближайшем пляже, когда курортники расходятся по барам и гей-клубам. Сама Беатрис быстрым захлебывающимся голосом взывает к помощи; дескать, ее преследует и вот-вот настигнет «русская мафия». Девушка-юристка неудачно защитила интересы некоего деда Хаттаба (ага, мафия очень «русская»), отчего у него отняли выстроенный им шикарный бордель с садомазохистской специализацией, в который люди специально приезжали аж из Нигерии. Мафиози взъелись на конкретную Беатрис вместо абстрактной фирмы, наезжают по полной программе. Обещают, по своему обыкновению, изнасиловать ее всей бандой в пятьсот человек, причем извращенным образом, «как овцу», затем зарезать опять-таки, «как овцу». А полиция ей не верит, и начальству нет до нее дела. Не может ли он спрятать ее у себя?

Ну а какое дело забытому всеми толстяку и до мафиози-скотоложцев, и до этой, мягко выражаясь, куртизанки? Не была она верна ему и пяти минут, потому и грозит ей извращенным групповым сексом какая-то мафия. Банальные воспоминания о ее «больших голубых глазах» опустим, уж Пятницкий-то знает, что прыгающие в них циферки оценивают клиента с точки зрения его платежеспособности. (Может, там у нее линзопроекторы, которые выдают актуальную информацию в «дополненной реальности» о состоянии счета у подопечного?) Но все же соскучился Кид Иванович по чему-то, отличающемуся от ночных горшков и

склянок с лекарствами, от мутных баночек с настоем целебных трав и кастрюлек со вчерашней кашей, ныне напоминающей засохшую грязь. Ведь если тебе плохо, помоги тому, кому хуже – и сразу станет хорошо.

Где-то около одиннадцати в дверь позвонили и разбудили его.

Кид Иванович Пятницкий окончательно просыпается и первое, что видит наяву – как бы пригорок. А на самом деле, свой живот, главный «производственный модуль». Из-за него встает немного выцветшее по-зимнему солнце, проникая через помутневшие стекла и занавески, испачканные жирными пальцами. Живот прикрыт одеялом с пятнами от еды, на котором сейчас расселись корявые солнечные зайчики – и со стороны напоминает клумбу. Рядом обшарпанная табуретка с лекарствами, под ней таит свои секреты ночной горшок с цветочком на эмалированном боку. Зато нет никаких незваных гостей, все эти ужасы растаяли вместе со сном.

На полысевший коврик, подрагивая рыхловатой плотью и стараясь не задеть горшок, становится одна нога – живая тумбочка, потом другая. Разбухшая ступня прекрасно чувствует крошки от бесчисленных пицц и бигмаков, поглощенных на этом самом месте, а нога, напоминающая по виду и цвету пудинг – утренний холодок, проникающий через рассохшиеся рамы. Хотелось обратно под одеяло, хотелось досмотреть «фильм» про то, как он на мостике корабля, но Беатрис сказала, что придет в одиннадцать.

И Кид Иванович прошаркал в шлепках на босу ногу по длинному коридору в прихожую. Снял с гвоздя и накинул на себя пальто, выполняющее также роль халата. Глянул в пыльное зеркало – где тот квадратный подбородок и граненый нос, который должен быть у каждого приличного мужчины западной цивилизации? В этой квартире, увы, нигде. Он специально подошел поближе к зеркалу, чтобы не видеть живота, но вид собственных заплывших глаз тоже не порадовал его. Кид Иванович открыл дверь, с надеждой, но как-то машинально, даже не глянув в дверной «глазок». Увы, эта была великая ошибка.

В дверном проеме вместо длинноногой красотки встал некто, являющий собой полную противоположность мадемуазель Леблан. Квадратный, по ширине полностью совпадающий с проемом, так что и никаких зазоров не осталось, с набрякшей будкой, изображающей лицо. И за ним еще один нарисовался – верзила, стройный как сопля, похожий на восклицательный знак и как будто с отпечатком молотка на узком лбу. Таких бы век не видеть.

Но, отодвинув Кида Ивановича плечами, они мигом оказались в его доме. Ночной кошмар стал дневным.

Верзила, неуклюже спародировав дамские хи-хи, подмигнул толстому растерянному человеку:

– Мы вместо нее. Здравствуй, котик. Ух, какой жи-и-ирный у нас котище. Дай-ка ущипнуть.

А Квадрат прогудел луженой глоткой:

– Одна бабця сказала, що ты крутый. Я що думаю: для такого фраера, як ты, метражу у тебе забагато.

Квадрат обошел ближайшие комнаты, с грохотом задевая мясистыми боками тяжелые стулья стиля Art Nouveau, толкая оттопыренными ушами засохшие орхидеи в подвесных кашпо. Уронил взгляд на фотографию в рамке – где Пятницкий с коллегами-рыбаками на траулере – и густо сплюнул на дорогой персидский ковер.

Затем квадратный «гость» вернулся в прихожую, где в ужасе застыл Кид Иванович. Единственное, что смог произнести, точнее проблеять, хозяин квартиры, было:

– А вы, господа, от дедушки Хаттаба? Как его здоровье?

– Да, ничего, жопа не чешется. – Затем Квадрат поделился впечатлениями от фотографии. – И якы мерзенни морды у ваты, потомственни алкаши. И куды ж ты в Европу лизеш, товстун? Засрал тут все.

Квадрат ударил Кида Ивановича, почти не глядя, по разбухшей печени.

Грязную работу должны выполнять грязные люди, не местные чистоплюи, а заезжие живодеры из бандеровского воинства. Они, кстати, приняли Кида Ивановича за безвольного жиробаса, покорного как бекон на тарелке. Да, он стал таким и практически не реагировал на унижение собственного достоинства. Но живодеры не знали, что могут разозлить Кида Ивановича, отчего тот машинально сделает что-нибудь резкое. И, пнув кота, который вышел поздороваться, Верзила просто нажал красную кнопку. Возможно, если б кот увернулся, то красная кнопка не сработала бы. Но подлость всегда неожиданна, поэтому котофей не успел включить рефлексы и отлетел в сторону с обиженным визгом.

– Как? Невинное животное обижать и у меня дома?

И в Киде Ивановиче полыхнуло пламя, по его позвоночнику, казалось, пробежал красный дракончик, рассыпая во все стороны искры, похожие на бенгальские огни. Человек в пальто-халате применил прием, что в ходу у увесистых бойцов в балаганной борьбе, именуемой «реслинг». Взять противника за руку – на излом – и, разбежавшись с ним, как фигурист с фигуристкой,

треснуть им об стенку. Именно так и произошло у Кида Ивановича с Верзилой. Ударившись о стену, гость сравнял противодействие с действием и отлетел назад – где Кид Иванович подставил ногу. Верзила рухнул и больше не вставал, пуская кровавые пузыри из глазной впадины. Увы, длинный гость напоролся глазом ровно на тот гвоздь, на который хозяин квартиры вешал пальто-халат.

Квадрат, грязно выругавшись, потянулся куда-то себе под мышку – Кид Иванович сразу догадался, что за стволом. В прихожей имелась табуреточка, на которую толстый человек всегда садился, чтобы с пыхтением надеть уличную обувь – пока ботинки со стоптанными задниками не превратились в тапки. Сейчас Кид Иванович привстал на нее и бросился на Квадрата, синхронно ударив противника ладонями по обоим оттопыренным ушам. Не только уронил его, но и хорошо примял сверху, отчего примятый полузадушенно хрюкнул.

Кид Иванович не без труда поднялся, опираясь на дотоле никому не нужные лыжи – снега на Лазурном берегу и зимой не допросишься. Однако не забыл отбросить ногой пистолет, оброненный бандитом, в угол. Следом встал и Квадрат, совсем красный от ненависти, пообещав неожиданному противнику разорвать его «як папирець».

Боец бросился на толстяка, казалось бы исход поединка ясен, если посмотреть на бицепсы, играющие под кожаной бандитской курткой. Но в руках у Кида Ивановича была та самая лыжа, которой он инстинктивно сделал выпад, раз и два. Одним концом злобно сопящему бойцу в лоб, и другим концом – в пах. Квадрат в согнутом виде скакнул к своему пистолету, но лыжа опять помешала ему, ударив под колени. Он влетел головой в угол, где на него рухнуло несколько коробок со всяким хламом. Впрочем, незваный гость успел ухватить рукоятку пистолета и даже перевернуться с живота на спину. Но тут сверху на него обрушился негостеприимный хозяин всеми своими ста сорока кагэ живого веса.

«Европеец» хрустнул, поддавшись энергии свободнопадающего тела, и булькнул. Это были последние его звуки, потому что в глотке у него застряла ложка для обуви, которую держал в руке господин Пятницкий.

Кид Иванович решил встать и подождать, пока Квадрат очухается. Нет, не извиниться перед ним за причиненные неудобства собирался, а еще разок от души угостить в рыло со словами: «Не смей обижать котов, толстяков и слабаков». Пока вставал, своим коленом, размером с первый советский спутник, случайно надавил на кадык падшего. И вставал так неловко, что

запнулся о лежащее тело, потому разок случайно упал и попал гостю локтем в глаз. Потом все же поднялся с кряхтением, а на всякий пожарный и пистолет поднял, чтобы Квадрат не выкинул какой-нибудь фортель. Но тот не был способен отмочить ни фортель, ни крендель, даже после того, как ложка для обуви была удалена из его горла. Гость оказался мертв, что подтверждал высунутый раздутый язык, выпученный один глаз и выбитый другой.

Неудобно, конечно, человек вроде как поговорить зашел. Отчего ж он умер? Может, у него случился инфаркт из-за того, что он надорвался в трудах? Или апоплексический удар, каковой часто случается у нервических личностей? Кид Иванович, поднаторевший в медицине за последние месяцы, склонялся именно к такой версии.

По любому, в жилище Кида Ивановича лежали и провоцировали дальнейшие неприятности два натуральных трупа с явными следами насильственной смерти. Что дальше? Прятать тела? Но если Верзилу можно сложить вдвое и запихнуть в чемодан, то Квадрат даже в трехдверный шкаф не влезет. Если б и заработала канализация, на то, чтоб спустить его туда по частям, понадобится два года труда с полным рабочим днем. Звать полицию? Но какие далекоидущие выводы она сделает, кинув холодный взгляд из узкой черепной коробки? Да, скорее всего, такие: хозяин квартиры спокойно впускает двух человек к себе в дом – значит, они знакомы. Потом следует ссора, в ходе которой хозяин жестоко убивает обоих приглашенных граждан; и на пистолете его отпечатки. Оба погибших гражданина, наверняка, имеют положительные отзывы с последнего места работы и никогда не имели проблем с законом – согласно характеристикам, которые пришлют с их родины, кстати, «молодой демократии». А, возможно, полиция окажется настроена против иностранца, представителя «страшной» России, упорно не желающей платить за свои грехи перед «свободным миром», и тогда длительный, если не пожизненный срок господину Пятницкому обеспечен. Или, может, здесь уже гильотину вернули? Отчикают башку, и тогда он окажется в приятной безголовой компании с не таким уж плохим королем Людовиком XVI и великим химиком Лавуазье. Но только представишь, что твою голову пинает вместо мяча какой-нибудь местный Зидан, и становится неприятно. Говорят даже, что отрубленная голова еще живет и переживает две минуты сорок четыре секунды.

Господину Пятницкому явно надлежало покинуть свою недвижимость вместе с трофейным пистолетом, как можно

скорее. Несостоявшийся домовладелец надел тапки-ботинки и треники (никакие другие штаны его теперь не вмещали), сгреб лекарства с табуретки в карман, подхватил паспорт (фотография на нем еще показывала вполне симпатичное лицо работника рыбфлота, а не афишу жиртреста). Прощай, недвижимость; как пришла нежданно, так и ушла негаданно. Прощай, «чувство хозяина» – собственность становится по-настоящему священной, только когда попадает в руки самого хитрого, жадного и наглого. Прощай, кот-котейка, век тебя не забуду, товарищ дней моих суровых, надеюсь, за сегодняшнее испытание пошлют тебе небеса, откуда ты, собственно, родом, нового добродушного владельца. На̓ тебе фарш из холодильника и пожелай мне доброго пути, пушистик.

Внезапно из почти лежачего трусливого больного, похожего внешне и внутренне на заквашенное тесто, Кид Иванович превратился в беглеца, которого может спасти лишь стремительность и дерзость.

Однако с улицы послышался скрежет тормозов, которые, видимо, остановили мощное тело подъехавшей автомашины. Пятницкий сразу понял, кто пожаловал. Покойники, лежащие на полу, не вышли в условленное время на связь, поэтому их «бригадир» прислал подкрепление.

Кид Иванович сделал шаг вперед. Шаг неожиданно получился такой сильный и широкий, что шагнувший едва не стукнулся лбом об шкаф. В самом деле, у него теперь была другая сила, а тело словно стало легче и собраннее. И хвори-болячки меньше чувствовались. Получается, он расковался? В голове зарычала песня: «Вы лучше лес рубите на гробы, в прорыв идут штрафные батальоны». Кид Иванович сделал несколько пробных прыжков и чуть не впилился темечком в потолок – будто перележал как Илья Муромец. А заодно успел заметить, как от внедорожника к парадной направилось трое: щекастые быковатые хлопцы; как раз и громыхнул звонок. Тогда Пятницкий сделал то, о чем час назад не мог и помечтать.

Придвинул шкаф – тяжелый старинный – к входной двери, а сам в два прыжка достиг кухни. Шаг на дубовый стол, следующий шаг на громоздкую газовую плиту. Рукой выдавил фонарь на фронтоне – какая легкость – и в один прыжок оказался на крыше крыльца. Еще один шаг, и он на краю. Сейчас слышно, как те трое мощно ломятся в дверь парадной. Их Jeep Cherokee метрах в двух от стены дома; в кабине, похоже, остался только один. Дверца машины приоткрыта, виден стриженый затылок, напоминающий столь любимый либеральными кругами хамон, только с татуировочкой в виде бандеровского тризуба. Прыжок – и

Пятницкий с грохотом приземлился на крыше джипа, та прогнулась, но выдержала. Зато не выдержал выглядывающий кабан, которому Кид Иванович наступил на хамон. Хорошо так, весомо. Оппонент в обмороке выпал на асфальт; уже не зверь, а туша.

Через секунду Кид Иванович сидел в кабине «Чероки». Подождал, пока те трое выскочат на улицу и сделал один выстрел в «десятку» из трофейного «Глока», аккуратно уложив переднего бандита. Потом нажал на газ. Но две пули высадили боковое стекло и свистнули мимо ушей. Тогда Кид Иванович опустил ногу на тормоз, направил свою вооруженную руку в разбитое окно и пару раз надавил на спусковой крючок с боевым кличем на местном языке: «Монжуа!»

«Минус два», – оценил он ущерб во вражеских рядах и убрал ногу с тормоза.

За Кидом Ивановичем было чисто только минут десять, затем появился «хвост». Преследующая машина резко рванула вперед, пытаясь подрезать путь.

Кид Иванович сбросил скорость и ткнул догоняющий автомобиль прямо в правую переднюю дверцу так, что тот вылетел с трассы и уткнулся в дерево. Через десять секунд Кид Иванович оказался рядом, оглушив ударом в ухо одного преследователя и прижимая ствол пушки к затылку второго. Заодно придавил бандиту руку, тянущуюся к пистолету, и рявкнул ему в слуховое отверстие:

– Где баба? Куда вы дели Беатрис, то есть госпожу Е… бле… Леблан, итти ее налево? Попробуй только сказать, что вы изнасиловали ее всей бандой – тебе яйца оторву и твоему напарнику за щеки вставлю.

Бандит испуганно затарахтел что-то на местном франко-арабском наречии. Пятницкий только улавливал «хара» – дерьмо, «шармута» – проститутка, и что она им тоже нужна. Потом бандит стал показывать что-то на экране смартфона. Похоже, координаты Беа, реальные или предполагаемые.

– Ладно, давай сюда свой гаджет. А сам отдохни, лягушатник по вызову. Без тебя, сопливого, решу, кто проститутка, а кто нет.

Пришлось придумывать, как упаковывать пленного с помощью подручных средств, его ремня, носков и шнурков. На второго пленного подручных средств не хватило, отчего Кид Иванович ограничился добавочным ударом тому в ухо…

Пока ехал, просматривал фотки на трофейном гаджете. На одной из них нашлась Беа, в тесном помещении – можно сказать, что смахивающем на каюту, – отчего ее длинные ноги казались еще длиннее. А поскольку теперь у Кида Ивановича была

мобильная связь – он вышел на свой аккаунт в Блаблере. И там нашел несколько десятков сообщений от мадемуазель Леблан. Получалось, она несколько месяцев усердно отправляла ему послания, обильно оснащенные смайликами и другими эмотиконками, а он даже не догадывался об этом, потому что был отрезан от сети отчаянным безденежьем. А также отделен от всего мира ощущением собственной ненужности, потому-то столь обострился аппетит – психосоматика всегда услужливо превращает дурные мысли в дурное тело… Беатрис писала о том, что ей плевать, как Пятницкий сейчас выглядит, что он никакой вовсе не «бегемот» и даже ни капельки не «морская свинка», что она так виновата перед ним и тэ дэ.

Блин, выходит, недооценивал он ее, зря считал примитивной, напрасно видел в ней шикарную проститутку. Шикарная, однако не такая уж и проститутка. Не продажнее других. И если остальные приличные дамы занимаются коммерческим сексом, то чем Беатрис хуже?

Когда Кид Иванович добрался до берега морского, то получилось, что мадемуазель Леблан где-то там, в кабельтове от берега. На дне или же на судне. В тумане кое-как просматривалось некое плавсредство, стоящее на якоре. Зима, водичка еще та, освежает донельзя. Но надо плыть. И теперь он знал, что точно поплывет. Он не забыл девиз: «Где мы, там победа».

Кид Иванович прошлепал через урез воды. Потом ненадолго вернулся на берег и оставил на песке тапки-ботинки – их сразу же одолжил какой-то бомж. Снова зашел в воду, которая принялась профессионально терзать разгоряченную кожу, и неизвестно, что будет через пять минут. Но ведь не столь давно он перетерпел кое-что похуже. По сравнению с Карским морем Средиземное даже зимой – курорт.

В ходе заплыва, минут через десять, Кид Иванович понял, что все, дальше не может, и сейчас, расставив уставшие руки, пойдет на дно. Боли он не чувствует, но его словно заполняет изнутри свинцом.

Но когда Кид Иванович расставил руки, то свинец оказался жиром, который совсем не тянул его на дно. Он передохнул и увидел корму большой яхты – несмотря на туман, обходилась она без огней. Еще двадцать метров, несколько толчков ногами, и Пятницкий у кормового свеса яхты. Только забираться на борт было негде – все гладко, как на попке у мулатки. Даже в столь аховой ситуации Кид Иванович вспомнил, как в первые свои дни на Лазурном берегу не удержался и потрогал у такой гражданки пятую точку; точнее, даже ущипнул, чтоб оценить упругость.

Обошлось без особых последствий, женщина лишь пару раз ударила его босоножкой по голове.

Кид Иванович находит опущенный в воду шкот, однако не решается им воспользоваться, потому что с кормы слышны голоса и музыка, как на вечеринке. Стараясь не сделать ни одного лишнего шлепка, Пятницкий отправился в сторону носа. Ухватившись правой рукой за якорную цепь, левую перебросил на клюз, и следом обе руки уцепились за леерное устройство. Вроде тихо, пора подтягиваться. Желание покинуть поскорее неуютную водичку придавало крылья его килограммам. Через несколько секунд он был уже на борту «Валькирии». Именно так называлась яхта.

Немного прополз и оказался возле форлюка, ведущего в подшкиперскую, которая используется для хранения парусов и какого-нибудь такелажа. Люк, наконец, поддался его замерзшим рукам, и он соскользнул вниз. Здесь, в подшкиперской, и дверь имеется. Впрочем, Кид Иванович не спешил наружу – яхта как раз поднимала якорь и верно стала удаляться от берега.

Здесь было более-менее тепло, решимость на время оставила Кида Ивановича, и он даже прикорнул от изнеможения возле двери. На какой-то непонятный промежуток времени. А проснулся перед тем, как кто-то вошел. Крепкий мужичок вошел, в матросской робе, может, за какой-то снастью. Кид Иванович, вовремя сдвинувшись в сторону, поставил правую руку на пути вошедшего, на уровне его горла. Затем, схватив левой рукой крепыша за темя, шмякнул его головой об дверной косяк. Но бычара чертов не хочет отключаться. Даже собирается отыграться и, вместо того, чтобы трусливо заорать, норовит нокаутировать Пятницкого ударом в челюсть. Задевает ухо – пребольно, прямо скажем. Затем пару раз лупит Пятницкого в лицо, рассекает губу и подбивает глаз. Тогда Кид Иванович – в тесноте и в обиде – заталкивает противника плечом под кницу, где дорабатывает локтем под дых, ребром ладони по шее и тылом ладони по физиономии, после чего матрос теряет свирепость и обмякает.

Пятницкому хотелось позаимствовать у матроса робу, но размер не тот, так что остается забрать у него лишь французскую бескозырку с помпоном. Затем надо связать пленного с помощью удачно вспомнившегося морского узла и затолкать ему в рот свой использованный носовой платок, размером в квадратный метр, чтобы издавал лишь тихое мычание.

И вот Пятницкий, тихонько прошмыгнув, насколько было возможно при его размерах, до гальюна – пора сходить по-маленькому, сталкивается на его пороге с еще одним типом. Тот больше похож не на матроса, а на братка, но тоже шкаф.

Бескозыркой с помпоном его не обманешь, надо спешно вырубать. Кид Иванович своим весом бросает братка обратно, на унитаз и, схватив за чуб, прикладывает затылком к бачку, который, не выдержав, раскалывается. Затем, протянув голову противника за чуб вперед, Пятницкий повторяет процедуру, на этот раз с помощью захлопывающейся двери гальюна. И для этого члена команды наступает антракт.

Пятницкий поворачивается назад и сталкивается с еще одним. Тощий длинный субъект, внешне вроде бухгалтера; рот, как гузка, свернут в трубочку, готов для крика, глаза – круглые, что пуговицы.

Чтоб субъект не закричал, Кид Иванович заталкивает ему в рот бескозырку с помпоном. Но бухгалтер ухитряется выплюнуть импровизированный кляп. Тогда находчивый Пятницкий всыпает ему в рот горсть монет из сбережений, хранившихся в кармане пальто-халата. Бухгалтер пытается ткнуть костлявым кулачком Киду Ивановичу в лицо. Тот инстинктивно отшатывается и удивляется, в кулачке-то зажат скальпель.

Бухгалтер бросается вверх по трапу, звенит выплевываемыми монетками, включает крик. Пятницкий ловит его и дергает за ногу, выворачивает ему руку, чтобы вывалился скальпель – это, оказывается, всего лишь шариковая ручка. Затыкает ему рот лежалым носком из обширного кармана того же пальто-халата – и бухгалтер умолкает наконец. Однако умолкнувший оказывается юрким, как ящерка и выскальзывает из рук Пятницкого. Толстый догоняет тощего на палубе, разворачивает, ухватив за плечо, и – сколько ж с тобой возиться, дрищ – проводит хук в челюсть.

На этот раз крепко, давно так не бил. Потому что не знал, что еще противопоставить подобной вертлявости. Возможно, в порядке мести за всех полных людей, «пузанов» и «брюханов», которые столетиями подвергались оскорблениям, насмешкам и издевательствам со стороны худеньких. Настал, наконец, этот торжественный момент. Тощий падает за борт, но успевает уцепиться за планширь. Приходится врезать ему по пальцам, чтобы отвалился. Сгинь, нечистый.

Слышен топот, толстяк хватает первое, что попадается под руку – это багор, – и закатывает между глаз подбегающему человеку в капитанской фуражке. Несколько сильнее, чем надо. А какого хрена тот капитана из себя строит? Вот на грузовом судне-трудяге настоящий капитан, а здесь баловник в белых штанишках. Кид Иванович еще натягивает лжекапитану фуражку по самый нос и шлепает сверху ладонью, как по мячу, чтобы уже не навредил. Затем оборачивается к другому подбегающему, а это вооруженный охранник.

Предстоит как будто ковбойская дуэль. Но при выстреле из трофейного отсыревшего «Глока» у Кида Ивановича случается осечка. Однако, укладываясь в норматив дуэли, Пятницкий бросает багор в охранника, как гарпун. И попадает в яблочко, точнее в лоб. Охранник валится через фальшборт, но не сразу, а отдав свой пистолет Киду.

Теперь Кид Иванович идет по шканцам вдоль леерного ограждения из красивой полированной бронзы, в сторону кормы. Слышит бубнеж сквозь открытые иллюминаторы. И бубнеж этот нарастает.

…Йамму в мифологии Угарита и Финикии – бог моря. Прослеживается его родство с Энки, шумерским богом подземных вод. У западных семитов, к которым относились финикийцы, Йамму, скорее, имеет негативный характер. Он связан с образом морского чудовища Левиафана, воплощающего опасные глубины и угрожающего суше, который позднее стал выступать как подчиненный этому божеству зверь. Заметим, что у шумеров не бог вод Энки, а его противник грозовик Энлиль вызывает Всемирный потоп, в чем можно проследить позитивную гуманистическую инверсию образа. Но, очевидно, что у западных семитов именно Йамму является виновником потопа, который был остановлен то ли богиней источников Анат Асторет, то ли, как позднее стали представлять, другим морским богом Йево. Впрочем, в более ранних сказаниях Йево отождествляется с Йамму. Получается, что Йамму-Йево и насылает потоп, и останавливает его, когда разбушевавшаяся стихия выполнила свою задачу, стерев с лица земли ненужное народонаселение, идущее по неверному пути …

И тут женский крик, его писклявый тембр как будто знаком – Беатрис? Это означало, что Пятницкого заметили. Слышен выстрел, в ответ Кид Иванович сам стреляет через кокпит в ярко освещенное просторное помещение, которое можно было бы назвать кают-компанией. И с толчком ветра, накренившим яхту, Пятницкий падает в открывшуюся дыру с трехметровой высоты. На какого-то человека, сидящего за белым роялем. Слышен хруст шейных позвонков и треск черепа этого гражданина, а также финальный аккорд музыкального инструмента. Однако раскрытый рояль отлично смягчил падение Кида Ивановича, хотя и лопнуло несколько струн.

Пятницкий встает, один раз оглядывается на пострадавшего. Лицо у того застряло носом в клавиатуре, видно как вниз тянется кровавая сопля. На полу валяется несколько выбитых клавиш. Кажется, вся первая октава выскочила. Кид Иванович неловко бежит через кают-компанию, отделанную атласным деревом, с

цитатой из классика на устах: «Запасайтесь, дьяволы, гробами». Перепрыгивая через кресла, обтянутые кордованской кожей, и переваливаясь через диваны, обитые натуральной замшей, опрокидывая изваяния из каррарского мрамора, ломая стулья и столики из лунного эбена, расшвыривая всех, кто попадается ему на пути, неприцельными ударами, работая и правой и левой, и локтями. Случайно роняет какого-то женоподобного златокудрого юношу, сидевшего в жеманной позе с осоловевшими от дури глазами, и слышит, как хлюпают худосочные потроха нечаянной жертвы под его слоновой поступью. Мысленно выражает сожаление и несется к выходу, который открывается ровно на корму. У выхода, когда звон бьющейся посуды остается позади, он слышит гром – и понимает, что ранен. Даже не по боли, а по внезапной дурноте и тяжести. Пуля вошла сзади и вышла, оставив красную дыру с темными краями на пальто-халате спереди. Но ему больше и не надо держаться на ногах, поскольку сейчас точно не до спасения Беатрис. И вообще, даже дураку ясно, что это ловушка.

Оборачиваясь, Пятницкий стреляет в подбегающего к нему охранника, напоминающего кукольного Кена. Отчетливо видит нарисовавшуюся у того под резким кадыком дырочку, переваливается через кормовой релинг, оставляет на транце красную полосу на память и плюхается в воду.

Глава VI

«Батавия». Убить упыря

Рай при ближайшем рассмотрении оказался адской ловушкой.

Грузовой отсек, замкнутый набор темно-серых металлических плоскостей, вовсю пахнущий недавно погулявшей в нем морской водой. Из этого склепа внутрь корабля вела одна дверь. Серьезная, тоже водонепроницаемая. Даром что внутренняя – открыть и закрыть ее можно было лишь с той стороны. Похоже, что «вход бесплатный, выхода нет». Связи с оторванной, но якобы думающей головой Обличителя не было. Не мог он ко мне пробиться через хитросплетение информационных коммуникаций корабля. Оставалась слабая надежда, что он догадается, что я попался. Но, вполне возможно, так и было им запланировано, сейчас хихикает злорадно. Хотя, конечно, без шеи это затруднительно…

Пять минут нарастающего по параболе разочарования, и я вдруг увидел свою надежду – в виде робота-погрузчика, прикорнувшего в углу. Несколько пошатываясь и вытряхивая воду из ушей, подошел к роботу и нажал на кнопку включения питания. А надежда-то оказалась непризрачной! Робот мелко завибрировал, кажется, топливные элементы вполне заряжены. Зажужжали сервомеханизмы, басовитым гудением все приводы сообщили, что в порядке, приятно пахнуло нагретой смазкой. Я втиснулся в его узкую кабину, придвинул троды управления к своим вискам. Зажглись глазки́ индикаторов, и маленький цифровой мозг машины заработал на полную. Еще несколько минут я «встраивал» свои конечности в приводы робота, точнее подсоединял его шесть ног к своим мозгам через нейроинтерфейс.

И вот первые неловкие движения, робот стал толкать и скрести переборку, как олигофрен. Это вдохновляет.

Еще пара минут копошения. Мало что получается. Точнее, ничего не получается, мозги-то у меня совсем слежавшиеся, а голова деревянная. Нынешние детки, начиная с трехлетнего возраста, учатся управлять плюшевыми игрушками силой мысли. А я никогда не баловался со всякими игрушками-финтифлюшками при помощи нейроинтерфейса. Такие дела вошли в моду, когда я уже вышел из нежного возраста, в котором, если честно, предпочитал рисовать свою училку Любовь Евстафьевну в голом виде. «Ейвставьевна» как-то раз засекла меня за этим делом и дала пару оплеух, но довольно ласково, почти

что поощрительно.

Работать в цифровых перчатках с помощью тактильного интерфейса с наноплантом или металлоплантом при судоремонте, я кое-как наблатыкался. Но подключаться через нейроинтерфейс к незнакомому устройству – это для меня каждый раз шок. Как концентрироваться, как усиливать мысли, придавая им форму приказа?

Неожиданно погрузчик, повинуясь выплеску моей ярости, схватил какой-то ящик и метнул его в выходную дверь. Мощно, с грохотом. А что, получается немного. Надо просто психануть, тогда нейроинтерфейс точно сработает и передаст управляющие воздействия на исполнительные устройства. Или нет, входить в раж не стоит, что толку изображать разъяренную гориллу? Просто надо поймать, усилить и направить ту мысленную волну, какая есть перед началом любого твоего действия. Как бы отчетливо представить то действие, которое надо совершить.

Пока я натужно реализовывал свои «силовые фантазии», кто-то чуткий снаружи уловил результат моих управляющих воздействий, из-за которых в грузовом отсеке случился бардак и непорядок. И пришел разобраться и навести порядок. У внутренней двери отошли задрайки, мое сердце тревожно дернулось, и в отсек вкатились два робота несколько иной конструкции. Приземистые, вытянутые вперед, как те самые вурдалаки, с грейферными захватами, напоминающими челюсти.

Так, это внушает, но я не тупее вас, железные мальчики. Робот-погрузчик вместе со мной проскользнул мимо них в открывшийся проем и заторопился по коридору, грохоча стальными паучьими конечностями. С шестью приводами я более или менее освоился, даже почувствовал себя в какой-то степени жучком-паучком. У робота-погрузчика, кстати, имелась в памяти и весьма детальная схема помещений на этой палубе. Так что теперь безо всякого гадания ясно, где находится жилая часть отсека.

Однако спокойной прогулки не получилось. Сзади раздались звонкие щелчки, меня прилично тряхнуло и осыпало искрами. Те двое робовурдалаков, явно относящиеся к службе безопасности, теперь бодро катились следом, да вдобавок стреляли болванками. Раскроют грейферную пасть, и бабах. Это что у них – штатная катапульта-гауссовка или нештатно используемый рычаг? Зефф таки все предусмотрел.

Так, пора маневрировать, иначе что-то тяжелое познакомится с моими мозгами. Сейчас, чувствую, снова будут стрелять, но в узком коридоре особо не повиляешь. Я вовремя поднял своего робота сразу на всех шести конечностях, и болванка пролетела

под днищем. Коридор наконец загибается, но тут я встречаюсь лоб в лоб с еще одним робовурдалаком. Да уж, с неожиданными встречами явно перебор.

Я вместе со своим роботом подкатываюсь ему под переднюю часть, тот валится сверху. Погрузчик смело цапает противника своими передними захватами и швыряет его на палубу приемом греко-римской борьбы. Начинается свалка. Сзади подъезжают два преследователя и пока что застревают, потому что робот-погрузчик хватает их двумя свободными захватами за фаркопы. Образуется грохочущая железом куча-мала, от грохота и сотрясений я в полуобмороке. Оппоненты, не сумев положить робота-погрузчика на лопатки, начинают кромсать его сразу с двух сторон – резать его электрической дугой и отрывать от него куски грейферным захватом. Наиболее подходящее время для меня покинуть капсулу водителя и продолжить путь самостоятельно, пока мне не оторвали что-нибудь важное. Роботу-погрузчику напоследок зададим повтор последних действий – держись, паучок.

В моем распоряжении осталась схема помещений на этой палубе и дверь, ведущая в жилой модуль. Пока закрытая. Когда пытаюсь открыть ее универсальным ключом, один из робовурдалаков, высвободившийся из объятий робота-погрузчика, атакует меня с твердым намерением раздавить.

Когда бабочки с серебристыми крылышками полетели вместе с моей душой в пятки, я нырнул под несущуюся на меня машину.

Она, громыхнув, сильно погнула дверь и растерялась, потому что полностью потеряла меня из виду – на погнутой поверхности двери не оказалось ожидаемого натюрморта в виде кровавого месива и омлета из двух яиц. Робовурдалак откатился назад, чтобы снова увидеть и захватить цель, я и кинулся в щель, образованную погнутой дверью. Легко сказать, кинулся. Ах, если бы это было лет пятнадцать назад, когда я был худой, стройный как кипарис и так далее. А сейчас я втягивал живот изо всех физических сил, пыхтел, что твой носорог, но все равно никак не пролезал. Попутно в голове проносились вереницей разные забавные случаи, известные из прессы, когда сильно упитанные люди где-то застревали: один в вакуумном унитазе, другой в крутящихся дверях, третий под кроватью – этот был любовником чужой жены и пытался спрятаться от ревнивого мужа. Муж, кстати, оказался бисексуалом и воспользовался беспомощностью любовника самым отвратительным образом… Робовурдалак же, еще немного отъехав назад, понесся на меня как на гонках «Формулы-101». И раздался грохот.

Я нашел себя на палубе – с другой стороны двери – все-таки

успел протиснуться, от страха ужавшись в два раза. Наверняка и потому, что моя борсетка, содержащая носовые платки и туалетную бумагу, оказалась у меня пониже чресл.

Теперь тридцать робких шагов по жилому отсеку до двери. Она вдруг открылась, отчего обозначились гастрономические запахи и состоялась встреча с самураем по виду, но, скорее всего, поваром по основной профессии, выкатывающим тележку с блюдами.

В ходе встречи повар-самурай пытался проткнуть меня вилкой, словно это была катана, а он – Миямото Мусаси. Однако колющее оружие было отражено мной при помощи крышки от блюда, а сам самурай получил по кумполу элегантным, но массивным металлическим блюдом с той самой тележки. Ему хватило – не биомех он, по счастью. Повар-самурай пал оземь в обрамлении зеленого горошка и листиков салата. Я понимал, что это несколько бесчестно, но и сам Мусаси первую свою победу совершил, огрев противника, мастера воинских искусств, дубиной по кумполу. А я ведь тоже новичок в фехтовании.

Переодевшись в небесно-голубой комбинезон повара-самурая, я подтащил его самого к сканирующей поверхности следующей двери, чтобы послужил мне разок напоследок. Дверь считала рисунок кровеносных сосудов трофейной руки и, мягко шипя, разошлась ажурными лепестками.

А на выходе состоялась другая теплая встреча, кто-то, видимо, торопился навстречу повару.

– Почему, Сато, ты не ждал моего прихода на кухне, ведь я обеспечиваю доставку пищи хозяину? – строго выговаривал человек, чьи глаза-маслины делали его похожим на джинна, а приметная мускулатура на Рэмбо или Рокки. Глаза-маслины у него были точь-в-точь как у Рэмбо. Кстати, он тоже не биомех. И, скорее всего, не монстр. Значит, в покоях «Зефф Итернити» зараза была изничтожена, наверное, деймы здесь уже модифицированы до безопасной версии.

Сато так Сато. Я, смущенно опустив голову, попытался проскочить мимо. Но Рэмбо-официант совсем перестал признавать меня.

– Так ты не повар.

– Я не повар? А кто готовит спаржу сотней способов, кто умеет подбрасывать и ловить блины сковородкой? Кто бесстрашно готовит овощи, побеждая даже жуткий жгучий перец чили? А случаем не геморрой ли повредил твой слабый разум?

Несмотря на мое тарахтение, рука Рэмбо пошла к виску – там сенсорная клавиатура трансивера, который сейчас передаст сигнал тревоги. Я попробовал нокаутировать его крышкой от

блюда. Этот номер во второй раз не прошел. Качок-официант был ошеломлен, но не выключился – наверное, благодаря отменной физподготовке и малому объему мозга. И, более того, ответил с применением грубой физической силы. Я оперативно поставил на пути его мощного кулака крышку от блюда – сейчас она не подвела, сыграв роль маленького круглого щита – и вдобавок направил ему в рот кремовый спрей, чтоб визга не было. Оппонент бодро проглотил крем и снова приготовился заорать. Пришлось толкнуть тележку ему в живот. Столкновение с массивным предметом согнуло джинна в тугую дугу и помешало крику. Не теряя времени, я, ухватив его за темя, удобно заросшее густым волосом, резко приложил головой к тележке. Постарался, как будто мстил густо-волосатым за всех безвинно лысеющих.

Несколько секунд казалось, что на этом все. Но тут выяснилось, что Рэмбо-официант остался на плаву. Я поймал на себе его взгляд разъяренного быка, а его лицо, напоминающее багровую луну во время затмения, стало подниматься вверх. И только, когда я несколько раз долбанул его сверху крышкой, как молотом, используя тележку в роли наковальни, – наконец, сработало. Рэмбо, он же Рокки, вырубился – привет от Ивана Драго.

Пару минут ушло, чтобы снять с лица официанта полимерный слепок и натянуть его – для оживляжа – на мимический каркас с сотней актуаторов; мои щеки на этот раз хорошо поместились в маску. Пригодились вещички из косметички Нади. Позаимствовать пришлось и шикарный белый пиджачок Рэмбо-официанта.

Грузовой лифт должен быть где-то здесь, недалеко от камбуза. Двадцать шагов по коридору, и я его нашел. Не заблокирован, по счастью. Я вставляю универсальный ключ в слот, дергаю рубильник и даю напряжение его мотору.

Тут и связь с Обличителем восстановилась. От оторванной головы пришло сообщение, что Надя сейчас спустится.

Действительно, пара минут напряженного ожидания с нарастающим сердцебиением, наконец раскрылась дверь и с платформы лифта соскочила девочка; лицо ее было, пожалуй, более огорченным, чем ранее. Увидев мою новую маску, она взвизгнула.

– Спокойнее, теперь джинном в белом пиджаке буду я. И держи хвост пистолетом, наследница состояния Бонакасси.

– Мне не нужны деньги Джейкоба, – гордо сказала Надя, и ей можно было поверить.

– Бери, не сомневайся, я бы взял, построил на них хороший зоопарк и позаботился о моем друге Ханумане из приюта «Истана

Орангутан». Ты никого не предала, Наденька, даже идею, замечательную идею справедливости, когда все делается не за счет кого-то, не в личную кошелочку, а вместе с кем-то, для всех, для общего блага и для своей души. В конце концов быть кем-то хорошим – лучше, чем владеть чем-то хорошим. А теперь хорошей девочке пора покинуть этот как-бы-ковчег, приплывший не туда, а точнее туда, где его ждет закономерный конец.

Через пару минут мы добрались до шлюза со спасательной капсулой. Я сразу бамкнул по клавише предполетной подготовки.

– Надя, у тебя пару минут, чтоб занять посадочное место, опустить крепления, надеть кислородную маску и включить систему компенсации перегрузок. У этой штуки твердотопливный двигатель, так что все будет достаточно жестко.

– Кид, может, вместе улетим?

– Лететь в обнимку со стадвадцатикилограммовым кулем? Ты что, начиталась поздних набоковских романов? Мне в них, кроме стиля, ничего не нравится, идеи нет, фантазия однобокая – хуже только у Зильберникофа. Нет, это неэстетично, и, кроме того, на такие перегрузки двигатель капсулы не рассчитан, поэтому вместе со мной она улетит только в глубокую задницу. Торопись, обратный отсчет времени пошел. Побудь пять – десять минут совершенно рациональной, а потом опять принимайся за революцию, романтику и так далее. Я тебя прошу.

Она поразмышляла и наконец тряхнула своей жесткой челкой.

– Ладно, Кид. И спасибо тебе. Я буду тебя вспоминать. Я действительно хотела бы, чтоб моим отцом был не абстрактный мертвый герой из джунглей Юкатана, а такой живой шебутной толстячок как ты.

– И тебе спасибо, надеюсь, все произошедшее пойдет тебе лишь на пользу. Но дети должны лететь дальше родителей – в прямом и переносном смысле. И я, Надя, был бы рад оказаться твоим папашей. Не потому, что у тебя скоро будет много денег, а потому что ты за справедливость и на мой день рождения присылала бы мне письма со словами: «У меня все хорошо, учусь на отлично, папа, не унывай».

Я поскорее нажал рычаг пуска, потому что из-за последней фразы стало совсем грустно и чуть не захлюпал нос. Захлопнулись люк капсулы и дверь шлюза, прошел сигнал о полной герметизации, затем зажигание. Далее легкое сотрясение, и я понял, что аппарат ушел. Переданная телеметрия показала, что и нырок, и полет капсулы проходят в штатном режиме, и пару минут спустя тоже. Ну, удачного приводнения.

У ребенка есть задатки стать не «избранной», а хорошим

человеком с совестью. С настоящей совестью, а не только с тем, что по-английски называется conscience. Может быть, даже сделаться одним из спасителей человечества. Его Надеждой. Тем более что зараза ее не берет. Так ведь? А почему? Ладно, потом додумаю на эту тему, если «потом» вообще настанет.

А пока мне остается продолжить увлекательную экскурсию по отсеку «Зефф Итернити».

Для входа в личные помещения господина Зеффа я вставил универсальный ключ в слот – но этого оказалось мало, подставил трофейное лицо под сканирующий луч – тоже недостаточно. И я услышал от умной и бдительной рободвери:

– Лицо опознано, запах не узнан.

– Много занимался спортом сегодня, – с напором сказал я. – И вообще хватит меня нюхать, это невежливо. Я позволяю такое делать только кошкам и собакам, как братьям меньшим. А ты старшая сестра.

– Форма вашего тела не соответствует биометрии ни одного живого объекта, имеющейся в базе персональных данных, – злобно добавила рободверь.

– Скоропостижно растолстел из-за нервной работы, сестра.

– Приложите правую руку к сканирующей поверхности.

– Честь тебе тоже надо отдать? Или, может, поцеловать в замочную скважину? В самом деле, как ты относишься к французскому поцелую?

Похоже, полный провал. Не дверь, а гестаповка.

Но Обличитель, присутствующий где-то в виде оторванной головы, вовремя затупил интеллект рободвери и расколол код замка. Она распахнулась, тупо пробубнив: «Режим обработки запахов отключен», и мне открылись покои важной персоны.

Я прошел по коридору, оформленному как подземелья рыцарских замков – в таких некогда разнообразно пытали недовольных вилланов и гноили пленных соперников. Кругом антикварные предметы – железные башмаки с шипами, испанский сапожок, крюк – «кошачий коготь» для вырывания ребер, раздвижная «груша» для заднего прохода, пресс для черепа, еще одна заднепроходная штука, называемая «колыбель Иуды», а также Железная Дева «мехом внутрь». Они напоминали о славном прошлом «аристократов духа» и о том, как они вразумляли негативно настроенных простолюдинов в ту эпоху, когда не было социальной рекламы и специалистов по пиару. А господин Зефф, видимо, ценит «наследие предков». Висел тут и символ рыцарского Ордена Дракона, и герб известного рода Баториев, который в свое время немало подгадил Руси – дракон на фоне своей же челюсти, мощно-клыкастой.

Миновал сумрачный круглый зал с огнем, пылающим на жертвеннике-тофете, где вокруг стояли толпой статуэтки божеств из какого-нибудь великого торгового Вавилона или Карфагена с гипнотизирующими глазами вампиров. Говорят, что умение наваривать бабло родилось именно в тех местах. Может быть, до сих пор акулы большого бизнеса приносят жертвы Молоху или Баал-Хамону?

Потом прошелся по картинной галерее: сплошь сюжеты, связанные с удовольствиями. Груды лакомой плоти – рубенсовские дамы, столы, ломящиеся от яств, и кавалеры с тугими щеками и лоснящимися губами, готовые погрузиться и в то и другое.

А затем защебетали квазиживые птички, бросились в глаза яркие краски мультигеномных цветов. Кажется, я, наконец, попал в жилое пространство большого босса. Красиво, на стенах гобелены и коллекция средневекового оружия, всякие там алебарды и моргенштерны.

– Сейчас никаких резких движений, рекомендую исполнять все мои указания или наша встреча закончится слишком быстро. Первым делом, сними с себя чужое лицо и белый пиджак заодно – он тебе не идет. Сделаю комплимент, потерял тебя из виду, хотя ты, как продукт сексуального насилия борова над свинаркой, весьма приметен. Или у твоих родителей был любовный союз и пышная свадьба в свинарнике, а затем брачная ночь в теплом навозе?

Голос прозвучал то ли сзади, то ли сверху. Я сразу догадался, кто это. У него есть возможность пошутить, у меня пока нет.

– И как, заждались, господин Зефф? Как редкая порядочная фигура, случайно оказавшаяся среди стада вороватых миллиардеров, могу дать автограф.

– Знаешь ли, порядочная фигура с поросячьими глазками, именно твой мицелий – мы именовали его структурой Омега, – который попал вместе с твоим телом на Землю, стал основой для проекта DEIM.

Это что он несет, подумал я, стягивая с себя физиономию Рэмбо-официанта и пиджачок, который, в самом деле, был несколько тесноват мне в животе. Ладно, «поросячьи глазки» проигнорирую, хотя они у меня остались вполне крупными и проницательными – мадемуазель Леблан не стала бы врать. И никогда я не был за пределами Земли, разве что во сне и то недалеко.

Передо мной включился трехмерный экран и начала прокручиваться холозапись с титрами. Отдельные особо смачные места Зефф комментировал драматическим голосом:

– 16.45. Спонтанное смыкание и размыкание грудных створок.

– 18.30. Смещение шейных позвонков на сорок пять градусов и переход носоглотки в вертикальное положение.

– 20.50. Раскрытие грудных створок, извержение слизи, прошитой гифами.

– 2.50. Удлинение акромиально-ключичного сустава, как за счет костной ткани, так и хрящевых слоев.

– 4.50. Опущение легких и сердца в образовавшуюся брюшную капсулу.

– Узнаешь, эту глупую физиономию на видеозаписи? Щеки были тогда поменьше, волос побольше, но это явно ты. У тебя трансформация прошла в обе стороны. Это был пример удачного симбиоза. Так что именно с твоей помощью мы создали работоспособный и безопасный нанорг. И он, первым делом, уничтожил структуру Омега в твоем теле. После того мы и выпустили деймы версии 1.4 на рынок. Важное отличие от тех деймов в версии 1.0, которые были имплантированы тебе – настройка на обеспечение технического бессмертия хоста. То, что в тебе остались деймы устаревшей версии, похоже, «заслуга» одного из наших коллег, благодаря которому ты и выпал из проекта.

– И я все такое забыл? С чего вдруг, господин Зефф?

– Конечно, мы тебе почистили память, иначе ты бы рехнулся, скажи спасибо.

Так, лучше не вдумываться. Может, Зефф просто врет. И если не врет напрямую, то сочетает умалчивания и подвирания с отдельными верными фактами, как принято у большинства блогеров либеральной ориентации.

– Почему вы хотя бы не продлили срок испытаний, зачем с поспешностью, необходимой разве что при ловле блох, выпустили серебристые искорки на рынок?

– Потому что деньги любят быстрый оборот, тогда они растут. А у кого быстрее растут деньги, тот и побеждает. Совсем не обязательно, что продление испытаний что-нибудь изменило бы. Вот каких-то сорок восемь часов назад у господина N, которому был имплантирован стандартный нанорг версии DEIM 1.4 с таким-то серийным номером, произошла характерная мутация со смещением легких и сердца в брюшную полость и началось формирование грудного зева. Исследование стационарным мультидиапазонным сканером его тела не показало никаких признаков воздействия синтетических вирусов и любого рода вирусных векторов. Мы быстро разобрались, что трансформации производит не какой-то чужеродный организм. Что это результат

нелегальной модификации нашего наноргa.

– Может, господин Зефф, ваш долбаный DEIM имеет бэкдоры? И какой-нибудь хакер порезвился.

– Не бэкдоры, а порты, открытые согласно специализированным сетевым протоколам. И с помощью этих сетевых протоколов подключились твои деймы и смогли модифицировать деймов Платформы Бессмертия. После того, как тебя выкрали из проекта и мы перестали тебя контролировать, твои деймы были изменены и стали инструментом хакинга. Кошмар на «Батавии» начался именно тогда, когда ты оказался на близком расстоянии. Видимо, эффективная дальность твоего интерфейса несколько сот метров. Я взял твои деймы на анализ, когда ты поймал розочку с колющими шипами – помнишь, как ты поранил пальчик-сосисочку? Коды, передаваемые ими, определены, так что новая версия DEIM 2.0, созданная мной, не имеет таких уязвимостей. Ее код проще, я его контролирую целиком и полностью с помощью нейроинтерфейса. Поэтому новые деймы хотят того же, что хочу я. Абсолютно безопасная модификация.

Если так, миру капец и мне тоже. Черт, я не вижу собеседника, и это совсем погано.

– Готовитесь получать деньги за обновление системы DEIM до якобы более безопасной версии?

Вы же, в натуре, божество денег, в которые вы превращаете все, до чего дотрагиваетесь. Вас надо называть не Зеффом, а Мамоной и приносить вам в жертву молодых брокеров. В вашей религии богоугодным именуется то, что приносит прибыль, святыней является контрольный пакет акций, единственная мера всех вещей – деньги, награда за хорошее вложение – вечная жизнь в материальном виде.

– Не надейся заговорить мне зубы, исполняя роль православного попика. Тебя ничто не спасет. Мне осталось только вскрыть тебя и детально проанализировать структуру деймов в твоем жирном организме.

– Последние несколько часов ваши деймы, господин Зефф, исполняя ваши низкоуровневые инструкции, ликвидируют подпорченных хостов, с последующей заменой их на дубли. Но это ж Избранные, верхушка пирамиды, а не мелочь пузатая. Не боитесь волны исков от их родственников на такие триллионы, что даже и у вас бабла не хватит?

Голос у собеседника стал злее.

– Никаких исков не будет, стопка ты жировых отложений, потому что происшедшее на «Батавии» никогда никому не станет известным. Корабль просто пойдет на дно, и ты вместе с ним, ты

же видишь, какая свистопляска вокруг. Палубы до последнего были заполнены даблами – все на вид нормально и штатно, что и оказалось зафиксировано следящими системами.

Зефф не бросал слов на ветер. Я был обездвижен – не сразу, но очень быстро – и рухнул головой в цветочный горшок, где на одном стебле благоухали розы и хризантемы.

– Вот и все, хряк. Ты вдохнул деймы, которые влезли в твои нервно-мышечные синапсы и заблокировали там холинорецепторы. Твои малыши ничем не помогли тебе. Что, начнем со вкусной груши тебе в задницу? Как тебе такое угощение? – и Зефф засмеялся довольный.

Блин, а ведь он может применить испытанное средство для корректировки мышления через задний проход. Но, по счастью, это оказалось шуткой. Сейчас господин Зефф торопился и ему не было резона растягивать баловство.

Я оказался на операционном столе – точнее, столике для карточной игры. Куда меня взвалил вышедший из нокаута Рэмбо. Не удержался мстительный гад, отвесил мне пару крепких затрещин. На столике я хорошо почувствовал крен «Батавии» – градусов двадцать не меньше, процесс идет по нарастающей. Хотя сейчас мне лучше подумать не о корабле, а о себе самом, любимом. Ко мне прилепили несколько кругляшков, похожих на антенны, только смоченные увлажняющим гелем – видимо, чтобы глушить сообщение между моими деймами.

Далее мной занялся робохир, с множеством щупалец, снабженных скальпелями, троакарами, иглами. Из-за блокировки холинорецепторов мои зрачки расширялись и дыхание слабело, а каждый удар сердца отзывался в ушах так, будто горшки разбивались. Но язык-то пока шевелится. Как бы затормозить то, что намечается, а намечается явно нехорошее.

– Господин Зефф, хочу спросить, перед тем как вы меня распотрошите. У вас же все было. Имею в виду людей вашего класса. Денег у вас одного куда больше, чем у миллиардов тех, которые копошатся под вами. Контроль над рынками семян, эмбрионов, органов, производство жизни во всех ее видах, включая редактирование генов и синтез генома, изготовление гибридных существ и франкенштейнов. Что еще надо, чтобы мирно встретить старость; сиди и кури бамбук. Зачем вам понадобились деймы? Вы что, всерьез решили стать новой бессмертной расой на костях прежней? Комфортно будет жить на ее костях?

Не отвечает. В самом деле, с какого бодуна ему надо со мной беседовать?

– Мы и есть другая раса, раса свободного духа. Сейчас

духовное и физическое должно было прийти в соответствие, освободив нас от оков привычного мира. Мы это заслужили, мы – люди предначертания, мы потомки тех, кто возглавлял крестовые походы и покорял континенты, освобождая их от варварства и тирании…

Оказывается, ему надо мне что-то доказать, чтобы я осознал свою ничтожность и его крутизну. Это как демонстративное потребление у богатых. Нет, чтобы пойти и купить в обычном лабазе пяток яиц и сделать себе яичницу. Богатенький отправит своего холуя в спейсмаркет на орбите: купить в тысячу раз более дорогое яйцо птицы додо и сделать из него то, что невозможно съесть, потому что яичница будет размером с поднос. Зато додо.

– Вы превращали чужую кровь и чужой пот в свои деньги – ваша диктатура похуже любой другой.

– И что ты заладил про деньги, жирдяй? Это было лишь средство, источник энергии, как кровь для живого организма. Наша цель – сделать человека богом, дать ему полный контроль над жизнью и смертью, вывести из ловушки материальных обстоятельств и случайностей. Пусть не всякого человека, а того, у которого есть на это право. Движение вперед всегда являлось уделом героев, использовавших работу косной массы. А сегодня нам эта масса вообще не нужна, ни как рабсила, ни как потребители.

– И что там впереди у героев? Будете продавать друг другу бессмертие или астероиды под казино? – Вообще-то мой язык уже сильно заплетался, но Зефф разобрал мое мычание – наверное, с помощью своих антенн.

– Мы умеем не только двигать мир ко все большей производительности, но и тонко наслаждаться жизнью; умеем понимать красоту, выращивать ее. Мы не пытаемся грубо ухватить жизнь за сиську, как делаете это вы, свинорылые, а умело ласкаем ее, дожидаясь ответной ласки, и ждем, когда наслаждение, все более утончаясь, проникнет в каждую нашу клетку. Красивые предметы, тонкие ощущения, гармоничные звуки и пленительные осязания, изысканные запахи и вкусы, – это наш мир, а не ваш, потребители попкорна.

Что он гонит? Сам я никого за сиську не хватал, пока меня не просили об этом практически открытым текстом. И вовсе я не фанат попкорна, если есть, чем заменить.

Зефф, слив дискуссию, сколол на время, оставив меня под присмотром Рэмбо-официанта, а робохир жужжал приводами, готовясь к операции. Я, как написал классик, лежу, скучаю. Чувствую блокаду каждой своей точки и ничего не могу с этим поделать. Кажется, мои деймы в полной отключке. Эх, если бы

кто-то разомкнул эти захваты. Совсем некому?

И словно в ответ кто-то сдергивает «антенны» с моего тела, что-то вкалывает.

– Не волнуйтесь, это антидот для обезвреживания нейротоксинов.

Кажется, руки и ноги шевелятся. Язык понемногу тоже. Сильно уставшими от яркого света глазами, однако с возвращенными в нормальное состояние зрачками, я увидел Мана. Значит, оправился. Впрочем, не совсем; жив, но не вполне здоров, опухший, отечный. А у Рэмбо, приставленного сторожить меня, – столбняк, только глаза пучит. Он получил из шприц-пистолета, приготовленного для меня, хорошую дозу умиротворителя.

– Господи, как я рад. Спасибо, парень, а теперь я сваливаю, хотя точно не знаю куда.

– Сперва, Кид, вы убьете Зеффа, – твердо сказал Ман.

Ого, чувствуется накал.

– Спокойнее, парень, это не компьютерная стрелялка. Предположим, что я грохну твоего дядю, как обещал не только тебе, откручу как-нибудь его поганую башку. Тогда вопрос к тебе. Ты что, так его не любишь? Как-то в твою особую революционность я не очень верю.

– Он меня растлил, когда мне не было и десяти, а наследство оставит своим клонам, которых ему сделать, как посрать, методом ядерного трансфера. Если вообще сдохнет когда-нибудь.

Ага, вот они «пленительные осязания» и «тонкие ощущения» господина Зеффа, педофила по своей основной деятельности. Или по хобби, разница невелика. У «расы свободного духа» мораль утилитарная – унаследованная от светочей и пророков либерализма – Бентама, Локка и Милля. Человек высшего сорта – мерило всех вещей и основоположник своей собственной морали; ни бог, ни царь ему не указ. И чем богаче этот человек, тем больше он мерило и тем больше ему позволено. Педофилия, похоже, в рамках их морали, совсем обычное дело, также как ходить на светские рауты. Ну а новое поколение, в лице Мануэла, раздражено тем, что старое не собирается уходить, хочет его поторопить. И, кажется, я о чем-то догадываюсь.

– Э, приятель, а Обличитель, случаем, не твой ли дабл? Если не твой, ты бы не попал в этот отсек, точно? Ты ведь спустился на том же грузовом лифте, что и Надя. Зачем ты притворялся взрослым дядей?

И мальчик Ман не стал отпираться.

– Обличитель был даблом Джейкоба Бонакасси. Он вытащил вас из проекта «Зефф Итернити», чтобы с вашей помощью

покончить с Платформой Бессмертия. Ему не повезло, когда вы, спасаясь от наемников Зеффа, оказались на «Валькирии» и неожиданно свалились ему на голову. Та раскололась, и он впал в кому. Но, с другой стороны, ему повезло, потому что я получил с помощью Нади доступ к его личному дабл-контроллеру и, можно сказать, продолжил его дело. В итоге ваши деймы хакнули деймов Платформы Бессмертия, отчего они превратили хостов в монстров. Они же превратили планктон и нектон в технослизь, которая разрушает «Батавию» и остальные ковчеги. Джейкоб был своего рода революционер, и задача у него была одна – обеспечить победу техножизни: биомехов, технозоидов и такого прочего. А мне и на техножизнь плевать.

– Почему же деймы не восстановили его?

– Они бы охотно восстановили. Но наследники пока спорят: после воссоздания поврежденного мозга будет ли восстановленный Джейкоб Бонакасси той же самой личностью, владеющей той же собственностью. Или это будет новая личность, которая, в лучшем случае, становится в ряд наследников прежнего Джейкоба Бонакасси.

– У дяди Зеффа ты тоже стибрил контроллер, чтобы направить «Батавию» в нужном направлении? Туда, где гуляет ураган и имеется что-то похожее на открывшиеся «источники бездны». Интересно, когда?

На этот раз мальчик только покраснел. И я догадался быстро. Хотя его попку использовали не по назначению, в тот раз он не очень-то и возражал.

– Странный способ получить наследство, мой юный друг.

– Другого не было. И если вы не убьете дядю, то он тогда Всемогущий без пяти минут. Нужен вам такой Всемогущий?

– Ладно-ладно, мальчик Ман, меня долго уговаривать не надо. Я и так давно хочу замочить твоего дядю. Только один вопрос, когда ты получил доступ к контроллерам Джейкоба Бонакасси, почему не убрал психопрограмму из мозга Надиной мамы?

– А оно мне надо было, Кид? Получить партизанку на посту начальницы службы безопасности «Батавии». Она бы обязательно сделала какую-нибудь глупость и сорвала бы мой план.

– И на Надю тебе тоже наплевать?

– Она – забавная и уже целуется вовсю, но надо уметь не привязываться. Привязанность делает нас слабыми.

Ежкин кот! Вот философия.

– Ман, я думаю, что доступ к контроллерам Джейкоба Бонакасси у тебя есть и сейчас. Принудительно заверши психопрограмму у госпожи Бонакасси. И быстренько.

– Ей, может, осталось жить двадцать минут.

– Я же сказал «быстренько», чего непонятного? Пусть хоть двадцать минут проживет нормальным человеком. Это мое условие, Ман.

– Ладно, не парьтесь, сейчас сделаю. Кстати, она родила Надю не от революционера-боливарианца. Зачать Надю она могла только во время пребывания на станции «Юпитер-12».

Но сейчас мне точно не до загадок генеалогии. Ман, прежде чем упорхнуть, перепрограммировал робохира, и тот влил мне бодрящего карбахола. Так что я смог прекрасно рассмотреть Саймона Зеффа, когда тот появился снова. Он вполне чудовище, хотя и прекрасное, как ему казалось. Изумрудный лик, рубины очей, прозрачные кожные покровы, хромированный стебель позвоночника, цветок мозга в хрустале черепной коробки, мужские и вдобавок женские гениталии, мерцающие мышцы «кубиков» на прессе. Сердец, кстати, два; одно на правильном месте, другое, поменьше – слева от желудка. Господин Зефф не только в отличной физической форме, но и украсил себя, как хотел. И, похоже, активно продвигает свой образ на роль божества. Под этой оболочкой копошатся деймы, что должны распространить его могущество на весь мир вслед за его деньгами. Теперь они находятся с ним в синергии, симфонии и всех видах гармонии, опять-таки благодаря моей невольной помощи.

Лишь бы Зефф не догадался раньше времени, что его сейчас уделают, так что оперативно закатываем глаза и беспомощно стонем. Хорошо, что он пока не обращает внимание на то, что с его Рэмбо-официантом сильно неладно, тот будто кол проглотил.

Пока я паясничал, почувствовал инерцию – с «Батавией» что-то происходило совсем нехорошее. Крен сильно прибавил. Еще немного, и будет достигнута точка опрокидывания.

Что ж, пора кончать с этим разукрашенным перцем. Применив разом все конечности, я слетел со стола. И первым делом пнул робохира, чтоб не пробовал меня кромсануть скальпелем или вколоть мне какое-нибудь дерьмо. Тот благополучно завалился на бочок. И оружие нашлось, топор – я к такому типу вооружения уже привык – позаимствовал из средневековой коллекции господина Зеффа, потомка денежных рыцарей.

– Этого вы явно не ожидали, мистер, хотя шарите в одну секунду по миллиону карманов. Теперь проверим, потомок ли вы крестоносцев и отчего у вас мозоли на жопе, от сидения на стуле или в седле.

Завидев собственное оружие в моих руках, хозяин коллекции

вначале стал озираться на своего Рэмбо, но когда осознал, что тот совсем дубовый, все же решил доказать, что он не только аристократ денег. И, попробовав изобразить аристократа меча, стал подступать ко мне, лихо вращая клинком из той же оружейной коллекции. Чувствовалось участие хороших учителей фехтования, или же деймов. Поначалу мне тяжело пришлось, особенно, когда он пропорол острием клинка борсетку на моем животе и из нее выпал рулончик туалетной бумаги, запасные трусы и несколько носовых платков. Но, в итоге я сработал топором как крюком и вырвал меч из нечистых рук.

После чего Зеффу осталось только удирать, чтобы не получить промеж глаз. Далеко бы он не ушел. Но меня отвлек Рэмбо, который некстати вышел из столбняка, так что пришлось возвращать его обратно, в прежнее состояние, гуманно приложив обушком в лоб. Но время было потеряно, Саймон Зефф достаточно удалился. Тогда займемся метанием топора на меткость, как было принято у приличных витязей.

Это был великолепный бросок. Господину Зеффу влетело промеж лопаток, я вскричал: «Гол», но, увы, попало ему только топорищем. Уронило на палубу, немножко больно, но отнюдь не смертельно. Я заметил, как в самой последней фазе броска, мигнула стайка серебристых искорок, и мое метательное орудие сделало странный вираж – значит, шлейф из деймов Зеффа защитил его. У меня не было времени на сетования по поводу всемирного свинства, поскольку на меня набросилась очередная Асука. Деймы так намудрили с ее геномом, что она стала гибридом, похожим на сфинкса. Точнее, на помесь хищного млекопитающего, крупной птицы и агрессивной женщины, каких сейчас подают в каждом фильме в виде положительного примера. Пока я пытался управиться с Асукой, отмахиваясь от ее острых когтей цепом из той же оружейной коллекции, Зефф поднялся и исчез за дверью.

Мне удалось отразить атаки Асуки только с помощью норманнского щита, в котором застряли ее когти. А пока мускулистая полуженщина-полузверюга вырывала его из моих рук, я успел спеленать ее цепом и подвесить к массивной люстре.

Я догнал Зеффа в самое последнее мгновение, когда он был у того самого шлюза, из которого я отправил Надю. Оказывается, в пусковую установку была загружена новая спасательная капсула. Когда Зефф уже нажал клавишу предполетной подготовки и собирался открыть дверь шлюза, я ухватил его за шиворот и оттащил назад.

– Так, беседа не окончена, уйти по-английски не получится.

Тот зашипел как на надоедливую собаку.

– Сдохни здесь вместе со своими придурочными деймами.

Я, конечно, не полагался на одну только силу слова, но нокаутировать Зеффа не получилось. Он ловко увернулся от моего хука в челюсть, отчего я несколько потерял равновесие. Воспользовавшись этим, Зефф опять же ловко сбил меня с ног и попытался окончательно успокоить, пнув носком ботинка в лицо. Он даже «Ки-и-и-я» прокричал, как легендарный Брюс Ли. Я блокировал удар, но не совсем удачно – и в его уходе от моего удара, и в его атаке почувствовалось мастерство. Деймы Зеффа, не зевая, помогают ему.

В общем, приложил он мне знатно, но не вырубил, и я, выплюнув зуб, вскочил. Мы стояли перед дверью шлюза. Пока была ничья. Попросить противника подождать, пока я схожу за алебардой, – это он не оценит. Так что у меня был пистолет с последней пулей, у противника знание обстановки.

– У тебя осталась одна пуля, – радостно сообщил Зефф, – сведения от твоего пистолета; интернет вещей все знает, я не виноват. Для меня одной – мало. Ведь мои деймы перейдут, при механическом воздействии, из дисперсной фазы в твердую, да еще учти мои способности к регенерации и дублирование нескольких жизненно важных органов. Так что рекомендую эту пулю на себя израсходовать, меньше мучиться придется. Ну, давай, до свиданья. Знал бы, как мне надоела твоя заплывшая салом физиономия.

Я пока не решаюсь на спусковой крючок; в самом деле, такого гада трудно убить с одного выстрела. А он не решается дать деру, чтоб не получить пулю в спинной хребет, пусть она и не убьет его, но контузит или парализует на время. И получается, ни он, ни я не можем уйти со сцены. Как бы поторопить действие?

– А у вас салом душа заплыла, господин Зефф. И я куда раньше подчинил деймов своему сознанию или, может, бессознательному. Вы же только пытаетесь, как пятиклассник в борделе. Получается, я круче.

– Не смеши. Ты – пустое место, удачливое до поры. А я приближаюсь к божественной сути, причем восхитительно материальным образом. Ты моим грядущим именем интересовался. Мамона мне не нравится, его испортили леваки неуместным употреблением. Иегова тоже как-то нет, сразу вспоминаются сектанты, пристающие на улице. Пожалуй, я копну глубже, в те сказания, откуда собственно заимствовали писатели Ветхого Завета. У финикийцев было такое божество, которое легко могло утопить человечество, называлось оно Йамму или Йево. Оно управляло морем, могло насылать морских чудовищ. Теперь Йамму или Йево буду я.

И в словах его звучит убежденность. Если он не сошел с ума, то, похоже, техносингулярность у него в руках. Вон уже и мозги в хрустальной коробке его черепа заиграли огоньками, как реклама мороженого.

– Если бы у вас был дедушка из Бердичева, он научил бы вас почтительному отношению к Торе, господин Зефф.

– И буду я управлять водами и не только ими. Ковчеги «Мирового змея» были созданы на случай потопа, но я тебе открою секрет, который ты никому не разболтаешь – его мы поторопили при помощи деймов. Они привели к сверхбыстрому таянью и сползанию в море материковых льдов Антарктики и Гренландии. А также повлияли на донные структуры некоторых участков океана, под которыми тоже вода, субмаринная, находящаяся под давлением магмы, – те самые «источники великой бездны» из библейского сказания. Если эти структуры теряют прочность, то вода поступает снизу и соединяется с водой сверху.

– Как же у вас, управляющего океанами, «Батавия» оказалась в самое неподходящее время именно в том месте, где пошла субмаринная вода и море заплясало? Вас сделали, и это может повториться снова. Может, «божество» не такое всеведущее, а то и вовсе дурное.

Достал я его, он угрожающе приблизился ко мне, и мозги в его хрустальном черепе несколько побагровели. Что ж ваше слово, товарищ «Браунинг». Но тут палубу перекосило, я упал на колено и пуля прошла мимо Зеффа. Кажется, в это несчастливое мгновение мне помогли поскользнуться – опять вражеские деймы постарались, изобразив из себя размазанные сопли. Более того, палубу продолжало перекашивать и дальше…

Е-мое, я так и знал, всегда мне не везет в решающий час. Пойду в кино и не найду, его давно снесли, а на его месте построили сортир, захочу влюбиться и не в кого, кроме как в потертую фотографию старушки Лоллобриджиды на стене, выстрелю в упор, а упора никакого нет. Да, при таком крене корабля лучше иметь абордажную саблю.

В иллюминатор была видна надвигающаяся стена воды, настоящая волна-убийца, раза в четыре больше, чем та рекордсменка, которую я видел ранее. Снял бы шляпу перед такой силищей, если бы имел. Шляпы не было, так что я смог почувствовать, как встают дыбом те немногие волосы, что остались на моей голове. По судовой трансляции доносилось старательное исполнение хором биомехов: «Забыть ли старую любовь и не грустить о ней? Забыть ли старую любовь и дружбу прежних дней?»

И вместе с водой как будто двигались массы какого-то вещества – заметные за счет своего свечения. Напоминало всплытие некогда утонувшего города, просматривались острые башенки, ажурные стены и изогнутые крыши дворцов. Но это явно было живое биологически активное вещество. Оборзевший зараженный деймами планктон? Или не совсем уже и планктон. Пучки щупальцев, похожие на кривые лучи фиолетового света. Сквозь оболочку и полупрозрачную чуть розоватую эктоплазму просматривается сеть трубок. Внутренние органы, наверное. Еще гроздья каких-то шаров; должно быть, что-то нужное для размножения. Вот и морское чудовище, Левиафан, на подходе.

Тут наша не слишком приятная беседа с господином Зеффом временно перешла в режим паузы. Удар, тяжелый, пронизывающий недра суперкорабля скрежет, резкий крен, переходящий в переворот. Мы с собеседником покатились, шмякаясь о поверхности, полетели, ловя телом другие летающие предметы. Волна-убийца, порожденная выбросом субмаринных вод, опрокинула «Батавию».

Палуба и подволока окончательно поменялись местами, корабль был сейчас килем вверх; боль из моего разбитого тела плескалась во все стороны.

– Эй, Зефф, ты живой, не раскололась твоя полная чудных замыслов голова? – спросил я, когда выхаркнул кровь от полопавшихся в носоглотке сосудов и осознал, что позвоночник не сломан.

– Я в порядке. И смываюсь на ракетной капсуле. Если на других кораблях ситуация не ахти, то будет произведена эвакуация на орбитальный «Олимпус». Большая часть модулей жизнедеятельности там уже смонтирована и подключена к источникам энергии.

Судя по инерции, перевернувшийся корабль с дифферентом на корму уходил вниз. И, судя по нарастающему гулу и вибрации, вода сейчас радостно затопляла внутренние помещения «Батавии».

– Ну, что, спасайся, свинорылый, если сможешь. Только ты не сможешь. Эта спасательная капсула рассчитана и на подводный старт. Но сработает она только, когда в кабине будет один человек. И этот человек – я, – прошипел Зефф. – Хотя и несколько больше, чем человек. Действительно, философский вопрос, кто теперь я. А ты сдохнешь тут вместе с Мануэлом.

– Торопишься, дядя! – Из трещины в груди у ворвавшегося в помещение Мана что-то рвется и лезет наружу. Зефф срывает с переборки шланг и направляет струю жидкого азота на племянника.

Я, бросившись на выручку парню, вырываю шланг из рук Зеффа, но вблизи возникает Сато. Самурай оправился и готов принять смерть за своего хозяина-даймё. Ну, почему такие поступки называются не холуйством, а проявлением бусидо? На сей раз в руках повара-самурая длинный кухонный нож, заточенный до атомарного предела, вполне способный сыграть роль вакидзаси и выпустить мне потроха. Я направляю шланг, брызжущий жидким азотом, в рот Сато, кричащий «Хэйка банзай». Весь остаток жидкости на него израсходовал. Сато застывает и валится, его замороженная голова бьется обо что-то и от нее отлетает нижняя челюсть и левый глаз.

Но застыл и Ман. Из него, как из приоткрывшегося чемодана, выглядывает замерзшее нечто – у существа раздвоенная челюсть, наполовину выснулся остроконечный хоботок.

– Это теперь не развратный подросток, а ооциста. Кажется, я окончательно удостоверился, откуда веял ветер неприятностей – от этого Питера Пэна, который наверняка унаследовал свою пакостность от Джейкоба Треснувшей Головы. Мануэл направил тебя на «Батавию», а «Батавию» подогнал к тебе поближе, зная, что твои деймы смогут модифицировать деймов проекта «Мировой змей». Жаль, что я не ополоснул его жидким азотом раньше.

– Вам должно быть жалко, что я помешаю вам покинуть тонущую «Батавию».

И я, как раз поймав руку Зеффа, защелкнул на его запястье второй браслет наручников – их я позаимствовал в клубе. Какое же эротическое шоу без наручников садо-мазо? А первый браслет оказался сейчас, как и следовало ожидать, на моей руке.

– Теперь все честно и справедливо, господин Зефф. Я никогда не бью первым, но всегда заканчиваю последним. Впереди у нас общая мокрая могила на дне Мирового океана. Все-таки народ-богоносец одолел народ-баблоносец.

И мы как раз почувствовали воду, которая уже затекала в отсек. Судовая трансляция заткнулась на куплете: «Переплывали мы не раз с тобой через ручей. Но море разделило нас, товарищ юных дней…»

Оппонент психанул – не умеют такие, как он, принимать трудности. У Зеффа треснула его грудная клетка, превратившись в выдвинувшийся вперед зев. Разом он превратился в рыцаря-дракона из известного рыцарского Ордена.

– Тебе не убить меня, свинорылый, мне жить десять тысяч лет, и это срок с гарантией. Я проживу больше, чем вся старая человеческая цивилизация, – самоуверенно заявил он.

– Вредно мечтать о вредном.

И хотя мне надо оппонировать этому змею до последнего вздоха, однако ж ясно, что он, если не божество, то метаморфант, быстро и по своей воле меняющий форму в любую сторону; к его словам стоит отнестись серьезно.

Саймон Зефф лязгнул створками зева и потянул невидимыми щупальцами мою руку, на которой был первый браслет наручников. Я рубанул по щупальцам кухонным ножом повара-самурая, который вовремя прикатился ко мне. Отсек-таки, Сато знал толк в наточке режущих предметов.

Однако несколько секунд спустя я, свесив свою челюсть, смотрел на руку Зеффа, отрезанную как серпом, вместе с браслетом наручников. А миллиардер, перекусив собственную руку своими грудными мандибулами, повернулся к шлюзу спасательной капсулы.

Изумление удалось быстро преодолеть – сегодня было много сюрпризов, притерпелся уже.

Я, нырнув по низу, успел пригвоздить самурайским ножом стопу господина Зеффа к потолку, ставшему нынче палубой. Метаморфант дернулся, но не смог высвободиться. Я думал, что Зефф сейчас обернется ко мне со всеми вытекающими последствиями. Но он только сказал:

– Счастливо оставаться. Тебе повезло, человечек, ты встретился с богом, а это дорогого стоит. Вечной жизни на небесах нет, не надейся, но она есть у меня. Ты, конечно, мог прожить еще лет десять – двадцать, но в страхе, бедно и некачественно, с нарастающим количеством болячек, а так все закончится для тебя быстро и красиво.

Затем самая зубастая часть миллиардера – бывшая грудная клетка – выдвинулась вперед по максимуму и с треском рвущихся тканей покинула старое тело. А старое тело – точнее, что от него осталось – рухнуло плашмя. Собственно, старый Саймон Зефф остался лежать чехлом на палубе. А оснащенная челюстями грудь, которая продолжалась теперь удлиненным брюшком и была снабжена ластовидными конечностями, зашлепала вперед. К новой жизни. Голова ей уже не требовалась. В брюшке что-то копошилось, должно быть, мелкие спорозоиты. Это ж ооциста нового уровня.

Я бросился вдогонку и не сумел увернуться от клубка змеящихся отростков, брошенных драконом Зеффом в мою сторону. Щупальца принайтовали меня к трубе и пробили кожу в нескольких местах.

А капсула с рывком, полученным от катапульты, ушла в сторону, после чего шлюз затопило водой.

Дракон Зефф улетел, обогащенный новыми знаниями и

контрактами на DEIM-2, проживать свою вечную всемогущую жизнь. «Батавия» пошла на дно – бурлящая вода поглощала бывший ковчег миллиардеров, а теперь просто огромное корыто, заполненное даблами. Похоже, что несмотря на много интересных и неожиданных ходов, эту партию невозможно было выиграть. Бабло опять победило то, что оно считает злом. И надо согласиться с Гербертом Спенсером, что «сильные, побеждая слабых, делают общество сильнее». Но что остается мне? Умереть; надеюсь, с честью. Как сказал один старый промысловик на Белом море, а Борис Шергин записал – смерть забирает свое, но не все.

Но потом я заметил, что мне больно, и очень нехорошо, но если я не жив, то, по крайней мере, не мертв, и, более того, путы не держат меня, я их обрезал самурайским ножом. Меня понесло потоком по утонувшему кораблю и потом выбросило наружу через лопнувший под давлением моря иллюминатор. Тут я окончательно понял, что живой и даже дышу в воде. И в воде мне, пожалуй, легче, чем без воды, вес не мешает. И такое ощущение, что у меня бьется второе сердце.

Я, отчаянно толкаясь ногами, отдалился от тонущего корабля, чтобы он не утянул меня вниз. И это был большой плюс. Но в качестве большого минуса, у меня появились попутчики – какие-то твари, похожие на моллюсков. И на людей тоже.

Один из них захватил меня своим щупальцем с крупными разрывающими кожу присосками и стал подтаскивать поближе к своей вытянутой пасти, более всего напоминающей огромный клюв, способный перекусить пополам и акулу. И что-то в этом клюве было смахивающее на фрезерную пилу. По ходу дела я высвободил свою руку и ударил самурайским ножом поверх клюва – кажется, подействовало. Однако ко мне подплывали еще трое человекомоллюсков.

И они меня зацапали. Обхватили щупальцами ноги и руки, ухватили за шею и потащили вниз. Становилось все темнее и холоднее. Вдруг стала ощущаться давящая на меня толща воды – ведь не выпустит она меня! Пятьсот метров ниже морской поверхности – Глубина, огромнейшее расстояние от привычного мира. Это больше, чем пятьсот километров от поверхности Земли в космосе.

Навстречу нам из серой мглы вырвалось три больших серых тела. Гринды! Они приняли моих оппонентов за самых настоящих кальмаров. Схватили и мигом утащили.

Только мне уже не подняться. Я заперт в темной мокрой могиле. Однако паники не было, как если бы на дне мрака показался свет.

И в эту, может быть, последнюю секунду океанская глубина

заговорила со мной, с глубиной во мне. И секунда стала очень большой, словно в ней свернулась тугим клубочком длинная змея времени. И мое сознание растеклось по ее черно-глянцевому телу.

И в ней было все время деймов, каждое их мгновение, когда они впитывали всевозможные сведения о том, как работает каждый человеческий орган, и какие мысли и желания скрывает каждый человеческий мозг.

Я просто сказал: «Хватит», когда мое сознание почти полностью растворилось в теле «Мирового змея», когда мое «я» было на грани перехода в «не-я». И тогда прекратился поток вибраций, что проходил через молекулярный процессор каждого дейма, и наступило молчание. И это черно-глянцевое тело превратилось в мрак без опознавательных знаков, где ничего нет. Лишь ненадолго возникало какое-то колебание, но снова таяло в глубинном покое.

И тут какое-то быстрое тело потащило меня наверх. Похожее на русалку, только в форменном жакете.

Сейчас. Утонувшая Атлантида

Где-то в Технонезии старый орангутанг по имени Ман провел палочкой по земле, и из его труда появилось что-то похожее на спираль, в которую вплеталась еще одна спираль.

Биомех марки «Невеста Франкенштейна» с идентификатором «Путри» подошел к бару, в котором он должен был работать этой ночью, и лицо его было непроницаемым как у будды.

На «Принцессе Путри», захваченной даяками из освободительного движения Калимантана, капитаном стал старый вождь, который вместе со своими воинами уничтожил демонов, пытавшихся добраться до его судна вплавь. Одну шлюпку с демонами ему удалось удачно накрыть, швырнув пару гранат в ее раскрывшийся люк. А его люди сожгли из огнеметов тех демонов, что уже карабкались по борту наверх. Огнеметы, как и гранаты, и ПЗРК, были найдены в одной из балластных цистерн «Принцессы Путри».

Новый капитан судна, держа на плече трубу ПЗРК, поставил ногу для упора на тело старого капитана и выпустил зенитную ракету по спасательной капсуле с «Батавии», очень похожей на боевую ракетоторпеду. Выстрелил удачно, ведь он никогда не промахивался из духового ружья, когда поражал стрелой с отравленным наконечником какого-нибудь зверя или наглого противника.

Зенитная ракета легла на траекторию, ведущую к цели, и ее головка самонаведения захватила тепловое пятно работающего двигателя капсулы. После подрыва боеголовки, капсула

разбрызгалась множеством разноцветных праздничных огоньков. Тот зверь, который находился внутри нее, этого предусмотреть не сумел, никаких десяти тысяч лет у него не стало, его время схлопнулось в точку, черную и горячую. Таков был его персональный ад навсегда.

Итак, задание, подготовленное и оплаченное неким Обличителем, было выполнено.

Затем ремонтное судно удачно ушло к югу от «кипящего моря», которое добило потерявшую ход «Батавию».

Во многих регионах планеты море стремительно наступало на сушу, накатывая длинными волнами и отвоевывая у нее новые и новые участки, – порой за несколько часов стихия захватывала территорию целой страны. Только от умения людей действовать вместе, ради общей цели, бескорыстно, используя все имеющиеся ресурсы, – зависело выживание народов.

Но страх достигнет такого уровня, чтобы люди и народы, наконец, совместно взялись за дело своего спасения, еще несколько недель спустя. К концу Большого наступления моря, которое бойкие журналисты назовут Всемирным потопом 2.0, полностью уйдут на дно морское Нидерланды и Бельгия, и Лондон отправится туда же, прихватив с собой большую часть Англии, и северная Германия, польская низменность, побережье Явы, долина Ганга, треть Амазонии, Нью-Йорк и Флорида. Перестанут выходить, о, ужас, даже респектабельные «Таймс», «Нью-Йорк-Таймс» и «Уолл-стрит-джорнэл», которые веками рассказывали, как делать деньги и как заставить других делать вам деньги и как убрать тех, кто мешает вам делать деньги. Волны будут гулять в офисах крупнейших корпораций. И лондонское Сити вместе с Уолл-Стрит, откуда веками правили морями и деньгами, окажутся на дне морском.

В штаб-квартиры банков и корпораций, где недавно резвились акулы бизнеса, будут неторопливо заплывать, для ознакомления с интерьерами, акулы натуральные. Осьминоги устроятся в креслах, где раньше сидели банковские спруты. Миноги присосутся к местам, где прежде располагались финансовые вампиры. Черепа банкиров, недавно придумывавших, как высосать сок из очередной страны, будут отполированы крабами. Разноцветные медузы станут красоваться там, где раньше тем же самым занимались секретарши. Планктон натуральный заместит планктон офисный…

А пока что где-то на просторах океана болтается плот, на котором находятся два человека.

Киду Ивановичу долго снился сон о потопе, а когда он проснулся, то узнал две новости. Хорошую, что он все же не

утонул и теперь на спасательном плоту, и плохую, что башка трещит и мысли еле ворочаются – напекло солнцем котелок. Да вдобавок на теле куча обширных синяков, а на руках и на шее багровые саднящие следы присосок.

Вокруг сонный вялый океан, напоминающий сейчас воду в детской ванночке и совсем непохожий на ту остервенелую сатанинскую стихию, которая недавно окружала «Батавию».

Рядом, на плоту, женщина, сильно похожая на госпожу Бонакасси. Неужели она и вытащила его с глубины? Получается, это она сняла с него наручники, второй браслет которых захватывал отрезанную руку Саймона Зеффа. Вон, кстати, и рука та валяется, средний палец символически оттопырен.

Форменный жакетик на госпоже Бонакасси сейчас имелся. Все сходится, она и есть «русалка». Форменных брюк на госпоже Бонакасси сейчас не было, одеяние ниже пояса ограничивалось лишь купальными трусиками. Значит, подтверждается, что она – та самая.

Почему он не захлебнулся, почему «русалка» нормально себя чувствовала и была вполне работоспособной, находясь глубоко под водой? Ладно, на эти вопросы ответы получим потом. А сперва надо поздороваться, разлепив запекшиеся губы.

– Госпожа Бонакасси? И в таком неожиданном месте, вместе с каким-то маргинальным типом. Вы не ошиблись адресом?

– И почему неожиданном? Для времени больших и малых потопов плот – самое подходящее место. – Голос у нее сейчас был расслабленный, как и полагается человеку в пляжном виде под ярким солнышком.

Она кинула ему пластиковую бутылку с водой, и он всосал пол-литра за один присест, да еще полил на макушку. Питье оживило мозг и смыло большую часть боли.

Как бы проверить без излишних искр, стер ли Мануэл Зефф программу переформатирования памяти у дамочки?

– Кстати, госпожа Бонакасси, на «Батавии» вы меня едва не пристрелили.

– «Едва» не считается.

По-прежнему не понятно, стер – не стер. Хода нет – ходи с бубей, как говорят специалисты.

– Ладно, давайте напрямки. Кто вы на самом деле, госпожа Бонакасси? Доверьте мне свой секрет, потому что вокруг нас все, что могло его разболтать, уже утонуло. И, вообще, поскольку вы меня вытащили из пучины морской, я обязан спросить – зачем? Что нас по-крупному связывает? Только не говорите про любовь с первого взгляда.

– Не скажу. Наверное, слыхали про катастрофу «Юпитера-12»,

что, дескать, какая-то инфекция убила весь персонал и прочих обитателей орбитальной станции?

– Зефф сказал напоследок, что я там был, и эта инфекция, в виде исключения, меня не убила.

– На самом деле, там было много исключений. Одним из них были, действительно, вы, и звали вас тогда иначе, кстати. Инфекция поразила далеко не весь персонал станции. А уничтожил всех выживших корабль Атлантического Альянса «Адмирал Мэхэн».

Выходит, эту заразу принес на Землю, в самом деле, он. Вот такое осознание. Но ужаса пока не почувствовалось, вместо этого чувство приобщения к какому-то грандиозному плану усовершенствования жизни.

– И что, госпожа Бонакасси, пора переживать и каяться?

Однако вид госпожи Бонакасси, откровенно легкомысленный, и ее взгляд, лишенный какой-либо суровости, подсказывали, что дела не так уж плохи.

– Рвать остатки волос не надо, все прошло по извилистой, но неизбежной траектории. Специфическая исключительность вашего исключения была в том, что эта инфекция помогла вам выжить, даже когда вы оказались в вакууме. И я тоже была спасена – той самой заразой, точнее, структурой Омега, как она обозначалась в «Зефф Итернити». Но я не эвакуировалась на X128. Предала сама себя глубокому криоконсервированию и загрузилась в спасательную капсулу, ни на что не надеясь. Заряд аккумулятора мог обеспечить работу радиомаяка на тринадцать месяцев. Через год индийский корабль «Вимана» нашел меня.

– И вы не попали в карантин, госпожа Бонакасси?

– Ни одна лаборатория на Земле не смогла обнаружить во мне инфекцию, потому что «пассажиры» моего тела хорошо умеют маскироваться. Но это как раз входило в план Джейкоба Бонакасси, который и придумал комбинацию с моим участием. Он знал, что я по-особому живучая, с того времени, когда меня фактически убили на Юкатане; шаманы считают, что после такого выздоровления часть души все равно остается на одном из небес. Теперь должны вспомнить и вы, товарищ Воскресенский. Почему вы стали настолько особенным, что Джейкоб Бонакасси сделал на вас ставку?

«Товарищ Воскресенский» – с какого перепоя? Но перед внутренним взором Кида, точнее Кирилла Воскресенского – потому что Мануэл стер психопрограмму блокировки памяти и у него – стали в бешеном темпе проскакивать возвращенные воспоминания, настоящие.

У него не было «бывшей» и сына – военного гидрографа, у

него не было никакого дедушки Кида. И срочную он служил не на подлодке, куда бы его из-за роста не взяли, а в морской пехоте, 61-й отдельной бригаде Северного флота. И заканчивал он не абы что, а Военно-морскую академию имени адмирала Кузнецова. И у него были за плечами долгая военная служба, две войны, входящие в цикл Третьей мировой, балтийская и черноморская, и доля в двух победах, два ордена, две дырки в теле – от осколка и пули. К которым на яхте «Валькирия» добавилась третья (ведь три – очень правильное число, аттрактор). Воинское звание капитана, кстати, третьего ранга. Все его настоящие родные уверены, что он погиб в системе Юпитера тринадцать лет назад. А он остался жив.

Сейчас Кирилл вспоминает бой в заросшей камышами пойме реки. Взрыв в тумане неподалеку от вражеского берега, когда палуба вдруг раскалывается под ногами, а металл горит и сечет все вокруг раскаленными осколками. Вспоминает дурноту, захватывающую и выворачивающую наизнанку его внезапно обессилевшее тело. Кровь, капающую с лица, шеи и груди на руки, превращающуюся в ручей, который несколько секунд спустя начинает вливаться в резко поднявшееся море. Оказавшись разом со всех сторон, оно душит его и рвется в его легкие.

Кирилл вспоминает и гигантскую давящую на мозги тушу Юпитера, похожую на разбухшего демона.

Многое бежало в голове, как бурный ледоход, и служба в морском спецназе, и биологическое безумие на орбитальной станции – внося такое смятение, что Кирилл едва совладал с чувствами. Так, медленно выдохнуть, плавно выдохнуть, и так до десяти раз, концентрируясь на сердце. Или у него их два? Собеседница подождет, похоже, сейчас им торопиться некуда. Почему он стал особенным? Да какая тут к черту особенность. Это на «Батавии» были особенные, то есть Избранные, сотня миллионов баксов на билетик не у каждого найдется. Но, может, дело в том, что он тот… кто не утонет. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. То же самое свойство, что и у Ноя, и у Зиусудры, и у его предков по маминой линии, кормщиков и промысловиков, ходивших по холодным морям, от Груманта до Анадыря.

И сейчас вспомнилось, как он лежит, маленький, на слани в лодке, смотрит в хмурое дышащее влагой северно-русское небо и спрашивает у деда, тоже Кирилла, который исправно скрипит уключинами, торопясь к месту утреннего клева: «А мы не утонем?» А дед, который вчера принял лишку и плясал брейк, сейчас говорит совершенно серьезно: «Наших всегда Николай Святитель от Водяника спасает, никто еще не утоп, даже от торпедной атаки в войну».

– Вы, наверное, подумали о том же, что и я, – сказала госпожа

Бонакасси, всматривающаяся сейчас в него, словно он был диковинным зверем, поднявшимся из морских глубин. – Вмешательство космического организма действительно случалось на каких-то ранних этапах развития человечества. Может, благодаря этому появлялись ужасные оборотни и прекрасные русалки, хотя, вполне вероятно, и наоборот, прекрасные оборотни и ужасные русалки. Кем были те ангелы, которые сделали Землю пригодной для жизни и создали сложную биосферу? Как небольшие, но очень верные изменения в геноме животного привели к сапиентации, и из животного мира появился неожиданно разумный Адам, с которым и поговорить можно.

– Тогда и Каина не забудьте. Поговорить с ним можно, только разговор закончится плохо, как у Авеля.

– Вы, Кирилл, даже внешне похожи на китообразного, – двусмысленно похвалила его госпожа Бонакасси. – И вы были готовы к симбиозу со структурой Омега. Точнее, с деймами версии 1.0, которые настолько точно копировали юпитерианскую живность, что стали эволюционизировать вместе с вами.

Да что ж такое, едва он был готов обвинить госпожу Бонакасси, что она является полномочным представителем юпитерианских пузырей в нашем мире, как получается, что он из той же оперы. И уже его предки были чуть ли не гибридами. Кстати, китообразные – большие, сильные и умные животные, и слой жира их ничуть не портит. Так что слова госпожи Бонакасси, что он похож на морского зверя, можно посчитать за комплимент.

– А деймы других версий, с кем и для кого они будут эволюционировать?

– Их уже нет. Все они были терминированы, где бы они не находились: в планктоне, нектоне, за пределами проекта, во льдах, горных породах, в атмосфере. Послушали бы радио, правда батарейки сдохли незадолго до вашего пробуждения. – Госпожа Бонакасси пнула желтую коробку аварийного трансивера, и Кирилл машинально отметил, что ноготки у нее на пальцах ног аккуратные и наманикюренные. – Низкоуровневая команда, от которой не отвертишься. Намек ясен?

Да уж, куда яснее. Его деймы были своего рода интерфейсом, через который юпитерианские пузыри действовали на деймы более поздних версий.

– А Зефф? Он же что-нибудь обязательно придумает.

– Зефф – все. Как и его рука.

– Сдается мне, госпожа Бонакасси, что структура Омега еще хуже, чем деймы.

– Была бы хуже, то давно бы захватила Землю. Она лучше тем, что места ей хватает и на Юпитере – а он чертовски

большой, там и привычная для нее среда обитания.

Госпожа Бонакасси улыбнулась, потому что слова ее звучали складно и вызывали доверие. И выглядела она совершенной милашкой, несмотря на то, что возле ее талии просматривалась кобура с пистолетом. А в таких случаях у милой дамы принято спрашивать следующее:

– А не может быть какой-то среды обитания, помимо этого плота, где мы могли бы как-нибудь встретиться и пообщаться? Тринадцать лет назад на станции «Юпитер-12» мы же наверняка любили друг друга, госпожа Бонакасси.

– Заладили, «госпожа Бонакасси», я – Флория Инвайя.

Он начал осознавать то, что сказал Мануэл напоследок – Надя родилась не от боливарианца, не сходится это по времени, а сходится, когда они с Альбой-Флорией оба были на станции.

Она притянула его к себе. И тату-змейка на ее шее была безмятежно-золотистой. А немного погодя Кирилл увидел у нее еще одну вытатуированную змейку, пониже, сплетенную в восьмерку и кусающую себя за хвост. И точно вспомнил, что они были уже вместе.

– Поэтому я бы вас сейчас и не отпустила, пускай вы старый, толстый, пахнущий рыбой дурак. Ведь вы герой, спасший мир и мою дочь, нашу дочь… И я помню вас высоким, стройным и довольно симпатичным парнем с отпечатком мысли на челе. И тогда это не было искусственным соитием, под управлением психопрограмм. Структура Омега уже убрала нейроинтерфейс, который установил мне Джейкоб.

От того, что Надя – его дочь, Кирилл почувствовал и радость, и ужас. Ведь он тринадцать лет ничего не знал о своем ребенке, и мог вообще не узнать. Ему стало полегче, когда он обнял Флорию, хотя понимал, что они, может быть, парочка ужасных симбионтов. Да и их дочурка, судя по устойчивости к пакостям деймов, тоже связана с ксеножизнью. Но сейчас не хотелось думать о планете, ради которой выхлебал столько дерьма, тем более что она не очень-то думала о нем. Хотя бы десять минут не вспоминать о человечестве, и о структуре Омега, которой, возможно, не сидится на Юпитере, и о вполне живых коллегах-миллиардерах мертвого Зеффа. Просто обнимать особу, именующую себя то Альбой, то Флорией, и таять от нежности.

Можно ли ее назвать «рыбка моя» или это будет совершенно банально? Ведь если бы кто-то взялся писать роман о его приключениях и злоключениях, то главным словом там было бы «глубина». Глубина моря, глубина космоса, глубина постижения. Можно было бы, наверное, сказать даме: «глубоководная рыбка моя», но посторонние увидели бы в таких словах только

корявость и неумение выражать свои чувства.

Эпилог

Через десять лет. Новая Арктида. Из репортажа

Здравствуйте, мальчики и девочки. Наш конвертоплан приближается к цели. Из-за горизонта словно вырастают огромные соцветия. Сперва кажется, что они огорожены торосистым льдом. Но лучи солнца прорезают туман, обводя ярким кантом вычурные лепестки волноломов и ледорезов. Затем проводят к ним по темно-изумрудным водам яркую дорожку – словно бы из сияющих золотых рыбок, отчего морская поверхность кажется раскаленной. Но температура воды лишь немногим выше нуля, достаточная, чтобы не встал лед. Впрочем, если лед вернется, то Новую Арктиду ему не победить.

Ее платформы прочно стоят на опорах, которых уходят вглубь, к далекому дну.

На одной из них до сих пор заметна россыпь темных пятен – следы от атак «джедаев» из группировки «Матрица Свободы». Да, от некогда могучего Атлантического Альянса осталась лишь кучка террористических группировок. И все эти «джедаи» – просто биомехи с дурной прошивкой.

Атакующие были вовремя замечены, их подводные силы встречены противодиверсионным отрядом «Русал», куда входят люди и морские животные. А летательные аппараты террористов не прошли сквозь «оборонительный туман», состоящий из наноргов. Видите, вокруг колонн и сейчас как будто легкие таинственно мерцающие облачка…

Мы летим дальше над Новой Арктидой. Под нами пестрые гроздья геодезиков и бакиболов, строения, напоминающие кристаллы кварца и елочные игрушки из золотистой фольги. Жилые и производственные модули играют искрами под нежным солнечным светом. Между ними что-то вроде хрустальных ульев – многоуровневые оранжереи, где в гексагональных ячейках из Q-углерода растет, пузырясь, водорослевая масса. И где она перерабатывается очень ответственными микробами в топливо, еду, питье и прочие вкусности для сотен тысяч обитателей Новой Арктиды. Тянутся вдаль бескрайние «поля» аквакультурных ферм, разделенные зарослями здоровенных «одуванчиков» – многолопастными преобразователями ветродуя в электроэнергию.

Все это искусственная суша, именем Новая Арктида, за десять лет охватившая Северный полюс и его окрестности, выдержавшая не только атаку «джедаев», но и атаку со стороны орбитальной эскадрильи Атлантического Альянса. Реализована мечта русских

первопроходцев от Стадухина и Санникова до Эдуарда Толля, искавших сушу в высоких широтах. Как говорят наши недруги, Россия получила северный, арктический бонус. Только это не случайный выигрыш, как в рулетке, а награда за многовековое освоение Арктики, которой у русских оказалось в итоге так много, потому что они не боялись идти за горизонт самыми холодными тяжелыми путями.

Обживание высоких широт дало толчок и размашистым инфраструктурным проектам, и новой индустриализации, и созданию новой творческой среды для людей, а не только для машин. Страна, можно сказать, обрела второе дыхание; тут и прирост населения обозначился.

Все это стало замечательным контрастом проекту «Мировой змей», который вырос из замысла экспертов Атлантического Альянса – мешать развитию большей части человечества, кроме кучки Избранных, и отнять у него будущее с помощью закрывающей технологии. Согласно этому проекту, канувшему в Лету с большими брызгами, надлежало выделить расу сверхбогатых потребителей, способных купить бессмертие и поучаствовать в приватизации Солнечной системы, а остальных просто утопить за ненадобностью, чтобы не расходовали ресурсы.

У них не вышло, а у нас получилось. Была остановлена и техноэпидемия, жертвами которой стали лишь пассажиры и команды кораблей «Мирового змея».

Некоторые обозреватели, впрочем, считают, что деймы терминировали себя сами, ввиду того, что в них был заложен скрытый код самоуничтожения в случае неконтролируемой модификации. А некоторые – это фантазеры, адепты конспирологических теорий – полагают, что деймы выполнили приказ самоуничтожиться, поступивший от инопланетной жизни, по образцу которой они были созданы.

В любом случае, деймов больше нет, зато есть созданные с использованием этой технологии нанобиогибридные организмы Госнанорг-1 и Госнанорг-2, которые помогают людям осваивать ранее закрытые для них среды на Земле и космические тела вроде Европы и Энцелада.

Уже преодоление катастрофического мирового наводнения привело к обобществлению важного ноу-хау и использованию по единому плану жизненно необходимых ресурсов, в том числе супертанкеров, на которых размещали беженцев. И к созданию – не ради прибыли немногих, а ради выживания всех – множества стационарных техноостровов. Среди которых выделяются своими размерами Нусантара и Второй Китай в Тихом океане, Лемурия в Индийском, Атлантис Нови в Атлантическом, Новая Арктида в

Северном, теперь не таком уж Ледовитом океане.

Многое изменилось в мире за эти десять лет, снова возникло из небытия то многообразие культур и цивилизаций, которое, казалось бы, навсегда было уничтожено западной экспансией.

А пока мы пролетаем над аквакультурными фермами и пейзаж внизу напоминает учебное пособие по геометрии, я вкратце напомню некоторые события, которые кардинально изменили политическую географию нашей планеты. Причем за совсем небольшой срок, в течение которого вы, девочки и мальчики, успели лишь родиться, походить в ясли и детский сад и поучиться в начальной школе.

Калифорния после катастрофического цунами была захвачена пиратами с утонувших японских островов и превратилась в Страну Заходящего Солнца. К северу от нее, вплоть до границы с Русской Америкой – заморская провинция Поднебесной империи – Чжунго Мейго. К востоку от нее, до Скалистых гор, Великая Мексика, вернувшая все, что забрали у нее янки. Ее правительница-тлатоани Флория Инвайя делает ставку на возрождение древней связи народов науатль и майя с космическими сферами и верхними небесами.

Между Великой Мексикой и Миссисиппским морем – владения Фед Резерва (бывшие США), который еще недавно получал от разных народов все необходимое за свои зеленые бумажки. Теперь рента за производство мировых денег ушла в прошлое. Нет уже и той наживы, что имели монстры-корпорации, которые перемалывали невозобновляемые ресурсы ради выброса на рынок недолговечных, ненужных и вредных товаров. Нынче Фед Резерв находится в жестком территориальном споре с Федерацией Пяти Племен, известной как государство Чероки и Сиу, которое хочет вернуть себе свои исконные земли. В ходе недавнего рейда индейских трансформеров «Маниту» в Южную Дакоту, у памятного ручья Вундед-Ни, некогда залитого индейской кровью, были наголову разгромлены боевые роботы «бледнолицых».

На новоорлеанских островах, за Миссисиппским морем, правит Барон Самди, верховный колдун всех вуду-поклонников. Фед Резерв платит Стране Вуду дань за использование в течение трех веков жизненной силы черных рабов. В случае неуплаты дани Барон Самди колет иглой куклу Председателя Фед Резерва, в результате чего тот умирает и его заменяют на клона. Так, по крайней мере, сообщается в газете «Le Temps de Vaudou». В Стране Вуду живет много адептов разных либертарианских сект, перебравшихся сюда из Старого Света и проводящих магические ритуалы для наведения порчи на «авторитаристов».

К северу от Новоорлеании, в Белом Вигваме, стоящем в Онондаге, курят одну трубку шесть вождей Ирокезской лиги. А накурившись, передают остальным племенам и народам, что сказал Великий Дух Гаванеу насчет истинной демократии. Перед Белым же Вигвамом на пятидесяти семи шестах экспонированы скальпы (не все, правда, настоящие) пятидесяти семи так называемых «президентов США». И душам этих пятидесяти семи, начиная от Вашингтона с Джефферсоном, не будет никогда покоя за то, что отнимали леса, воды и прерии у коренных американцев.

Белый дом, Капитолий и Пентагон были разобраны и перевезены в африканскую Либерию, где вновь собраны, причем потерянные по дороге кирпичи были заменены на пластик и картон. Либерийское правительство также купило права на использование американского флага, гимна, мечты, а также прокат голливудских блокбастеров.

А к северу от земель Ирокезской лиги и Конфедерации Алгонкинов, на обширных арктических территориях бывшей Канады и позеленевшей Гренландии раскинулись Соединенные Штаты Эскимо со столицей в Нууке. Государство, созданное волей великого вождя инуитов Бьерна Нанухака, который сжег американскую базу Туле и нашел ядерный боеприпас, лежавший у гренландского берега с далекого 1968-го, когда он был потерян в результате катастрофы бомбардировщика B-52. Атлантический Альянс, обвинив Россию в поддержке инуитов, направил орбитальные платформы для уничтожения Новой Арктиды кинетическим оружием. Однако атлантическая эскадрилья на высоте двухсот двадцати километров неожиданно для себя вошла в рой наноргов и превратилась в звездопад, что сильно приблизило распад и самого Атлантического Альянса. А датских наемников из легиона «Vikinger» российскому арктическому спецназу, переброшенному в Гренландию с миротворческими целями, пришлось усыплять и отправлять домой в криоконсервированном виде.

СШЭ граничит с российской Аляской. Русская Америка, по воле ее племен и жителей, выраженной на референдуме, возвратилась в состав России, что и было утверждено недавним решением электронного Земского Собора.

То, что осталось от Канады, после отпадения от нее арктических территорий и земель Алгонкинов, разделилось на два королевства. Новая Британия, где правит Эдуард IX Плантагенет, называющий себя то потомком одного из бастардов Эдуарда Черного Принца, то его клоном; и Новая Франция, где правит Людовик XIX из Орлеанской ветви Бурбонов. Они ведут между собой затяжную войну, именуемую иногда Новой

Столетней, за выход к Великим Озерам.

Государства по берегам Индийского океана – от Занзибара до Малайского архипелага – возродили великую цивилизацию южных морей. Потомки Синдбада густо бороздят океанские просторы, здесь возникли тысячи новых островов, а под водой живут люди-саламандры, обретшие новый тип дыхания.

На Ближнем Востоке до сих пор кисло. Обострившиеся во время потопа религиозные споры привели к тому, что там сработало несколько чемоданчиков по десять килотонн каждый и нынче по развалинам нефтедолларовых городов идут, как и встарь, верблюжьи караваны.

В Бхарата-Варше, то есть Индии, где правит мудрый Ашока II, люди избавились от «тройственных страданий», но не избавились от ехидства. Они любят посещать несколько скал, что остались от Англии – варварской страны, принесшей на несколько веков тяжелое иго грабежа, унижений и издевательств древнему мудрому народу, создавшему великую и гуманную цивилизацию в те времена, когда варвары Британских островов еще крошили друг друга каменными топорами. Сегодня те британцы, которые, спасаясь от бушующих вод, переселились в Южную Азию, относятся там к низшей касте шудр и, в основном, работают в системе канализации и переработки отходов.

К сожалению, в Центральной Европе человеческий род понес большие утраты во время восстания биомехов, последовавшего вслед за потопом. Сегодня Четвертым Германским рейхом, государством биомехов, правит Германарих II Зеттабайтный, собранный из останков и обломков воинственного Германариха I Эксабайтного. В Организации Общающихся Популяций, пришедшей на смену ООН, все громче слышатся призывы признать биомехов-франкенштейнов, функционально дублирующих человека и созданных с использованием большого количества человеческого биоматериала, – новой разновидностью homo sapiens. А ряд стран Южной Америки, включая Страну Инков – Тауантинсуйу, установили дипломатические отношения с Четвертым рейхом.

Между Четвертым биомеханическим рейхом и Россией – пустынная полоса отчуждения, возникшая в ходе войн людей и франкенштейнов. Она протянулась от моря до моря там, где раньше были так называемые государства-лимитрофы, чьи жители должны были спасаться бегством, чтобы не превратиться в набор органов и тканей для производства новых франкенштейнов. Пустынная полоса заканчивается Стеной двухсотметровой высоты из нанопланта-хэви, которая ограждает Россию от нашествий биомехов и франкенштейнов, и напоминает

о древних засечных чертах, что защищали русскую землю от набегов кочевников. Сегодня Стена уже, в основном, туристический объект – особенно много людей посещают тот ее участок, о который раскололся Германарих I.

За этой оборонительной чертой – наша Родина, о которой вы, конечно же, хорошо знаете и из школьной программы, и, по личным впечатлениям, благодаря путешествиям. Многоярусные надповерхностные дороги, сотканные из углеродных нанотрубок и стоящие на высоких диамантоидных опорах, связывают страну в широтном и меридиональном направлениях, совершенно не вредя окружающей среде…

А впереди у нас не только освоение океанских глубин на Земле, но и ресурсов космоса, пустынь Марса и глубоких океанов на спутниках Юпитера и Сатурна, где пригодятся технологии, разработанные для русской Арктики и Новой Арктиды. В космические дали как раз ушли космолеты «Сергий Радонежский» и «Григорий Палама», в криокапсулах которых находятся тысячи переселенцев. Они должны продолжить славную русскую традицию покорения и обживания холодных негостеприимных пространств, идущую со времен Ермака, Стадухина, Реброва, Дежнева, Пояркова, Хабарова и их храбрых товарищей. И в космосе пригодятся социальные техники, опробованные здесь, в Арктике, где каждый служит всем, а все каждому.

Сейчас через прозрачные борта нашего конвертоплана мы видим центр Новой Арктиды – Гиперборейск, город геологов, металлургов, ихтиологов, исследователей, возникший в очистившихся ото льда полярных водах, водоизмещением, как мне подсказывают, в десять миллионов тонн. Чем-то он напоминает Чудо-юдо Рыбу-кит…

Его «спину» венчает полукилометровая Хрустальная гора, созданная миллиардами наноумельцев. Она состоит из кристаллов с управляемой изомерией и может принимать любую форму. На ней каждый день появляются новые скалы, утесы, пещеры, гроты, водопады. А потом исчезают, чтобы не наскучить. Ее украшают многоярусные сады и венчает ажурный детинец.

Теперь мы облетаем Новую Арктиду. Как вы видите, с одной стороны Гиперборейска все постройки – сплошная футуристика. Дома, похожие на паруса и гигантские анемоны, кораллы и радиолярии, морских ежей и губки. Они и, в самом деле, из квазиживого нанопланта, поэтому способны менять форму и ориентироваться на Солнце. Кстати, когда недостаточно естественного света и наступает полярная ночь, Солнцу помогают две орбитальные солетты – огромные параболические конструкции, обтянутые мономолекулярной зеркальной пленкой,

что собирают и направляют солнечный свет.

С другой стороны – традиционный русский град, только сияющий, новый, как глазированный. Сгущенные солнечные лучи, схожие с потоками золотистых вод, дробятся в огромные светоносные капли. Они прыгают с купола на купол, со стройных башенок теремов на изогнутые коньки изб, с блестящих оконниц на резные наличники и расписные подоконники. Насыщают ярчайшим изумрудом материал, похожий на дерн, что покрывает крыши. Тут и сады, среди деревьев прячутся высокие горницы. Сейчас белые лепестки отцветших арктических яблонь падают на постели из густых трав. Там как раз гуляет парочка одомашенных карликовых мамонтов, тоже с белой шерстью, так сказать натуральные блондины.

Это вид Mammuthus exilis, воссозданный после реконструирования палеоДНК, которая была перенесена в яйцеклетку слонихи. Однако тем, кто хочет полюбоваться на восстановленную мегафауну в хорошем масштабе, рекомендую посетить плейстоценовые парки, особенно Мамонтовую Степь, протянувшуюся от низовьев Лены до Колымы.

Увидеть подводную зону Новой Арктиды помогут инфракрасные камеры подводных дронов. Опоры платформ, напоминающие лес – а они созданы саморастущим нанопланом, – уходят вниз на километровую глубину. Под толстым слоем темной студеной воды – вершины хребта Ломоносова, которые когда-то озарял солнечный свет, во времена прежней Арктиды-Гипербореи.

Мы видим, что там идут работы, с участием бригады наших ихтиандров, людей, прошедших рациональную трансформацию для жизни в двух средах.

На вершины подводных гор опирается то, что находится на поверхности моря. А еще на этих вершинах гнездятся купола добычи и переработки минералов, трубчатые исследовательские модули, смахивающие на кораллы, комплексы по добыче гидрата метана, похожие на колоссальные колпаки, что прикрывают головы троллей. И огромные раковины главной энергетической установки Новой Арктиды – трех ядерных реакторов-бридеров.

Сейчас мы приземлимся на одной из площадок Хрустальной горы, чтобы посетить любопытную экспозицию местного музея.

Тут есть экспонаты с «Батавии» и других кораблей бесславно закончившегося проекта «Miðgarðsormr». В криокапсулах-холодильниках, под голубоватым мощным бронестеклом – три страшных существа: ооциста, спорозоит, гаметоцит. У гаметоцита все еще шевелятся створки грудных челюстей, а ооциста даже пытается сказать: «Вау». Хозяева проекта пошли до конца, потому

что он приносил им огромные деньги и должен был отделить самозваных бессмертных от смертных, которым была уготована незавидная участь. Но это оказался их собственный конец, о чем свидетельствует экспонированная в музее рука Саймона Зеффа, которую он откусил сам. Что модифицировало деймов и что их уничтожило, мы так до конца и не знаем. Но все тайное становится со временем явным. И время течет быстрее, когда есть большое дело…

С вами, на канале «Кощейки Бессмертные» для детей и мальков, была Надежда Воскресенская.

Где-то когда-то

Глубоко под водой плыло существо, смахивающее одновременно и на человека, и на морское млекопитающее, и даже на головоногого моллюска. Хотя татуировка на плече, на которой имелся якорь, Андреевский стяг и надпись «Северный флот», выдавала в нем человека, пусть и особого, подводного. Подводный человек был не одинок, его сопровождала пара тюленей и несколько белух А ниже, в пучине, находилось нечто совсем огромное, словно собранное из мириад и мириад мелких существ. Похожее на ожившую глубину, Левиафана древних преданий. И оно было ручным у того человека. Невидимые нити связывали бывшего военнослужащего Северного флота с морским гигантом, который ждал от него команд. Но человек сейчас развлекал себя сочинением стишка:

Дело было вечером в морге при больнице,
Обильное застолье, холодец и пицца.
Женятся прозекторы, веселье через край.
Вдруг из холодильника: «Откройте! Это рай?
Страшный суд прошел досрочно, нету адских мук,
Если что, я – Коля, физик, кандидат наук».
В то же время в зоопарке голосит вольер:
«Гориллу в президенты, плюс гиббон – премьер.
Вы права животных извольте уважать.
За убийство курицы можем бунт поднять».
В тот же час на чьей-то кухне ожил пылесос
И хозяйку, глядя снизу, засосать готов.
Женщина вскричала: «Не дамся, хоть убей».
Что ж, замена даме сердца – интернет вещей.
Квантовый кубитный разум в сети есть,
Он и дамой, и мужчиной может себя счесть.
И, поднявши голову, плавает планктон,

Осознавший мир идей, что создал Платон.
Стал весь мир у нас такой,
Снизу доверху живой,
Сверху донизу единый,
С боку в бок родимый.